

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (2) / 2016

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2016

№ 2 (2) / 2016 / МАЙ. Выходит не менее двух раз в год.
Научный журнал «Вестник ВоГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе
Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:

07.00.00 Исторические науки	10.01.00 Литературоведение
09.00.00 Философские науки	10.02.00 Языкознание
13.00.00 Педагогические науки	

Учредитель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Главный редактор

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора

Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор

Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Ответственный секретарь

А.И. Ланькова, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,
К. Вашик, доктор наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, ди-
ректор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете
г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,
Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,
Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,
Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,
С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной
коммуникации ВоГУ,
В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических
дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ

Переводчик

Ю.Н. Драчёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики
и теории коммуникации ВоГУ

Редактор – О.М. Ванчугова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://www.vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@mh.vstu.edu.ru

Содержание

<i>Синицын А.А.</i> НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК: ИТОГИ 2015 ГОДА	5
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Киселёва О.А.</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ФЕНИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	7
<i>Савина А.В.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ДЕЛА СЕРВЕТА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	11
<i>Соколова Т.Л.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРЕССА В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ).....	15
ФИЛОСОФИЯ	
<i>Касаткина С.С.</i> СЕМИОТИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	19
<i>Нестеров А.Ю.</i> ТЕХНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СЕМИОЗИС. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ	22
<i>Тягин И.Н.</i> ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА РОССИЙСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	29
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Баксанский О.Е., Голубчикова М.Г., Филиппова Е.В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ФГОС НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ	34
<i>Золотова О.А.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В КУРСЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС.....	38
<i>Козлова Г.Ю., Шишигина Т.Л.</i> АНАЛИЗ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ТЕКСТОВЫХ УМЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИТОВЫХ ИСПЫТАНИЙ).....	45
<i>Коробейникова Л.А.</i> РЕШЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАДАЧ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ.....	51
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Егорова Л.В.</i> ШЕКСПИР 2014. ОБЗОР РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ	55
<i>Ларионова А.Н.</i> ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ПОВЕСТИ А.А. ГРИГОРЬЕВА «ЛИСТКИ ИЗ РУКОПИСИ СКИТАЮЩЕГОСЯ СОФИСТА»	62
<i>Розанов Ю.В.</i> ОЧЕРК А.М. РЕМИЗОВА «ЦЕНТУРИОН»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ	65
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>Дьякова Н.С.</i> НОВЫЕ ТОПОНИМЫ НА КАРТЕ ВОЛОГДЫ	70
<i>Иванова Е.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕВЫХ ГНЁЗД С ВЕРШИНАМИ *PITI И *PĚTI В ПРАСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД	74
<i>Мальцева Р.И.</i> ИТАЛЬЯНСКИЙ СУБСТАНДАРТ: LINGUAGGIO GIOVANILE. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ	78
<i>Румянцева А.С.</i> О РОЛИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА В ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ И ЕГО ДИНАМИКЕ	81
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА	
<i>Безнин М.А., Баконов Е.Ю., Панов Л.С., Саблин В.А., Скупинова Е.А., Судаков Г.В.</i> ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ «СТАРИННЫЕ ГОРОДА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ»	87
НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ	
<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КРАСИЛЬНИКОВ Р.Л. ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ВВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКУЮ ТАНАТОЛОГИЮ). М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2015. 488 с.	99
<i>Киселёва Е.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КЕВЛЯ Ф.И. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСИЛИУМ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ОПЫТ. М., 2014. 78 с.	101
<i>Никитин О.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАЗЫЛЕВ В.Н. НАУКА О ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА: СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК. М.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА, 2013. 136 с.	101
<i>Колесова И.Е.</i> НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ О ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ ПО ГРАНТАМ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА В 2015 ГОДУ	104
<i>Берсенёва Л.А.</i> МАГИСТРАТУРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВоГУ – ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАУКУ	109
Информация об авторах	111

Contents

<i>Sinityn A.A.</i> RESEARCH ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY IN HUMANITIES, SOCIAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES: RESULTS IN 2015	5
HISTORY	
<i>Kiseleva O.A.</i> THE FOREIGN POLICY OF THE USA AFTER THE CIVIL WAR AND THE FENIAN MOVEMENT	7
<i>Savina A.V.</i> SOME ASPECTS OF REPRESENTATION OF «SERVET AFFAIR» IN HISTORICAL MEMORY	11
<i>Sokolova T.L.</i> REGIONAL KOMSOMOL PRESS IN THE PERESTROIKA ERA (BASED ON MATERIALS OF THE ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS).....	15
PHILOSOPHY	
<i>Kasatkina S.S.</i> SEMIOTIC RESEARCH OF URBAN SPACE (METHODOLOGICAL ASPECTS)	19
<i>Nesterov A.Yu.</i> TECHNICAL CONSCIOUSNESS AS SEMIOSIS: GOALS SETTING	22
<i>Tyapin I.N.</i> ETHICAL FOUNDATION OF THE GEOPOLITICAL IDEAL OF RUSSIAN TRADITIONALISM: HERITAGE AND MODERNITY	29
PEDAGOGY	
<i>Baksansky O.E., Golubchikova M.G., Filippova E.V.</i> EDUCATIONAL ORGANIZATION MANAGEMENT IMPROVEMENT IN THE CONDITIONS OF INTRODUCING THE NEXT GENERATION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS	34
<i>Zolotova O.A.</i> THEORETICAL AND EMPIRICAL KNOWLEDGE IN THE COURSE OF REGIONAL GEOGRAPHY IN THE CONTEXT OF INTRODUCTION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS.....	38
<i>Kozlova G.Yu., Shishigina T.L.</i> ANALYSIS OF TEXTUAL SKILLS LEVEL OF GRADUATES OF THE VOLOGDA REGION SECONDARY SCHOOLS (ON THE CASE OF THE FINAL EXAMINATIONS)	45
<i>Korobeinikova L.A.</i> RESEARCH PROBLEMS SOLUTION IN THE SYSTEM OF SCHOOL ENVIRONMENTAL EDUCATION	51
LITERARY	
<i>Yegorova L.V.</i> SHAKESPEARE 2014: RUSSIAN MAGAZINES REVIEW.....	55
<i>Larionova A.N.</i> GENRE FEATURES OF THE <i>PAGES FROM THE MANUSCRIPT OF A WANDERING SOPHIST</i> STORY BY A.A. GRIGORYEV	62
<i>Rozanov Yu.V.</i> A.M. REMIZOV'S <i>CENTURION</i> : TEXT AND CONTEXT	65
LINGUISTICS	
<i>Dyakova N.S.</i> NEW TOPONYMS ON THE MAP OF VOLOGDA	70
<i>Ivanova E.N.</i> SEMANTIC AND WORD-FORMATION DEVELOPMENT OF HISTORICAL ROOT CLUSTERS WITH THE ROOTS *PITI AND *PĚTI IN THE PROTO-SLAVIC PERIOD	74
<i>Maltseva R.I.</i> ITALIAN SUBSTANDARD: LINGUAGGIO GIOVANILE. AN OVERVIEW OF THE LANGUAGE SITUATION.....	78
<i>Rumyantseva A.S.</i> ON THE ISSUE OF THE ROLE OF LEXICAL PROTOTYPE IN LANGUAGE PROCESSING AND ITS DYNAMICS	81
ACADEMIC STUDIES IN THE UNIVERSITY	
<i>Beznin M.A., Bakonov E.Yu., Panov L.S., Sablin V.A., Skupinova E.A., Sudakov G.V.</i> HISTORY OF THE <i>ANCIENT CITIES OF THE VOLOGDA REGION</i> PUBLISHING PROGRAMME	87
SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS	
<i>Yegorova L.V.</i> BOOK REVIEW: KRASILNIKOV R.L. TANATOLOGICAL MOTIFS IN LITERATURE (INTRODUCTION TO PHILOLOGICAL THANATOLOGY). MOSCOW, 2015. 488 P.	99
<i>Kiseleva E.V.</i> BOOK REVIEW: KEVLYA F.I. PSYCHO-PEDAGOGICAL CONSULTATION: HISTORY, THEORY, EXPERIENCE. MOSCOW, 2014. 78 P.	101
<i>Nikinin O.V.</i> BOOK REVIEW: BAZYLEV V.N. THE SCIENCE OF LANGUAGE OF THE 21 ST CENTURY: A REFERENCE GUIDE. MOCSOW, 2013. 136 P.	101
<i>Kolesova I.E.</i> RESEARCH REPORT ON IMPLEMENTATION OF THE RUSSIAN FOUNDATION FOR HUMANITIES GRANTS IN 2015	104
<i>Berseneva L.A.</i> MASTER'S DEGREE COURSE AT THE PHILOLOGICAL FACULTY OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY: EDUCATION THROUGH SCIENCE	109
Information about the authors.....	111

А.А. Синицын

кандидат технических наук, доцент,
проректор по научной работе и инновационному развитию ВоГУ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК: ИТОГИ 2015 ГОДА

Научные исследования в сфере гуманитарных, общественных и педагогических наук составили значительную часть научно-исследовательской и инновационной деятельности Вологодского государственного университета. Эта деятельность была ориентирована на проведение фундаментальных и прикладных исследований, подготовку конкурентоспособных кадров в области филологии, истории, экономики, философии, социологии, лингвистики, культуры, а также в сфере педагогики и методики преподавания различных учебных дисциплин. О высоких результатах этой деятельности в 2015 году говорит уже тот факт, что, по данным РИНЦ, два ведущих места в университете по индексу Хирша занимают специалисты в области педагогических и гуманитарных наук (доктор пед. наук, проф. В.А. Тестов – первое; доктор ист. наук, проф. М.А. Безнин – третье). В первую пятерку тематических рубрик по распределению научных публикаций по данным РИНЦ входят педагогика, исторические науки и языкознание.

В 2015 году научно-исследовательскую работу вуза в сфере гуманитарных, общественных и педагогических наук аккумулировали научно-образовательные центры «Лингводидактика и иноязычная коммуникация» (директор – канд. филол. наук, доц. Ж.И. Подоляк), «Социальные технологии» (директор – канд. филол. наук, доц. В.Н. Асташов), «Проблемы современного естествознания» (директор – канд. биол. наук И.А. Мухин), Центр традиционной народной культуры (директор – канд. иск., доц. Г.П. Парадовская), Центр филологических исследований (директор – доктор филол. наук, проф. Г.В. Судаков), «Философия науки и техники» (директор – канд. филол. наук, доц. Н.А. Ястреб), а также научные лаборатории исследования историй цивилизаций (руководитель – канд. ист. наук, доц. М.А. Туманов), историко-краеведческих исследований (руководитель – Л.С. Панов), менеджмента качества (руководитель – канд. экон. наук, доц. О.Л. Гузакова) и др. Организация НИР в значительной мере была ориентирована на решение приоритетных научных задач, а также на социально-экономическое и культурное развитие региона: повышение качества и уровня жизни населения, развитие человеческого потенциала области, формирование и сохранение ее образовательного и культурного пространства. Все эти направления коррелируют со Стратегией социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года, а также с приоритетными направлениями развития науки и техники Вологодской области на 2015 год.

В 2015 году на базе Вологодского государственного университета состоялся ряд значительных научных мероприятий. Это всероссийские научные конференции «Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления», «Чтения к 80-летию со дня рождения профессора Ю.К. Некрасова», «Вологодский текст в русской культуре», «II Всероссийские Беловские чтения», «Музыкальная культура Вологодского края: актуальные аспекты исследования» и др. При непосредственном участии ВоГУ в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) состоялась международная «Школа-семинар молодых лексикографов и лингвогеографов» (координатор – доктор филол. наук, проф. Е.Н. Ильина). Актуальные проблемы гуманитарных, общественных и педагогических наук рассматривались на II Всероссийской междисциплинарной научной конференции молодых ученых «Человек в технической среде», а также на ставших уже традиционными научных мероприятиях: Всероссийской научной конференции «Вузовская наука – региону», молодежном научном форуме «Молодые исследователи – регионам», а также на Ежегодной научной сессии аспирантов и молодых ученых.

Значительную финансовую поддержку научных исследований в области гуманитарных и общественных наук со стороны федеральных научных фондов (РГНФ, РФФИ, Роснаука) и общественных организаций (Русское географическое общество) имели проекты по отечественной истории («Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания» (руководитель – доктор ист. наук, проф. М.А. Безнин), «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства» (руководитель – канд. ист. наук, доц. Н.Г. Кедров), «Подготовка издания “Описание Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг.”» (руководитель – канд. ист. наук, доц. И.В. Пугач), «Северная Русь в XIII–XVII вв.: Научно-популярные очерки» (руководитель – доктор ист. наук, проф. М.С. Черкасова), «ГИС-технологии и крупномасштабные карты XVIII–XIX вв. в изучении хозяйственно-демографических процессов в Центральной России» (руководитель – канд. ист. наук, доц. Д.А. Черненко)), по региональной филологии («Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”», «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона» (руководитель – канд. филол. наук Ю.Н. Драчёва), «Ре-

жа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» (руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.Ю. Зорина), *«Вологодский текст в русской словесности»* (руководитель – доктор филол. наук, проф. Е.Н. Ильина), *«Процессы функционально-семантической дивергенции лексического состава русских диалектов»* (руководитель – канд. филол. наук И.Е. Колесова), *«Географические названия Вологодской области»* (руководитель – доктор филол. наук, проф. Г.В. Судаков), по философии науки и техники (*«История философских идей»*, *«Человек в технической среде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей»*) (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н.А. Ястреб)).

Научно-исследовательская деятельность ВоГУ в области социальных, общественных и педагогических наук имела в 2015 году большое общественное признание. За монографию *«Аграрный строй России 1930–1980-х годов»* профессора Вологодского государственного университета доктор ист. наук, проф. М.А. Безнин и доктор ист. наук, проф. Т.М. Димони были удостоены Государственной премии Вологодской области по науке и технике. За высокие научные достижения в области науки и техники аспиранту кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации С.А. Ганичевой была присуждена премия Президента РФ. На Всероссийской выставке учебной литературы Российской академии естественных наук из серии «Золотой фонд отечественной науки» было представлено учебное пособие для учащихся 8–9 классов *«География Вологодской области»* (авторы – канд. геогр. наук, доц. Е.А. Скупинова и канд. геогр. наук, доц. О.А. Золотова), за которое Вологодский государственный университет получил диплом лауреата в номинации «Лучшее учебно-методическое издание в отрасли». Подготовленный преподавателями кафедры географии *«Атлас Вологодской области»* был представлен на Международном Парижском книжном салоне, привлек пристальное внимание посетителей и участников выставки.

В минувшем году на базе Вологодского государственного университета совместно с Сыктывкарским государственным университетом и Череповецким государственным университетом был создан объединенный диссертационный совет по специальностям 10.01.01 – Русская литература (филологические науки) и 10.02.01 – Русский язык (филологические науки). В декабре 2015 года на заседании этого совета состоялась первая защита кандидатской диссертации. Начал работу объединенный диссертационный совет на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославско-

го государственного университета им. П.Г. Демидова, Вологодского государственного университета и Вятского государственного гуманитарного университета по специальностям 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история) (исторические науки). Кроме того, на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Вятского государственного гуманитарного университета и Вологодского государственного университета действует объединенный диссертационный совет по специальности 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (литература, русский, иностранные). Активизация деятельности диссертационных советов позволила университету инициировать прием соискателей и докторантов, что, несомненно, пойдет на пользу развитию научно-исследовательской деятельности вуза.

Значительных успехов в сфере гуманитарных, общественных и педагогических наук достигли студенты ВоГУ. Они были удостоены дипломов Международного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» (М. Черняева), Всероссийского открытого конкурса научно-исследовательских работ студентов по педагогике и методике преподавания дисциплин на базе РГПУ им. А.И. Герцена (Т. Корепина, Е. Комарова, О. Качанова, И. Виноградова), регионального конкурса инновационных научных проектов «Моя стратегия – моё будущее» (Т. Комиссарова, Е. Бойко, А. Прокопьева). Значительный вклад внесли студенты ВоГУ в реализацию научных исследований по грантам Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (А. Ланькова, М. Черняева) и Российского гуманитарного научного фонда (Т. Комиссарова).

Одним из достижений научно-исследовательской деятельности университета стало учреждение серии «Гуманитарные, общественные и педагогические науки» рецензируемого научного журнала «Вестник Вологодского университета». Подготовка к печати первого номера этой серии обнаружила большой интерес к его изданию как со стороны преподавателей и сотрудников университета, так и со стороны многих российских и зарубежных ученых.

Ректорат Вологодского государственного университета благодарит преподавателей и сотрудников, активно участвующих в научно-исследовательской деятельности вуза. 2016 год ставит перед нами новые научные задачи. Хочется надеяться, что их решение приведет к получению качественно новых результатов, будет способствовать развитию гуманитарных, общественных и педагогических исследований в отечественной науке.

О.А. Киселёва

Вологодский государственный университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ФЕНИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В статье рассматривается отношение США к ирландскому движению фениев. Дается характеристика целей и тактики действий Ирландского Революционного Братства, его влияния на состояние американско-английских отношений. Вскрываются причины поддержки фениев частью политической элиты США. Автор приходит к заключению, что американское правительство использовало фенианское движение для решения своих внешнеполитических задач – реализации стремления к аннексии Канады и давления на Англию в целях урегулирования Алабамского кризиса на основе предложенной Вашингтоном платформы. Показана непосредственная связь между фенианским движением и Договором о натурализации (1870), заключенном между Великобританией и США на условиях, которые североамериканская администрация отстаивала с момента образования суверенного государства в XVIII веке. Изменение внутриамериканской и внешнеполитической ситуации стали существенными причинами прекращения деятельности американских фениев в начале 1870-х годов.

Англо-американские отношения, аннексия, внешняя политика, гражданская война, Ирландское Революционное Братство, натурализация, реконструкция, фениан.

Гражданская война (1861–1865) и Реконструкция Юга (1865–1877) составляют два этапа единого модернизационного процесса в США в XIX веке. На каждом из них существовала своеобразная связь внутренней и внешней политики. В годы конфликта между Севером и Югом внешнеполитические усилия были подчинены решению одной главной задачи – обеспечению победы над рабовладельцами и сохранению единого суверенного государства. Эти задачи были реализованы. С победой Севера и восстановлением единства страны в 1865 году консолидация внешнеполитических интересов происходила уже на основе целей и устремлений буржуазии, сосредоточившей в своих руках всю полноту государственной власти, опиравшейся на созданные во время войны вооруженные силы и сумевшей обеспечить высокие темпы роста национальной экономики. Новые международные цели washingtonской администрации были сформулированы государственными секретарями У.Г. Сьюардом (1861–1869) и Г. Фишем (1869–1877) и носили откровенно-экспансионистский характер¹. Важным объектом таких экспансионистских устремлений стала Канада, в отношении которой применялись прямые угрозы, меры экономического давления, территориальные притязания. Значительный интерес представляет использование частью политической элиты Соединенных Штатов в своих интересах одно-

го из течений в ирландском движении – так называемых фениев².

Ирландское национальное движение, насчитывающее несколько веков истории, всегда отличалось крайне сложным и противоречивым характером. Ирландское Революционное (Фенианское) Братство (ИРБ) возникло в конце 1850-х годов почти одновременно в США и в Ирландии. Организационно оба центра оставались практически самостоятельными и независимыми друг от друга. Состоявшийся в 1863 году конгресс американских фениев заявил о создании открытой легальной организации, добывающей национальное освобождение Ирландии. Лидеры Братства поощряли участие ирландцев в гражданской войне в США, стремясь обучить военному делу потенциальных участников восстания на родине против английской короны. По данным зарубежных историков, в армии Севера сражалось 140–170 тыс. ирландцев и 340 тыс. лиц ирландского происхождения. К концу 1865 года Фенианское общество в США насчитывало 613 отделений и 184 тыс. членов, располагая средствами в 5 млн долл. [4, с. 42]. Фенианское руководство регулярно снабжало своих «собратьев» на родине деньгами и оружием, направляло в Ирландию опытных военных инструкторов. Братство рассчитывало на поддержку США в реализации поставленной цели. Эти расчеты строились, исходя из крайне напряженных отношений между Соединенными Штатами и Великобританией, вызванных Алабамским кризисом (1865–1872). Его содержание составил во-

¹ См. об этом подробнее: Киселёва, О.А. Экспансионистские настроения в США после Гражданской войны 1861–1865 гг. / О.А. Киселёва // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы науки и образования: опыт и перспективы»: в 2 т. Армавир: РИЦ АЛСИ, 2013. Т. 1. С. 124–131.

² Название произошло от слова «fian» («feinne»). Так называли легендарных воителей древней Ирландии, воспетых в народной поэзии.

прос о соответствии политики Англии провозглашенному ею нейтралитету (1861) и о возмещении ущерба, нанесенного Североамериканской республике в результате поддержки Лондоном Конфедерации Юга. Конфронтация сторон была настолько сильна, что по обе стороны Атлантики звучали голоса, предупреждавшие о неизбежности военного конфликта между ними.

Внутри Ирландского Революционного Братства существовали различные течения. С середины 1865 года в ходе борьбы между «ирландским» и «канадским» крылом фениев все больше сторонников обрела идея борьбы за ирландскую независимость на американской почве: путем вытеснения англичан из Канады и превращения части ее территории в базу для развертывания военных операций против Англии. Вопрос об адекватности применявшихся лидерами организации средств борьбы провозглашенным ими целям, является, на наш взгляд, достаточно сложным. Неслучайно американский историк Л.Б. Шиппи указывал на неопределенность содержания и тактики движения: «Порой, казалось, они намерены создать новую республику на североамериканском континенте, порой выступали просто как один из вариантов аннексионистского движения и всегда стремились нанести удар Англии» [6, с. 23]. В значительной мере именно эта неопределенность и позволяла американским политикам предпринимать попытки манипулирования фениев в своих целях. Облегчалось это широко распространенными антибританскими настроениями в США после гражданской войны. В условиях, когда стремление к захвату Канады в США достигло небывалого размаха, а потерпевшие поражение плантаторы уже не могли помешать экспансии Севера, часть американских правящих кругов была намерена использовать фениев в качестве одного из орудий аннексионистской политики.

При этом необходимо учитывать, что существовали и серьезные внутривнутриполитические причины внимания американских политических элит к ирландской организации. Главная из них – крайняя напряженность борьбы между умеренными (их поддерживал президент Э. Джонсон) и радикальными республиканцами по вопросу о методах и характере реконструкции Юга. Политиков не могло не беспокоить электоральное поведение лиц ирландского происхождения, составлявших 33 процента натурализованных граждан США [1, с. 6]. Оценка численности избирателей, находившихся под влиянием фениев, в 1 млн чел. [4, с. 150] не представляется нам чрезмерно преувеличенной.

Несмотря на это, в администрации США не было единодушия в отношении ИРБ. Это с особой силой обнаружилось весной 1866 года в связи с готовившимся рейдом фениев в Канаду и приостановкой английским парламентом действия в Ирландии Закона о неприкосновенности личности (1679 г.). Ряд министров во главе с руководителем военного ведомства Стэнтоном предложили издать прокламацию о нейтралитете и осудить любое вторжение ирландцев в Канаду. Но эта инициатива была отклонена на том основании, что она толкнет американских ирландцев в лагерь радикальных республиканцев – ожесточенных противников президентской Реконструкции [9,

с. 451], фактически превратившейся в реставрацию утраченного ранее преобладания плантаторов на Юге.

31 мая 1866 года отряд фениев численностью 1500 человек пересек Ниагару и захватил Форт Эри. 3 июня, после стычек с канадской милицией и получения информации о приближении регулярных британских войск, ирландцы вернулись в США, где и были задержаны властями. Поразительна непоследовательность дальнейших действий правительства. 4 июня, явно под влиянием умеренных республиканцев, блокировавшихся с демократами, кабинетом было принято решение об освобождении фениев под залог [7, с. 946]. Это вновь резко осложнило обстановку на канадской границе, и лишь 6 июня 1866 года президент Э. Джонсон издал Прокламацию о нейтралитете, запрещающую гражданам США принимать участие или оказывать содействие любым военным приготовлениям и действиям против Британской Северной Америки [8, с. 74]. Причины этой непоследовательности следует искать в той же дилемме, которая стояла перед правительством США: угроза дальнейшего ухудшения отношений с Великобританией или же потеря поддержки ирландского электората на общенациональных федеральных выборах 1866 года, когда должна была переизбираться вся Палата представителей Конгресса США и одна треть Сената.

В июне 1866 года президент выбор сделал. Даже лорд Кларендон, министр иностранных дел Великобритании, признал, что изданная Джонсоном Прокламация произвела переворот в британском общественном мнении, настроенном отныне более благоприятно к США. Тем не менее, коалиция консервативных (умеренных) республиканцев и демократов не теряла надежды на существенную ирландско-американскую поддержку. В конгресс США поступали резолюции, выражавшие симпатию фениев. Предпринимались попытки наладить тесный контакт с Центральным Исполнительным Комитетом ирландских граждан – организацией, проводящей политическую агитацию среди данной категории избирателей. Но эти надежды потерпели крах: на выборах 1866 года консервативные силы потерпели поражение. Был положен конец президентской реконструкции (1865–1867) и начался новый этап – радикальной реконструкции (1867–1877), в результате которой была ликвидирована опасность реставрации дореволюционных институтов на Юге США. Более или менее точный ответ на вопрос о степени влияния ирландского электората и фениевской агитации на такой исход выборов представляется проблематичным. Но не подлежит сомнению тот факт, что в штатах с многочисленным ирландским населением количество голосов, поданных за кандидатов от умеренных республиканцев и демократов, сократилось пропорционально росту голосов в пользу радикальных республиканцев.

Провал организованного фениев рейда в Канаду и последовавшая за этим Прокламация о нейтралитете, изданная президентом Э. Джонсоном, стали рубежом в деятельности Фениевского Братства. Его внимание переключилось на подготовку восстания на территории Ирландии, что повлекло за собой обострение старого американско-английского спора о гражданстве, натурализации и статусе натурализованных

лиц. Другими словами, фенианское движение фактически поставило перед Вашингтоном важную международно-правовую проблему, в решении которой США были крайне заинтересованы как государство, принимавшее большое количество иммигрантов из Великобритании.

В 1866–1867 годах английский парламент неоднократно приостанавливал действие в Ирландии Закона о неприкосновенности личности (1679), поводом к чему послужила активизация деятельности ирландских революционеров и «прибытие эмигрантов из США с целью осуществления восстания кровопролитными и террористическими методами» [3, с. 660, 724]. В условиях фактически введенного чрезвычайного положения в Ирландии были проведены массовые аресты, в том числе были задержаны участники экспедиции Джекмела, прибывшей из Нью-Йорка летом 1867 года. Среди арестованных были и урожденные американцы, но подавляющее большинство составляли американцы, рожденные под британским флагом. В США состоялись массовые митинги фениев, выражавших протест против обращения Великобритании с американскими ирландцами как подданными британской короны и требовавших вмешательства со стороны правительства США.

Таким образом, в отношениях двух англосаксонских стран крайне обострился вопрос о статусе натурализованных американцев ирландского происхождения. В соответствии с английским законом – «однажды англичанин – всегда англичанин» – они оставались подданными английской короны. С точки зрения американского правительства, они являлись гражданами США, имевшими равные права с урожденными американцами. Противоположность доктрин гражданства была обусловлена различиями в историческом и этническом развитии двух стран. США, население которых в огромной степени состояло из иммигрантов, с большой настойчивостью добивались признания европейскими государствами принципа экспатриации.

«Ирландская проблема» в отношениях между Лондоном и Вашингтоном обострилась настолько, что к ней вынужден был обратиться президент Э. Джонсон в ежегодном послании конгрессу 3 декабря 1867 года. Он, охарактеризовав ее как «сложный и своеобразный конфликт», призвал конгресс выразить «национальную волю по этому важному вопросу» [2, с. 580–581]. В палату представителей был внесен Билль «О правах американских граждан за границей», получивший название «Билля возмездия». Он гласил, что «в случае ареста натурализованного американца иностранным правительством на том основании, что натурализация в США не означает утраты прежнего гражданства или подданства, президент должен быть уполномочен издать распоряжение об аресте любого гражданина или подданного этого иностранного правительства, находящегося в данный момент в пределах юрисдикции США» [7, с. 783]. По мнению американского историка Р.Л. Морроу, принятие этого билля Конгрессом, имевшего один прецедент в истории, – закон Наполеона I, должно было бы немедленно привести США к войне с Великобританией, так страстно желаемой фениями [5, с. 668]. Но законопро-

ект был отклонен, так и не возмев желаемого действия на правительство Великобритании.

После этого, на рубеже 1867–1868 годов, в обеих странах стали появляться различные предложения по урегулированию возникшей проблемы. Известный английский юрист В. Харкорт высказался за пересмотр устаревшей доктрины неизменного гражданства и внес предложение о создании двусторонней комиссии из юристов и государственных деятелей обеих стран для выработки соглашения. Министр иностранных дел Великобритании лорд Стенли предложил создать международную комиссию из представителей США, Пруссии, Франции и Англии. Она должна была разработать и рекомендовать к реализации общую для них систему регулирования вопросов, связанных с гражданством. Предусматривалось, что такая система будет закреплена многосторонним соглашением [5, с. 668]. Данный вариант урегулирования, несомненно, явился отражением усилившейся тенденции к интернационализации хозяйственной жизни и, в частности, процессов миграции рабочей силы. США в лице госсекретаря У.Г. Сьюарда выдвинули свой план. Договор о гражданстве, по их мнению, должен был предусматривать право каждого человека, не совершившего какого-либо преступления, покинуть родину и приобретать новое гражданство; а также предоставлять натурализованному лицу защиту со стороны государства, чье гражданство он приобрел, наравне с урожденными гражданами этого государства. Таким образом, США выступили за признание абсолютного права экспатриации и натурализации.

Именно эти принципы и легли в основу подписанного 9 октября 1868 года двустороннего протокола о натурализации. После принятия английским парламентом (несмотря на попытки воспрепятствовать этому) 12 мая 1870 года Закона о натурализации, изменившего английское законодательство, были ликвидированы все препятствия для заключения соответствующего договора. Он был подписан 13 мая 1870 года, а в августе того же года вступил в силу.

Таким образом, американо-английский договор о натурализации закрепил важную уступку со стороны Великобритании, признавшей принципы экспатриации и натурализации, что явилось серьезным приобретением США, принимавших огромное число иммигрантов в условиях бурного экономического роста после гражданской войны. С подписанием этого договора получила разрешение проблема, осложнявшая двусторонние отношения с момента возникновения США. Тот факт, что она была урегулирована на основе принципов, выдвинутых Вашингтоном, явилось свидетельством усиления Соединенных Штатов, преодолевших болезненные последствия раскола и достигших консолидации в рамках единого государства, с чем не могла не считаться Великобритания. В то время это означало, что английское правительство признало несоответствие концепции неизменного гражданства новым мировым реалиям.

Как следует оценить влияние фенианского движения на достижение договоренности? Деятельность Ирландского Революционного Братства явилась, безусловно, побудительным мотивом к возобновлению

обсуждения проблемы натурализации. Неслучайно У.Г. Сьюард неоднократно прибегал к угрозам нового вторжения фениев на территорию Канады в качестве средства давления на Англию. Подписание же договора означало серьезный удар по надеждам ирландских революционеров на углубление англо-американской конфронтации.

В начале 1870-х годов изменилась совокупность внешне- и внутривосточных факторов, определявших отношение США к ИРБ. В Вашингтоне успешно проходили переговоры об урегулировании Алабамского кризиса. Отпала необходимость использования фениев против Великобритании, и без того проявлявшей готовность пойти на компромисс. Ушли в прошлое и баталии по поводу реконструкции Юга, бывшие ранее одним из главных источников внимания правительства США к фениям в связи со стремлением заручиться электоральной поддержкой ирландцев. Эти перемены совпали с падением влияния самой организации: безуспешные вторжения «армии» ИРБ в Канаду в мае 1870 и в октябре 1871 года означали конец активной деятельности американских фениев.

Литература

1. Berthoff, R. *British Immigrants in Industrial America. 1790–1950* / R. Berthoff. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1953. – 296 p.
2. *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1787–1897* / Comp. by Richardson J.D. – Vol.1. – Washington: Government Printing Office, 1869. – 892 p.
3. Great Britain. *Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series.* – Vol. CLXXXI. – London: Cornelius Buck, 1866. – 1024 p.
4. Jenkins, B. *Fenians and Anglo-American Relations during Reconstruction* / B. Jenkins. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1969. – 346 p.
5. Morrow, R. *The Negotiation of Anglo-American Treaty of 1870* / R. Morrow // *American Historical Review.* – July 1934. – Vol. 39. – P. 663–681.
6. Shippee L. *Canadian-American Relations. 1849–1874* / L. Shippee. – New York: Russel & Russel, 1970. – 514 p.
7. U.S. Congress. *Congressional Globe. 40th Congress, 2nd session.* – Part 1. – Washington: Government Printing Office, 1868. – 1007 p.
8. U.S. Department of State. *Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1866–1867* – Vol. 1. – Washington: Government Printing Office, 1868. – 987 p.
9. Welles, G. *The Diary of G.Welles* / G.Welles / Ed. by Beale H. – Vol.2. – Boston and New York: Houghton Mifflin Co., 1911. – 653 p.

Рецензент – В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ.

O.A. Kiseleva

THE FOREIGN POLICY OF THE USA AFTER THE CIVIL WAR AND THE FENIAN MOVEMENT

The article is devoted to the USA government's attitude to the Irish Fenian movement. The author characterizes the aims and tactics of the Irish Revolutionary Fraternity and its influence upon Anglo-American relations. The reasons of support of this organization by the part of the American establishment are described. The author concludes that the USA government used the Fenian movement to pursue their own foreign policy interests: annexation of Canada and pressure upon Great Britain in order to resolve the Alabama crisis on the platform proposed by Washington. The connection between the Irish Fenian movement and the Treaty of Naturalization (1870) is also shown. The Treaty realized American historic purpose to attract more immigrants to the USA. The reasons of termination of the Irish Revolutionary Fraternity's activity are also analyzed.

Anglo-American relations, annexation, foreign policy, civil war, the Irish Revolutionary Fraternity, naturalization, reconstruction, Fenians.

А.В. Савина
Вологодский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ДЕЛА СЕРВЕТА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Статья посвящена отражению и сохранению в исторической памяти событий в Женеве в 1553 году, известных как «дело Сервета». В статье рассматривается как научная репрезентация «дела Сервета», так и коммеморация в городском пространстве Женевы в период с XIX века по настоящий день. Выявление эволюции в отношении к «делу Сервета» в Женеве является одним из ключевых аспектов исследования. В качестве источников выступают научные труды зарубежных и отечественных историков, материалы женевской и российской прессы.

Ж. Кальвин, М. Сервет, коммеморация, историческая память, веротерпимость, «место памяти».

Сервет и Кальвин – эти имена в исторической памяти слиты воедино. Причем их образы, закрепившиеся в стереотипных представлениях, имеют абсолютно полярную окраску. Кальвин – «убийца», «инквизитор», фанатик. Сервет – мученик за идею, жертва нетерпимости, человек, пострадавший за свои принципы. Воедино их свела короткая, но трагичная история в Женеве и дальнейшая «слава» о ней.

У нас имя Мигеля Сервета почти не известно. На Западе же Сервет – одна из самых изучаемых в XX веке личностей эпохи Реформации. О нем пишут диссертации, статьи и монографии, издаются его труды, проводятся конференции и конгрессы, широко отмечаются памятные и юбилейные даты, связанные с ним. Активное научное осмысление разнообразных тем, связанных с Серветом, началось во второй половине XIX века. Из исследователей этого периода следует выделить Генри Толлина (1833–1902) – магдебургского пастора, автора многочисленных работ на тему «дела Сервета». Современник Филипп Шафф называл его «величайшим специалистом по Сервету», однако отмечал, что Толлин сделал из него героя и гения [16, с. 505]. Самый авторитетный специалист по этой теме в XX веке американский историк Ролэнд Бэйнтон (1894–1984) называл работы Толлина агиографией [17, р. 72]. Из современных историков стоит выделить французскую исследовательницу Валентин Цубэ [21]. Конечно, более всего «серветология» развита на родине теолога и ученого: в испанской историографии Мигель Сервет предстает национальным героем с элементами мифологизации образа [3, с. 22–24].

Увековечиванию памяти о Сервете в общественном сознании послужила не только историческая наука, но и литература. Свой вклад внес знаменитый австрийский писатель Стефан Цвейг, из-под пера которого в 1936 году вышла беллетризованная биография «Совесть против насилия. Каstellio против Кальвина» [15]. Интересно, что почти одновременно, в 1937–1938 годах, наш соотечественник Д.С. Мережковский, будучи в эмиграции, также написал очерк, посвящен-

ный Кальвину, где уделил особое внимание «делу Сервета» [11, с. 191–297]. Оба автора эмоционально выступили против нетерпимости Кальвина, рисуя его палачом, деспотичным диктатором, воплощением зла. Видимо, установившиеся в Западной Европе и СССР в 1930-е годы политические режимы с репрессиями и попранием прав человека вызывали у Цвейга и Мережковского сходные аналогии с «тотальной» властью Кальвина в Женеве и казнью Сервета.

В нашей стране Сервет известен мало. В XIX веке появились два труда, непосредственно посвященных Сервету: «исторический этюд» приват-доцента Московского университета В.М. Михайловского [9] и докторская диссертация профессора Казанской духовной академии Е.А. Будрина [5]. Также тема «дела Сервета» затрагивалась в наиболее фундаментальном отечественном исследовании учения и деятельности Кальвина – докторской диссертации Р.Ю. Виппера [6], и фигурировала в научно-популярных очерках, посвященных Кальвину [9] [14].

В советское время авторы сетовали, что найти о Сервете достоверную информацию трудно, хотя его имя постоянно упоминается в «перечне жертв религиозного фанатизма» ([12, с. 16]; [8, с. 33]). В современной отечественной историографии обращение к этой теме по-прежнему редкость. Ведущим российским исследователем следует считать специалиста в области истории медицины Е.Е. Бергер ([1]; [2]; [3]).

Кто же такой Мигель Сервет? Родился он в 1509 или 1511 году в испанском Арагоне, в городе Виллана ди Сиенна. Во французской Тулузе изучал право, в швейцарском Базеле – богословие, в Сорбонне учился математике, естествознанию и медицине. Получив степень доктора медицины, Сервет сначала читал лекции в парижском колледже, затем переехал в город Вьенн под Лионом, где работал врачом.

Сервет опубликовал три богословские работы: «О заблуждениях учения о Троице» (1531), «Диалоги о Троице» (1532), «Восстановление христианства» (1553). Каждый из этих трактатов наделал немало

шума и вызвал резкую негативную реакцию и со стороны католиков, и со стороны протестантов. Дело в том, что Сервет отрицал триединство Бога, утверждая, что догмат о Троице несовместим с единой сущностью Бога. Кроме того, Сервет выражал сомнения в божественной природе Христа.

После выхода книги «Восстановление христианства» Сервет попал под суд католической инквизиции и был приговорен во Вьенне к смерти за распространение идей антиринитаризма. Однако ему удалось бежать. В 1553 году Сервет, счастливо избежав французской инквизиции, отправился в Италию, но по пути туда по неясным причинам оказался в Женеве.

Этот богатый город с республиканским устройством, стоявший на пересечении торговых путей, был уникальным явлением даже для XVI столетия, поражая современников своей невероятно религиозной атмосферой. В большой степени уникальность Женевы той эпохи была связана с деятельностью Жана Кальвина (1509–1564) – автора знаменитого «Наставления в христианской вере», систематизатора протестантского вероучения и создателя протестантской церкви. Француз по происхождению, Кальвин волею судеб стал сначала реформатором, а затем и духовным правителем Женевы вплоть до своей смерти в 1564 году.

Известно, что Сервет и Кальвин были заочно знакомы, с 1545 года состояли в переписке и даже обменялись трудами, однако мнения их не сошлись, дерзкие замечания по поводу «Наставления в христианской вере» заделали Кальвина, он разорвал переписку и прекратил общение. Был ли рискованный визит Сервета в Женеву вызван стремлением «выяснить отношения» с Кальвином, либо Сервет имел связи с женевской оппозицией Кальвину – так называемыми «либертинами», доподлинно неизвестно [17, р. 88]. 13 августа 1553 года Сервет был опознан на проповеди Кальвина в церкви (как это произошло, тоже неясно, ведь в лицо Сервета не знали) и арестован.

Судил Сервета женевский магистрат, который поддержали магистраты других швейцарских городов: в сентябре 1553 года за суровое наказание «еретика» высказались власти Цюриха, Берна, Шофхауза и другие. В итоге Женевский Малый совет признал Сервета виновным в ереси, и 27 октября 1553 года испанец был сожжен на костре близ Женевы вместе со своими сочинениями.

Такова суть «дела Сервета». Далее речь пойдет о том, какова его «судьба» в памяти поколений. Первый кирпичик в увековечивание памяти о Сервете заложил сам Кальвин, опубликовав в Женеве в 1554 году трактат «Защита веры в Святую Троицу от чудовищных заблуждений испанца М. Сервета», где яростно обосновывал обязанность мирской власти мечом наказывать отступников от слова Божьего.

В ответ французский протестантский проповедник Себастьян Кастеллион (1513–1563), с которым у Кальвина уже был конфликт (Кастеллиону отказали в должности пастора в Женеве из-за теологических расхождений), под псевдонимом Мартин Беллий выпустил в Магдебурге в 1554 году «Трактат о еретиках, а именно – следует ли их преследовать и как следует обращаться с ними, согласно суждению, мнению и

высказыванию многих авторов, как древних, так и современных». Этот трактат против религиозной нетерпимости в дальнейшем сделал Кастеллиона символом борьбы против нетерпимости: именно он заявил, что казнь Сервета – это убийство, как любая казнь за расхождение во взглядах.

В защиту Кальвина выступил соратник реформатора и впоследствии его преемник в Женеве Теодор де Без, чей труд «О власти магистрата в наказании еретиков» (Женева, 1554) оценивается как «самая полная апология казней еретиков, ни до, ни после этого никем непревзойденная» [10, с. 89].

Другими словами, казнь Сервета стала основой для серьезной полемики по вопросам свободы совести и гонений за веру, и именно эта полемика не позволила предать забвению «дело Сервета» и обратила на него внимание последующих поколений.

Что касается трудов Сервета, то они были в большинстве своем уничтожены. По словам Ф. Шаффа, из 800–1000 копий главного труда Сервета «Восстановление христианства» уцелели 4–5 экземпляров оригинального издания [16, с. 501–502]. Переиздание трактата произошло только в 1723 году в Лондоне, затем в 1790 году в Нюрнберге [17, с. 78].

В XVIII веке публикуются материалы вьеннского судебного процесса над Серветом (Париж, 1749) [16, с. 503]. Материалы женевского судебного процесса были опубликованы только в 1844 году профессором Женевского университета Альбером Рийе (1809–1883) [19]. Сам факт обнародования материалов дела спустя столетие после того, как на подобный шаг пошла католическая Франция, говорит о том, что Женева долгое время предпочитала забыть о «деле Сервета». Бытовало мнение, что документы процесса исчезли, а попытки узнать больше о сути происшествия наталкивались на противодействие местных властей. Например, живший в Женеве в 1755–1759 годах известный противник религиозной нетерпимости Вольтер писал в своих мемуарах (запись от 6 ноября 1759 года), что его противники «формальным образом хотели доказать..., что Кальвин был добрый человек, и просили женевский совет сообщить им документы, относящиеся к процессу Сервета. Однако совет был разумнее их и отказал им в выдаче бумаг» [7, с. 62]. Российский историк В.М. Михайловский приводит историю о том, что в XVIII веке женевский пастор и профессор богословия Якоб Верне хотел изучить процесс Сервета и пытался получить у городского совета доступ к документам, в чем ему было отказано и настоятельно рекомендовано не заниматься этим сюжетом [9, с. 42]. Вероятно, эти истории – об одном и том же.

Значение публикации женевского процесса огромно: недаром документы уже в 1846 году в Эдинбурге опубликовали на английском языке с примечаниями и дополнениями под «говорящим» заголовком «Кальвин и Сервет: участие реформатора в суде над Серветом исторически доказано» [20].

Наконец, все источники, связанные с «делом Сервета», попали в фундаментальное издание «Corpus reformatorum» (Leipzig; Zürich, 1834–1963. V. 1–101): в рамках серии, посвященной Кальвину, в 1870 году в 36 томе издания были опубликованы труды Сервета, его письма, материалы судебного процесса. Публика-

ция источников, а также открытие швейцарских архивов привели к тому, что вторая половина XIX века стала временем настоящей «рецепции» Сервета.

Вслед за научным осмыслением настало время монументальной коммеморации «дела Сервета». Как и в случае с публикацией источников, католики снова опередили протестантов: первый памятник Сервету был поставлен в Мадриде еще в 1876 году, правда, не дожил до наших дней¹. Что касается Женевы, то инициатива возведения памятника возникла в 1903 году, в связи с 350-летием казни Сервета. Характерно, что инициативную группу возглавил не женевец, а француз – Огюст Диде (1839–1918), протестантский пастор, сенатор в 1885–1894 годах, издатель газеты «Либеральный протестант», автор исследования о Сервете и Кальвине [18], президент Международного комитета имени Сервета. Однако реализация проекта, требующего сбора средств, затянулась.

Сами женеvцы тоже решили «отметить» памятную дату, и их идея реализовалась быстрее. В квартале Шампель, на окраине Женевы, где был сожжен Сервет, появилась стела, торжественно открытая в день казни 27 октября 1903 года. Стела представляла собой неприметную серую плиту. Безликость памятника «обосновал» в своей речи на торжественном открытии профессор теологии из французского Монтобана, один из ведущих в то время исследователей Кальвина Эмиль Думерг, сказав, что это памятник не Сервету, не Кальвину, а всем жертвам эпохи нетерпимости².

Надпись, высеченная на стеле, весьма красноречиво показывает отношение женеvцев к «делу Сервета»: «Мы, почтительные и благодарные последователи Кальвина, нашего великого Реформатора, осуждая, тем не менее, ошибку, которая была ошибкой его века, и строго придерживаясь свободы совести в соответствии с истинными принципами его Реформации и Евангелия, воздвигли этот покаянный памятник». Как видно, надпись посвящена скорее Кальвину, нежели Сервету, имя которого даже не упомянуто, не говоря уже о казни. Непосвященный человек, оказавшись перед стелой, едва ли поймет, о каком событии идет речь.

Памятник в надписи назван покаянным, «последователи» Кальвина осуждают реформатора и подчеркивают свою приверженность принципу свободы совести, однако посыл надписи носит «оправдательный» характер для Кальвина, ведь казнь Сервета названа всего лишь «ошибкой», которую списывают на суровое время.

Через пять лет группе под руководством О. Диде удалось реализовать свой проект. Судя по материалам женеvской прессы, отношение к нему в городе было весьма неоднозначное. В «Женеvской газете», одной из главных газет города, в мае 1908 года была опубликована анонимная заметка, «дышащая» явно недоброжелательным отношением к идее Диде и компа-

нии³. Последние рассматриваются как чужаки со своим «монастырским уставом»: автор возмущен тем, что иностранные «вольнодумцы» собирают деньги на установку статуи Сервета в городе, где нет даже памятника Кальвину⁴. Автор заметки желчно замечает: почему бы Диде не озаботиться памятником во Франции в честь погибших в ночь Святого Варфоломея или от революционного террора? Для него инициатива Диде означает не что иное, как посягательство на «святое», как выступление против Кальвина, который сделал Женеву великим городом⁵.

Несмотря на непонимание со стороны женеvцев, Диде и его сторонники добились своего: 25 октября 1908 года памятник Сервету был установлен. Правда, не в Женеве, а в Аннемассе, французском городке в 8 км от Женевы. Корреспондент «Московского еженедельника» в Женеве писал по этому поводу: даже теперь, в XX веке женеvские кальвинисты не могут освободиться «от мрачных призраков религиозной нетерпимости» и запретили воздвигать памятник Сервету в самой Женеве [4, с. 53]. По официальной версии отказ женеvских властей был мотивирован тем, что в городе уже была стела 1903 года⁶. На открытии монумента мэр Аннемасса объяснил установление статуи на французской земле тем, что Сервет был французом «в сердце» и «по духу», а его свободомыслие зародилось именно во Франции (во время учебы). Вместе с тем, мэр оговорился, что этим шагом власти города никак не хотят внести напряжение или враждебность в отношения с соседней Женевой⁷.

Возможно, опасения мэра Аннемасса и неприятие женеvских властей были связаны с характером самого памятника, который не имел ничего общего с весьма абстрактной стелой. На одной стороне пьедестала была выбита недвусмысленная цитата из Вольтера: «Арест Сервета в Женеве, где он не печатал и не пропагандировал свои мысли и, следовательно, не был подчинен женеvским законам, нужно рассматривать как акт вандализма и нарушение международных прав». На другой стороне – пронзительный отрывок из письма Сервета, которое он написал в женеvской тюрьме, прося об ускорении рассмотрения своего дела. Как видно, в сравнении со стелой этот памятник гораздо более «говорящий»: здесь налицо, с одной стороны, трагедия Сервета, с другой – незаконность действий Кальвина и его жестокость.

Примечательно, что в статье в «Женеvской газете» об открытии памятника в Аннемассе не рассказывается о надписях на пьедестале, однако с сарказмом указывается на «некоторое сходство» монумента с Диде, цитируется Э. Думерг («не надо делать из Сер-

¹ Беглова, Н. В чем Сервет превзошел Кальвина? [Электронный ресурс] // Наша Газета.ch. 14 марта 2014. // URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/swiss/17319> (дата обращения 20.05.2015).

² Anonyme. Inauguration du monument exilatoire de Champel [Электронный ресурс] // *Journal de Genève*. 1903. 3 novembre. URL: <http://goo.gl/c8jEJZ> (дата обращения 19.05.2015).

³ Anonyme. Une statue [Электронный ресурс] // *Journal de Genève*. 1908. 12 mai. URL: <http://goo.gl/KuL03B> (дата обращения 28.05.2015).

⁴ Надо отметить, что отсутствие памятника реформатору было связано с завещанием самого Кальвина, который запретил даже памятный камень на своей могиле.

⁵ Anonyme. Une statue [Электронный ресурс] // *Journal de Genève*. 1908. 12 mai. URL: <http://goo.gl/KuL03B> (дата обращения 28.05.2015).

⁶ Anonyme. Servet a Annemasse [Электронный ресурс] // *Journal de Genève*. 1908. 26 octobre. URL: <http://goo.gl/x9VqMM> (дата обращения 20.05.2015).

⁷ Там же.

вета героя свободомыслия и толерантности»), и отмечается, что население Аннемасса отнюдь не единодушно приняло факт установки монумента⁸.

Интересна судьба памятника в Аннемассе: в 1942 году правительство Виши его уничтожило, отправив на переплавку. На сохранившийся цоколь памятника участники движения Сопротивления возложили венки, на ленте которого была надпись: «Сервету – первой жертве фашизма!» В 1960 году памятник вновь был воссоздан на основе копии, которая сохранилась в семье скульптора, Клотильды Рош⁹.

В 1909 году Женева с помпой праздновала 400-летие со дня рождения Кальвина. В память о Кальвине, а также его соратниках и последователях (Г. Фарель, Дж. Нокс, Т. де Без) в городе был заложен масштабный монумент – Стена Реформации. Очевидец празднования, российский корреспондент И. Бороздин писал, что юбилей отличался «неумеренным превозношением заслуг Кальвина», «умышленным затушевыванием всех отрицательных сторон его деятельности», при этом по рукам ходили прокламации «оппозиции», в которых вспоминали о «величайшем преступлении» Кальвина, о «грехе, который вечно будет тяготеть над памятью реформатора» – о сожжении Сервета [4, с. 53].

Прошло более 100 лет, и, наконец, статуя Сервета обрела место в самой Женеве. 3 октября 2011 года, в честь 500-летия со дня рождения испанского теолога была установлена копия аннемасской скульптуры рядом со стелой 1903 года. Как значится в коммюнике городских властей, этим шагом муниципалитет отдал дань уважения ученому, врачу и гуманисту¹⁰. Интересно, что почетными гостями церемонии открытия стали только светские лица (в том числе посол Испании в Швейцарии), представители церкви в коммюнике не перечислены.

Изабель Грэссле, директор женевского Музея Реформации, выступавшая на церемонии, давая комментарий женевской газете «Le Temps», отметила, что по прошествии более 100 лет ситуация изменилась: Кальвин более «не святой», а женевацы больше не отказываются увековечить память жертвы¹¹.

Женева действительно прошла долгий путь от замалчивания и отторжения «дела Сервета» к признанию и увековечиванию. Открытие архивов, появление памятников, празднование памятных дат превратили Женеву в «место памяти» не только Кальвина, но и Сервета. Если в случае с реформатором женевацы отмечали заслуги человека, сыгравшего огромную роль в истории города, то в случае с испанцем, прожившим в городе пару месяцев и погибшим на костре за свои мысли и слова, ими двигало скорее чувство вины. Ведь возведение памятника означает некое коллек-

тивное согласие на постоянное визуальное напоминание о (в данном случае) преступлении, невинной жертве, несправедливости. Изменение городского пространства тем самым означает больше, чем увеличение количества достопримечательностей: это и признание ответственности, и примирение, и изживание как вражды к «еретику», так и поклонения перед Кальвином.

При этом стоит подчеркнуть, что Сервет – далеко не единственная жертва эпохи Кальвина в Женеве. Но ореол мученика за свободомыслие и жертвы нетерпимости, созданный вокруг Сервета за столетия, начиная с Кастеллиона и заканчивая Цвейгом, повлек за собой возведение его фигуры в прямом и переносном смысле на пьедестал, немислимый для десятков других казненных в Женеве в XVI веке. Актуальность проблем свободы совести, свободы мысли и слова, религиозной нетерпимости в современном мире дает основания предполагать, что интерес к «делу Сервета» будет только расти, и репрезентация события в коллективной памяти подвергнется новым изменениям.

Литература

1. Бергер, Е.Е. Мигель Сервет: теология и медицина в картине мира XVI века: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук : 07.00.03 / Бергер Е.Е. – Москва, 1996.
2. Бергер, Е.Е. Мигель Сервет: образ мыслей, модель поведения / Е.Е. Бергер // Человек XVI столетия / А.А. Сванидзе (ред.). – Москва, 2000. – С. 66–71.
3. Бергер, Е.Е. Мигель Сервет как персонаж испанской научной мифологии / Е.Е. Бергер // Испанские темы и формы: искусство, культура и общество / Temas y formas hispanicas: arte, cultura y sociedad: сборник тезисов научной конференции, 26–28 ноября 2013 года / Las Tesis. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 22–24.
4. Бороздин, И. Дни Кальвина в Женеве / И. Бороздин // Московский еженедельник. – 1909. – № 35. – С. 51–58.
5. Будрин, Е.А. Антитринитарии шестнадцатого века. Вып. 1. Михаил Сервет и его время / Е.А. Будрин. – Казань, 1878.
6. Виппер, Р.Ю. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма / Р.Ю. Виппер. – Москва, 1894.
7. Вольтер, Ф. Мемуары Вольтера, написанные им самим в 1759 году и напечатанные лишь в 1784 году / Ф. Вольтер // Вольтер Ф. Философские трактаты и диалоги. – Москва, 2005. – С. 11–73.
8. Зеленский, Ю. Женева прошлая и современная / Ю. Зеленский. – Москва, 1980.
9. Лихачева, Е.О. Европейские реформаторы. Гус. Лютер. Цвингли. Кальвин / Е.О. Лихачева. – Санкт-Петербург, 1872.
10. Лучицкий, И.В. Проповедник религиозной терпимости в XVI веке / И.В. Лучицкий. – Москва, 1895.
11. Мережковский, Д.С. Кальвин / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. – Томск, 1999. – С. 191–297.
12. Митрохин, Л.Н. Стефан Цвейг: Кастеллио против Кальвина / Л.Н. Митрохин // Цвейг С. Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина. – Москва, 1986. – С. 5–42.
13. Михайловский, В.М. Сервет и Кальвин. Исторический этюд / В.М. Михайловский. – Москва, 1883.
14. Порозовская, Б.Д. Иоганн Кальвин, его жизнь и деятельность / Б.Д. Порозовская. – Санкт-Петербург, 1891.
15. Цвейг, С. Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина / С. Цвейг. – Москва, 1986.
16. Шафф, Ф. История христианской церкви. Том VIII / Ф. Шафф. – Санкт-Петербург, 2012.
17. Bainton, R.H. The Present State of Servetus Studies / R.H. Bainton // The Journal of Modern History. – 1932. – Vol. 4. – № 1. – P. 72–92.

⁸ Anonyme. Servet a Annemasse [Электронный ресурс] // Journales de Genève. 1908. 26 octobre. URL: <http://goo.gl/x9VqMM> (дата обращения 20.05.2015).

⁹ Беглова, Н. В чем Сервет превзошел Кальвина? [Электронный ресурс] // Наша Газета.ch. 14 марта 2014. // URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/swiss/17319> (дата обращения 20.05.2015).

¹⁰ <http://www.ville-geneve.ch/actualites/detail/article/1318435043-inauguration-statue-memoire-michel-servet/>

¹¹ Roulet, Y. Genève réhabilite Michel Servet en victime de la pensée unique [Электронный ресурс] // Les Temps. Samedi, 01 octobre 2011. URL: <http://goo.gl/T81DaO> (дата обращения 13.05.2015).

18. Dide, A. Michel Servet et Calvin / A. Dide. – Paris, 1907.
19. Rilliet, A. Relation du procès criminel, intenté à Genève en 1553 contre Michel Servet rédigée d'après les documents originaux / A. Rilliet. – Genève, 1844.
20. Rilliet, A. Calvin and Servetus: the reformer's share in the trial of Michael Servetus historically ascertained (From

french with notes and additions, by the Rev. W.K. Tweedie) / A. Rilliet. – Edinburgh, 1846.

21. Zuber, V. Les conflits de la tolerance: Michel Servet entre mémoire et histoire (XIXe–XXe s.) / V. Zuber. – Paris, 2004.

Рецензенты: В.Н. Ерохин, доктор исторических наук, профессор Нижневарттовского государственного университета,

П.Г. Рогозный, кандидат исторических наук, Институт истории РАН,

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплины, декан исторического факультета ВоГУ.

A.V. Savina

SOME ASPECTS OF REPRESENTATION OF «SERVET AFFAIR» IN HISTORICAL MEMORY

The article is devoted to reflection and preservation of events in Geneva in 1553, which are known as «Servet affair», in historical memory. The author describes both scientific representation of «the Servet affair» and commemoration of these events in the urban space of Geneva from 19th century to the present day, as well as evolution of the attitude to «the Servet affair» among Geneva dwellers. Sources used in the course of research include scientific works of foreign and Russian historians, materials of Geneva and Russian press.

J. Calvin, M. Servet, commemoration, historical memory, toleration, memory space.

УДК 94(47).08

Т.Л. Соколова

Вологодский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРЕССА В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ (на материалах Архангельской и Вологодской областей)

В статье раскрываются задачи, направления деятельности, особенности региональной комсомольской печати. Выявлены проблемы, повлиявшие на развитие комсомольской печати в исследуемый период. Также в статье рассматривается деятельность ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ по руководству комсомольской печатью в период перестройки в СССР.

Комсомольская печать, перестройка, региональная пресса.

В Советском Союзе комсомольские издания, главной задачей которых являлось коммунистическое воспитание молодежи, являлись составной частью партийно-советской печати. В данной статье проведена попытка рассмотреть основные направления деятельности и содержание региональной комсомольской печати в эпоху перестройки на примере Архангельской и Вологодской областей.

Образование комсомола в октябре 1918 г. положило начало становлению и развитию системы комсомольской печати. Дело строительства социализма требовало привлечения в ряды комсомола активных и сознательных молодых борцов. Этому должно было способствовать создание широкой сети молодежной печати. В резолюции XI съезда РКП(б) 1922 г. было признано необходимым издание газет Союза молоде-

жи в крупных губернских центрах, а в остальных городах – предоставление «страничек» комсомолу в партийных и советских газетах. Формирование комсомольской периодической печати, которая просуществовала в главных своих чертах до начала 1990-х гг., происходило в 1920–30-е гг., когда был выработан общий всероссийский план государственной сети центральной и региональной прессы¹. В последующие десятилетия в этот план вносились дополнения, не менявшие системы в целом. основополагающими для комсомольской прессы являлись принципы коммунистической журналистики – партийность, идейность, народность, непримиримость в борьбе с врагами мар-

¹ О партийной и советской печати: сб. документов. М.: Правда, 1954. С. 233–236, 255–259.

ксизма-ленинизма, тесная связь с общественной практикой, неразрывное единство процесса воспитания и организаторской работы². Коммунистическая партия на протяжении всего периода существования комсомольской печати в разнообразных формах руководила деятельностью последней. В целом ряде партийных документов, таких как постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (26 апреля 1979 г.), «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» (2 июля 1984 г.), редакциям центральных и местных газет и журналов, радио и телевидения указывалось на необходимость разнообразить молодежную тематику, повысить идейное содержание, профессиональный уровень публикаций и передач, полнее освещать практику партийного руководства комсомолом и работу с молодежью³. Комитеты комсомола были призваны своевременно определять первоочередные задачи, концентрировать внимание на ключевых проблемах, выделять приоритетные направления работы для своих печатных изданий. Большое внимание на страницах комсомольской прессы занимали вопросы военно-патриотического, физического воспитания молодежи, отношения к труду, формирования коммунистического мировоззрения.

В Советском государстве комсомольская периодика была представлена тремя группами изданий: центральные – «Комсомольская правда» и ее еженедельное приложение «Собеседник»; местные – 27 республиканских, 6 краевых, 94 областные газеты; многотиражные и стенные газеты.

Комсомольской газетой Архангельской области являлся «Северный комсомолец» – орган Архангельского обкома ВЛКСМ, издававшийся с августа 1920 г. Первоначально газета выходила под названием «На смену», которое было изменено в 1922 г. на «Комсомолец», с 1931 г. и по настоящее время газета выходит под названием «Северный комсомолец». До июня 1987 г. периодичность издания составляла 3 раза в неделю, газета выходила форматом А3, на 4-х полосах, тиражом около 25 000 экземпляров. С июня 1987 г. «Северный комсомолец» выходил один раз в неделю на 12 полосах. Редактором газеты в начале перестройки являлся С. Емельянов, которого в 1986 г. сменил А. Емельяненко. В 1985 г. в штате редакции газеты «Северный комсомолец» состояло 12 журналистов и 5 технических работников⁴.

Областная молодежная газета «Вологодский комсомолец», орган Вологодского обкома ВЛКСМ, за период своего существования с 1938 по 1996 гг. три раза меняла свое название. С 1938 по 1956 гг. газета выходила под названием «Сталинская молодежь». С началом процесса десталинизации и осуждения культа личности по решению бюро Вологодского обкома комсомола от 22 июня 1956 г. издание было пе-

реименовано в «Вологодский комсомолец». В январе 1991 г. Вологодский областной комитет ВЛКСМ вышел из состава учредителей газеты, которая с июля 1991 г. получила выбранное по конкурсу название «Вологодская молодежь». Редактором «Вологодского комсомольца» в 1985–1988 гг. являлся В. Кудрявцев, в 1989–1991 гг. – А. Смолин. В 1985 г. в штате редакции газеты «Вологодский комсомолец» состояло 12 журналистов и 5 технических работников⁵. В 1980-е гг. газета выходила 3 раза в неделю форматом А3, тираж издания в 1985 г. составлял 44500 экземпляров.

В период перестройки в комсомоле сложилась ситуация, связанная с понижением доверия молодежи, уменьшением численности членов ВЛКСМ, возникновением молодежных неформальных объединений и требующая коренных изменений в деятельности комсомола, перехода на качественно новый уровень его работы с молодежью⁶. В связи с этим в комсомольской печати большое внимание уделялось повышению авторитета комсомола, значения личного примера комсомольского работника, активиста. В нормативных правовых актах ЦК ВЛКСМ давались соответствующие рекомендации и поручения редакциям центральных и местных издательств. Постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ от 21 мая 1987 г. № 2/1а «Об итогах XX съезда ВЛКСМ и первоочередных мерах по пропаганде, разъяснению и организации выполнения его решения» поручено редакциям центральных и местных комсомольских изданий широко показывать ход перестройки комсомольской работы, раскрывая как имеющиеся резервы, так и достигнутые перемены, позитивные сдвиги⁷.

Комсомольская жизнь и перестройка работы комсомольских организаций во второй половине 1980-х гг. была главной темой областных молодежных газет «Северный комсомолец» и «Вологодский комсомолец», в которых существовал специальный отдел комсомольской жизни, освещавший вопросы организаторской работы ВЛКСМ: деятельность ЦК, обкома, горкомов, райкомов ВЛКСМ, отчетно-выборные собрания⁸. В «Северном комсомольце» после перехода газеты в июне 1987 года на еженедельный выход функции указанного отдела были возложены на все творческие группы журналистов, созданные вместо отделов⁹.

Контент-анализ публикаций областных изданий «Северный комсомолец» и «Вологодский комсомолец» позволяет определить количество материалов, отражающих деятельность ВЛКСМ. На страницах «Северного комсомольца» количество публикаций указанной тематики составляло в 1985 г. – 109 публикаций, 1986 г. – 93, 1987 г. – 96, 1988 г. – 104, 1989 г. – 82, 1990 г. – 65, 1991 г. – 46 публикаций. В «Вологодском комсомольце» количество публикаций составляло в 1985 г. – 42,

² Документы ЦК ВЛКСМ, 1987. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 15, 113.

³ Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 335.

⁴ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4899. Оп. 1.

⁵ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 4040. Оп. 1. Д. 70.

⁶ Медуницын, А. Подпольный обком? / А. Медуницын // Северный комсомолец. 1991. 31 августа.

⁷ Документы ЦК ВЛКСМ, 1987. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 78.

⁸ ГААО. Ф. 296. Оп. 6. Д. 1191. Л. 1–7.

⁹ Там же. Л. 6.

в 1986 г. – 70, в 1987 г. – 36, в 1988 г. – 65, в 1989 г. – 67, в 1990 г. – 46.

Проблема реформирования комсомола становится главной темой комсомольских съездов, пленумов и конференций, проходивших во второй половине 1980-х гг. Соответственно, центральной темой комсомольских изданий становится перестройка работы ВЛКСМ. Согласно проведенному контент-анализу, авторами 95% публикаций на данную тему в «Северном комсомольце» и 94,5% – в «Вологодском комсомольце» за 1985–1991 гг. являлись работники комсомольских организаций, которые своими публикациями, вероятно, стремились привлечь внимание рядовых членов ВЛКСМ к проблеме определения роли и места союза молодежи в условиях демократизации советского общества. За 1985–1991 гг. в «Северном комсомольце» было опубликовано 31 письмо (5% от количества публикаций о ВЛКСМ) так или иначе затрагивающее деятельность ВЛКСМ, в «Вологодском комсомольце» – 18 писем (5,5% от количества публикаций о ВЛКСМ). Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода опубликованные письма читателей носили единичный характер, поэтому диалог проходил между работниками комсомольских организаций, которые стремились сформировать у читателей представление о проблемах комсомола.

В центре дискуссий, которые развернулись на страницах «Северного комсомольца» и «Вологодского комсомольца» с началом перестройки, находились вопросы, затрагивающие основные задачи союза молодежи, организационное строение, формы управления и так далее. Типичными для содержания большинства рассмотренных публикаций являлись рассуждения комсомольских работников о том, что управленческий механизм комсомольских организаций был крайне сложным, многоступенчатым и негибким, процесс перестройки шел медленно, стиль работы оставался прежним (бюрократизм, «бумажная круговерть», показательные малоэффективные мероприятия, победные рапорты и прочее). В статье, опубликованной в «Северном комсомольце», инструктор Архангельского обкома ВЛКСМ А. Шалев среди причин кризисного состояния комсомольской организации называет также отсутствие самостоятельности, то есть зависимость от КПСС¹⁰.

В 1989 г. после принятия решения на VII пленуме ЦК ВЛКСМ об изменениях в Уставе ВЛКСМ и разработке программы комсомола дискуссия о перестройке комсомольской организации на страницах молодежных газет возобновилась с новой силой. Комсомольские работники в своих статьях, опубликованных в «Северном комсомольце» и «Вологодском комсомольце», предлагали перенести «центр тяжести» в работе комсомола на местный уровень, главным образом в первичные организации. В публикациях также прослеживалась мысль, что недостаточно менять формы, методы, стиль работы, необходимо изменение сути и содержания деятельности комсомола¹¹.

В начале 1990-х гг., как показывают данные контент-анализа, приведенные выше, количество публикаций, посвященных проблеме перестройки комсомольской организации, заметно сократилось. Вплоть до XXII чрезвычайного съезда ВЛКСМ (27 сентября 1991 г.), на котором было принято решение об упразднении комсомола, в областных молодежных газетах признавался факт падения доверия к комсомолу, но отрицалась информация о возможном распаде ВЛКСМ. Например, 31 августа 1991 г. в «Северном комсомольце» было опубликовано интервью с первым секретарем областного комитета ВЛКСМ Ю. Медуницыным, который сказал, что «...слухи о смерти комсомола преувеличены. Но де-факто ВЛКСМ сейчас нет как единой организации»¹². Распад организации большинство изданий оставило без комментариев.

Ситуация с освещением деятельности комсомольских организаций в газетах Архангельской и Вологодской областей, как показывают исследования, проведенные на материалах газет Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Курской, Белгородской, Омской и других областей, характерна для региональных комсомольских изданий в целом.

Кардинальное переосмысление роли и места комсомола в политической системе предполагало и новый характер молодежной печати. На заседании Бюро ЦК ВЛКСМ от 27 июля 1989 г. при рассмотрении вопроса «О взаимоотношениях комитетов комсомола со своими печатными органами» отмечалось, что молодежная печать используется далеко не с полной эффективностью. Из всего комплекса проблем, сдерживающих ее качественный рост, наиболее тревожными виделись четыре: устаревшая структура, тематическая направленность изданий; негибкие, недемократичные отношения между редакциями и комсомольскими, партийными комитетами; неудовлетворительные материальные и социально-бытовые условия молодых журналистов; отсталая материально-техническая база полиграфических предприятий ВЛКСМ¹³.

Структура молодежной прессы в принципиально иных социально-экономических условиях не отвечала требованиям времени, уровню интересов и запросов молодежи¹⁴. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ в записке «О перспективах развития молодежной печати», рассмотренной на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ от 6 апреля 1990 г., были предложены следующие меры по улучшению ситуации: выведение редакторов молодежных СМИ из номенклатуры партийных комитетов; ограничение возраста главных редакторов молодежных изданий, ротация руководящих кадров редакций; предоставление изданиям экономической самостоятельности и др.¹⁵ К сожалению, большая часть предложений так и осталась нереализованной.

¹⁰ Шалев, А. Стратеги на час / А. Шалев // Северный комсомолец. 1988. 10–16 сентября.

¹¹ За ледоколом по имени «партия» // Северный комсомолец. 1990. 10 февраля; Тормоз перемен – двойная мораль // Северный комсомолец. 1989. 22–28 июля

¹² Медуницын, А. Подпольный обком? / А. Медуницын // Северный комсомолец. 1991. 31 августа.

¹³ Документы ЦК ВЛКСМ, 1987. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 114.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 135. Д. 278. Л. 37–38.

¹⁵ Там же. Д. 310. Л. 29–30.

Закон СССР «О печати и других СМИ», вступивший в силу 1 августа 1990 г., повлек за собой кардинальные изменения в системе средств массовой информации. Прежде всего, Закон предоставил широкие права по учреждению печатных изданий, ввел их регистрацию. Согласно Закону право на учреждение средств массовой информации принадлежало Советам народных депутатов и другим государственным органам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям, творческим союзам, кооперативным, религиозным, иным объединениям граждан, созданным в соответствии с Законом, трудовым коллективам, а также гражданам СССР, достигшим восемнадцатилетнего возраста [2, с. 11].

В 1990 г. соучредителем архангельской газеты «Северный комсомолец» наряду с обкомом ВЛКСМ выступил трудовой коллектив редакции. В январе 1991 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 июля 1990 г. газета «Северный комсомолец» со сметой, фондами бумаги, инвентарем, оргтехникой, мебелью и транспортными средствами была передана от издательства Архангельского обкома КПСС Архангельскому обкому ВЛКСМ. Газета выходила 1 раз в неделю на 12-ти полосах форматом А3¹⁶. После принятия решения на XXII чрезвычайном съезде ВЛКСМ об упразднении комсомола (27 сентября 1991 г.) 16 ноября 1991 г. на XXVII внеочередной областной конференции было принято постановление об изменении названия областной общественной организации ЛКСМ РСФСР на Архангельскую областную организацию Российского Союза Молодёжи (РСМ) [1, с. 8]. С 23 ноября 1991 г. соучредителем «Северного комсомольца», помимо трудового коллектива редакции, становится Архангельский обком РСМ. Пост редактора газеты с августа 1991 г. занимал И.Ю. Слободянюк¹⁷. Газета выходила один раз в неделю на 12 полосах, форматом А3. В 1992–1993 гг. «Северный комсомолец» изменил свое тематическое направление. Если в 1990–1991 гг., согласно уставу газеты, основными программными целями и задачами редакции было освещение проблем молодежи региона, поддержка социально-значимых инициатив и защита интересов молодежи, то с началом рыночных реформ, следствием которых становится конкуренция, борьба за читателя, газета оставляет общественно-политическую тематику и переключается на рыночные отношения, рекламу, любовь, интим.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

T.L. Sokolova

REGIONAL KOMSOMOL PRESS IN THE PERESTROIKA ERA (BASED ON MATERIALS OF THE ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS)

The article describes the main tasks, activities and peculiarities of the regional Komsomol press. The author reveals the problems which influenced development of the Komsomol press during the era of perestroika. The article also reviews the activities of the Central Committee of the CPSU and the Komsomol Central Committee for management of the Komsomol press in the perestroika period in the Soviet Union.

Komsomol press, perestroika, regional press.

¹⁶ ГААО. Ф. 4899. Оп. 1. Д. 275. Л. 30–38; Д. 278. Л. 2–3.

¹⁷ Там же. Д. 267. Л. 44.

«Вологодский комсомолец» также затронули изменения: 27 декабря 1990 г. Вологодский обком ВЛКСМ отказался от учредительных прав на газету и вышел из состава учредителей издания. С января 1991 г. «Вологодский комсомолец» получает статус областного молодежного издания, учредителем которого являлся коллектив редакции. Перемены отразились и на названии газеты: с августа 1991 г. издание выходило под названием «Вологодская молодежь», которое было выбрано по конкурсу, проведенному среди читателей. «Вологодская молодежь» с 1 января 1991 г. по 15 июля 1992 г. выходила как независимая областная газета, учредителем которой являлся коллектив редакции. Но трудности экономического характера и невозможность дальнейшего существования без финансовой поддержки привели к тому, что в составе учредителей, помимо трудового коллектива редакции, появились местные органы власти в лице управления образования Администрации Вологодской области. «Вологодская молодежь» выходила раз в неделю, тираж на протяжении 1992–1993 гг. постоянно сокращался: с 15000 экземпляров в январе 1992 г. до 6500 экземпляров в декабре 1993 г.

Таким образом, кризисная ситуация, сложившаяся в комсомоле в период перестройки, способствовала появлению целого комплекса проблем, повлиявших на развитие комсомольской печати. Среди которых: не отвечающая интересам молодежи тематическая направленность изданий; недемократичные отношения между редакциями и комсомольскими, партийными комитетами; отсталая материально-техническая база издательств и др. В начале 1990-х гг. в условиях появления разнообразной литературы и периодики, адресованной молодежи, комсомольские газеты были поставлены в условия жесткой конкуренции. В результате упразднения ВЛКСМ комсомольские издательства вынуждены были закрыться или перепрофилироваться в зависимости от спроса и интересов аудитории.

Литература

1. Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Краткий справочник. – Архангельск, 2002. – 420 с.
2. Законы и практика СМИ в одиннадцати демократиях мира (сравнительный анализ) / науч. ред. И.А. Близнак, В.Н. Монахов, М.А. Федотов. – Москва: Права человека, 1996. – 230 с.

С.С. Касаткина

Череповецкий государственный университет

СЕМИОТИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (методологический аспект)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–33–01341

Статья раскрывает принципы применения семиотического метода в исследовании городского пространства. На основании краткого обзора ключевых семиотических теорий автор констатирует возможность философского и культурно-семантического анализа городской среды. Город – уникальный объект семиосферы, комплекс семиотических дискурсов, кодов и значений, требующих особого осмысления и интерпретации.

Город, семиотика, семиосфера, город как текст, городские знаки и символы.

Город представляет собой символическое пространство, образованное различными коммуникативными системами и знаками. Семиотика – это наука, изучающая знаки и знаковые системы как средства хранения, передачи и переработки информации в человеческом обществе, природе и в самом человеке [5, с. 6]. Семиотическая методология вписывается в ракурс данного исследования, так как вся жизнь горожан пронизана элементами семиотического пространства. Семиотика «предстает как метод гуманитарных наук, проникающий в различные дисциплины и определенный не природой объекта, а способом его анализа» [7, с. 6]. Данный метод рассматривает все процессы, связанные с передачей, хранением и переработкой информации в природе и обществе, в частности – в городской среде, с использованием знаковых систем. Н.Б. Мечковская замечает, что метод семиотики помогает понять материал, в котором осуществляются разные виды общения и познания, осмыслить закономерности познания и общения, обусловленные семиотической природой этих процессов, – как их общие черты, так и своеобразные, протекающие в конкретных семиотиках. Автор представляет свое видение «знака» как материального, чувственно воспринимаемого предмета (вещь, явление, действие, признак), выступающего в качестве выразителя другого предмета, свойства или отношения, используемого для получения, хранения, переработки и передачи информации. Каждый знак состоит из двух компонентов – означающего и означаемого, где первое – план выражения, а второе – план содержания» [5, с. 23]. При этом открываются «рельефные картины отдельных семиотик в целом, становятся видны магистральные линии в развитии коммуникации и познания человечества, горизонты этого развития [5, с. 15]. Семиотика предлагает гуманитарному знанию в рамках социально-философского видения вопросов urba-

нистики эффективный метод исследования различных систем и знаков городского пространства.

В разрезе семиотической теории конструктивно выглядят идеи Ч. Пирса, согласно которому, город можно представить в контексте трех видов знаков: подобий, указателей и символов. Подобия выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи [6, с. 89]. Так, городские миры – реальные и виртуальные, креативные и повседневные, деловые и обывательские – существуют в указателях (индексах) и повествуют о вещах, символах, ассоциирующихся с их значениями. Символ не указывает на единичную вещь, а обозначает вид вещи, например, городские природные объекты, памятники скульптуры и архитектуры, промышленные объекты, товары и услуги, производимые городом. Символы развиваются из других знаков, в частности из подобий. Люди живут, производя новые символы, мыслят символами, используют ментальные знаки. Их смыслообразующие части (свойства) называются концептами. Человек, производя новый ментальный знак, употребляет смесь подобий, индексов и символов. «Индексы приковывают наше внимание к реальным объектам, а подобию, благодаря своим быстрым изменениям, снабжают питательными веществами главное тело мысли» [6, с. 94]. Если концептом философии города поставить его свойства, то его семиотическая сущность определяется развернутой характеристикой признаков, присущих различным городам. Общность широты и глубины символа города дает возможность выделить необходимые для его идентификации черты, которые подвергаются оценке.

В европейской традиции практика исследования знаков в сфере лингвистики как части общей семиотики сформировалась в работах Фердинанда де Соссюра [8]. Он считал, что язык есть общественное установление, которое во многом специфично, определено системой знаков, выражающих понятия. Причем

наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества, семиология, отличается от семантики, рассматривающей изменение значения. В контексте понимания смыслов городской среды, творчество и методологию Ф. де Соссюра возможно применить при определении семиотики текстов города – от топонимики городской территории до содержания городской рекламы, в которых можно увидеть смыслообразующие концепты его пространства. Структуралистская программа Соссюра стала основой различных семиотических исследований в социально-гуманитарных науках.

Символическую концепцию при изучении городского пространства можно представить благодаря творчеству Э. Кассирера, который в своем исследовании «Философия символических форм» определил истоки культуры человека посредством его способностей создавать искусственный мир, обозначать реальность определенными символами. Человек существует в созданной им самим символической системе, что составляет специфику его жизни. Таким образом, город – уникальная система символического круга жизни.

По теории Кассирера, существует феноменальная действительность, состоящая из презентативного и репрезентативного моментов «представляющего» и «представляемого». Подобным образом достигается лейтмотив в урбанистических исследованиях. Движение теоретического сознания выглядит в форме первоначального импульса, который распространяется волнами, расходясь на отдельные водовороты [3, с. 117–118]. Городское пространство, согласно теории Кассирера, есть совокупность мест в созерцаемом единстве. Часть городской среды (вещь) может быть связана и определена относительно положения в нем всех других предметов. Поэтому город имеет пространственные «величину» и «форму» в качестве объективных определений его компонентов. Понятие города включено в конструирование теоретико-физической картины мира, принимает участие в построении эмпирического мира восприятия. Восприятие городской действительности возможно посредством полагания его частей и отличия от их изменчивых состояний и свойств, помещаемых восприятием в объективное пространство. Вопрос Э. Кассирера: «Является ли пространство, в котором «представляются» вещи простой данностью созерцания или же оно есть итог и результат процесса символического формирования?» – требует особого внимания. Город, на наш взгляд, это совокупность данности созерцания. Кассирер ставит вопрос о значении пространства для конститутирования мира вещей, о завоевании им специфически духовной действительности. Ответ определен степенью участия *языка* в достижении и обеспечении мира пространственного созерцания. Восприятие знаков городского мира не остается простым схватыванием единичного, приобретает характер представления, синтезирует полноту феноменов в единый «контекст» опыта. Таким образом, философские убеждения Э. Кассирера формируют проблему соотношения пространственного представления, данности созерцания и символического формирования образов, что методологически отражает принципы исследования городской жизни.

В вопросах методологии исследования городского пространства оригинально выглядит теория Р. Барта о знаковых иконических системах. Согласно ей, существует предположение о возможности аналогового воспроизведения («копирования») предметов в процессе создания знаковых систем. Город – комплекс типовых структур – архитектура, практики жизни, мода, городской стиль и т.д. Рассматривается вопрос: может ли наряду с кодом, образованным дискретными элементами, существовать «аналоговый код»? Лингвисты сомневаются в языковой форме изображений. Изображение есть воспроизведение чего-либо аналогового, поэтому оно может восприниматься как воплощение скудости смысла. Барт считает, что по сравнению с языком изображение – это рудиментарная система, неспособная исчерпать неизреченное богатство образа [1]. Сам город никогда не заменит эффект сообщений о городе, его сути, смыслах, достопримечательностях. «Что ж, даже если признать, что изображение и вправду есть некий предел смысла, то значит, что оно позволяет создать подлинную онтологию значения. Каким образом смысл соединяется с изображением? Где кончается смысл? А если у него есть границы, то что находится по ту сторону смысла? Вот вопросы, которыми следует здесь задаться, что бы подвергнуть изображение спектральному анализу с точки зрения тех сообщений, которые, возможно, в нем содержатся» [1]. Город может быть подвергнут спектральному анализу, разбору его знаков и символов. Любое изображение городской среды сохраняет способность передавать информацию. Субъект, ничего не зная о знаках, может «читать» изображения, понимать смысл пространственных изображений совокупности предметов, поддающихся идентификации. Таким образом, городской мир – совокупность языковых и иконических сообщений, которые возможно прочесть, обладая образным мышлением.

Современные аспекты семиотического подхода к социально-культурным процессам рассматриваются Ю. Кристевой [4]. Городская жизнь является подходящей сферой изучения различных микропроцессов, что служит объектом для систематической модели семанализа, позволяющего рассмотреть любые тексты в духе постструктурализма. В рамках «науки об означиваниях» данный автор проводит осмысление социальных явлений. Согласно ее творчеству, можно трансформировать материю языка (его логическую и грамматическую организацию) и переносить ее в соотношение социальных сил на исторической сцене. Происходит связывание текста через язык и через общество, с трансформацией которого он согласуется. Методология Ю. Кристевой позволяет рассматривать городской мир с семиотических и культурно-семантических позиций. «Текст, будучи грамматически кодифицированным языком коммуникации, не довольствуется репрезентацией – означиванием реального. Текст нарушает и трансформирует семиотическую систему, тем самым регулирует социальный обмен. Для текста свойственна двойная ориентация: на систему означивания, где он продуцируется (язык и речь определенных эпохи и общества), и на социальный процесс, где он участвует в качестве дискурса. Он становится областью, где разыгрываются – прак-

тируются и презентуются эпистемологические, социальные и политические переустройства» [4, с. 16]. Текст, по Ю. Кристевой, существует в формате дискурса социальных практик и их означивания, данная концепция органично применяется в исследовании городских пространств как текстов.

Изучением упорядоченных кодов и дексикодов визуального и текстуального выражения занимается У. Эко. Его семиология рассматривает все явления культуры как знаковые коммуникативные системы, что отвечает потребностям самых разнообразных современных научных дисциплин, как раз и пытающихся свести явления самого разного порядка к факту коммуникации [9, с. 31]. Соответственно, урбанистические исследования сочетаются с теориями У. Эко, так как его коммуникативные модели находят широкое применение при изучении жизни городского общества. Признано, что на редкость эффективным оказывается сотрудничество структурной лингвистики и теории информации, предоставляющее возможность использовать структурные и информационные модели при описании культур, систем родства, кухни, моды, языка жестов, организации пространства [9, с. 33]. Город – мир знаков и символов, выраженных в городской планировке, застройке, этимологии городских объектов, рекламе, истории, жизни горожан и пр. Поэтому чтобы «установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого в свою очередь будет следующий знак и т. д. Так начинается непрерывный процесс семиозиса, и это единственно возможный, хотя и парадоксальный способ обоснования семиотики своими собственными средствами. Языком, в таком случае, следовало бы называть систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем» [9, с. 52]. В творчестве Эко «код» – это структура, представленная в виде модели основополагающего правила при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. Все коды сопоставляются между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего [9, с. 66]. Умберто Эко исследует семиологию визуальных сообщений, выходя за пределы базовых лингвистиче-

ских категорий, опираясь на периодическую классификацию знаков Ч. Пирса.

Существуют разнообразные способы кодирования нашего восприятия: коды, узнавания, передачи, иконографические, сенсорные, риторические, стилистические, бессознательные коды, а так же коды визуального дискурса. Семиология У. Эко – теория исследования проблем коммуникации, которая рассматривает восприятие как конструкцию сообщения на основе конвенциональных кодов или же знаковых систем. Таким образом, семиология может представить городскую информацию как систему.

В контексте взглядов авторов рассмотренных теорий городское пространство выглядит универсальным объектом для семиотических исследований. Город, городская жизнь, городская повседневность – комплекс кодов, знаков и знаковых систем, составляющих часть семиозиса, необходимого для понимания микро- и макропроцессов культурно-семантических трансформаций современного общества.

Литература

1. Барт, Р. Риторика образа [Электронный ресурс] / Р. Барт; пер. с фр. Г.К. Косикова. – URL: <http://www.libfl.ru/mimesis/txt/barthes4.php> (дата обращения 01.10.2015).
2. Касаткина, С.С. Взаимосвязь традиционного и системно-семиотического подходов к типологии городского пространства России в философской интерпретации / С.С. Касаткина // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – 2015. – № 6 (3). – С. 195–198.
3. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания / Э. Кассирер. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002.
4. Кристева, Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Ю. Кристева. – Москва: Академический проект, 2013. – 285 с.
5. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – Москва: Академия, 2004. – 432 с.
6. Пирс, Ч. Что такое знак? / Ч. Пирс // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.
7. Соловьев, А.А. Семиотика: методическое пособие / А.А. Соловьев. – Кострома: изд-во КГТУ, 2003. – 33 с.
8. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. с фр. А. Сухотина; ред.: Ш. Балли и А. Сеше. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

S.S. Kasatkina

SEMIOTIC RESEARCH OF URBAN SPACE (METHODOLOGICAL ASPECTS)

The article reveals principles of application of the semiotic method to the study of urban space. Based on a brief review of key semiotic theories, the author states the possibility of analyzing philosophical, cultural and semantic aspects of the urban environment. A city is considered as a unique object of semiosphere, a complex of semiotic discourses, codes and meanings which require special understanding and interpretation.

City, semiotics, semiosphere, city as a text, urban signs and symbols.

А.Ю. Нестеров

*Самарский государственный аэрокосмический университет
им. академика С.П. Королёва
(национальный исследовательский университет)*

ТЕХНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СЕМИОЗИС. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

*Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации,
проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания»*

В статье в рамках семиотического подхода техническое сознание вводится как проективный семиозис, то есть как обусловленная рефлексией практическая деятельность человека, и рассматривается на трех ступенях: как «традиция», где техническое определяется в качестве правилообразной деятельности, удовлетворяющей требованию выживания человека в естественной природной среде; как «вторая природа», где техническое есть процесс создания нового, возможный за счет контроля над материей и замещающий естественную среду искусственной; как «третья природа», где техника есть способ управления рефлексией.

Техническое сознание, семиозис, философия техники.

Техника, техническое сознание и самосознание – ключевые термины современной рациональной философии. Как «тэхне», мастерство и искусство в смысле способности действовать на основании правила [1], техническое позволяет рассматривать проблемы эпистемологии и способы их решения в практической деятельности. Как технология, способ достижения цели, требующий контроля над материей, техническое нуждается в онтологии и способах ее исследования с учетом гносеологического, лингвистического и прагматического «поворотов». Как форма сознания и среда жизнедеятельности человека, определенная рефлексией, техническое является пространством антропологии и этики. Исследование техники затрагивает все сферы человеческого и все дисциплины философии, так что в рамках концепции «единой науки» Венского кружка имеет смысл поставить вопрос об общем языке описания технического сознания и об общей структуре его субъект-объектных связей.

Словосочетание «техническое сознание» подразумевает, что спектр связанных с термином «техника» значений, начиная от способности действовать на основании правила и заканчивая трансгуманистическими представлениями о новой среде обитания человечества, созданной аватар-технологиями, возможен только в связи со структурами человеческого сознания и не может быть описан без их учета. Очевидно, что техническое занимает свое место в описании трансцендентальной структуры сознания, и это место зависит 1) от уровня описания (индивидуальное, общественное или абсолютное сознание); 2) от направления деятельности сознания (созерцание или конструирование); 3) от слоя сознания или «мира» в смысле К.Р. Поппера (эмпирический, ментальный, рационально-языковой или этический) [9]; 4) от конкретного измерения семиозиса, в котором нечто оказывается «техническим» или связанным с таковым (семантика, синтаксис, прагматика). Настоящее размышление не

претендует на полноту формулировок. Его цель – показать понятие технического и использование техники индивидуальным сознанием с точки зрения проективной (конструктивной) деятельности. Способ рассуждения задан средствами семиотического моделирования, позволяющими учесть разницу между чувственным восприятием (физическим миром), рассудком (рационально-языковым миром) и структурами рефлексии, создающими человеческое «я». Техническое сознание рассматривается на трех ступенях: как традиция, где техника есть способ выживания человека в естественной природной среде; как «вторая природа», где техника есть способ замещения естественной среды искусственной; как «третья природа», где техника есть способ управления рефлексией.

Метафизика технического сознания определяется соотношением целеполагания и текущих возможностей контроля материи. Под «метафизикой» в целом понимается после И. Канта область теории, лежащая вне эмпирической проверки. Р. Ингарден в «Споре о существовании мира» [17, с. 18–62] предложил разделять онтологию как область аксиоматики, создающую тот или иной комплекс предпосылок теории, и область метафизики как область следствий некоторой теории, которые при текущем уровне развития техники и технологий пока не могут быть эмпирически проверены, однако вытекают из теории. В философии техники как таковой метафизическое задается концепцией «четвертого царства» Ф. Дессауэра [16], располагающегося на границе человеческих потребностей и возможностей, предоставляемых законосообразностью природы.

Сущность техники выражается в удовлетворении потребностей человека с помощью предметов, созданных на основе законов природы. «Царство возможного в природе все же намного больше, нежели царство наличествующих, существующих природных форм. «Изобретаемое» транслируется оттуда в опыт-

ный мир, делается «настоящим», однако всякая искомая и найденная форма оказывается предустановленной [praestabliert]. Она может быть осуществлена, только когда она познана в достаточном приближении» [16, с. 82]. Ф. Дессауэр формулирует шесть тезисов по поводу «четвертого царства».

1) «Царство предустановленных образов решений [das Reich der praestablierten Loesungsgestalten] обосновывает и ограничивает технику, определяемую им... В случае с техникой речь идет только о возможности, сообразных с законами природы. Здесь ее граница. Эта граница постоянно отодвигается тем дальше, чем больше мы узнаем о природе, но она никогда не исчезнет» [16, с. 83].

2) Процесс реализации технических сущностей есть процесс «творения» по аналогии с религиозным значением этого термина.

3) «Изобретающий человек... «развивает» латентные картины, раскрывает их, определенным и ограниченным способом продолжает творение...» [16, с. 84].

4) «Основой технического исторического процесса являются коренные формообразующие свойства человека; латентный запас предустановленных исполняемых форм «четвертого царства» есть условие возможности техники» [16, с. 85].

5) Познание – это «духовное отражение», возможное за счет аналогии между мышлением об объектах и самими природными объектами, соответственно, «должны существовать однозначные соответствия между потребностями и образами решений потенциального царства природы... Как возможна техника? Она оказывается возможной лишь посредством структурной аналогии. Словарю языка человеческих нужд и желаний должен в идеальном плане противостоять словарь форм исполнения с взаимно-однозначным соответствием слов в обоих в своей основе» [16, с. 85].

6) Поскольку человек не только природное, но и духовное существо, отнюдь не все его потребности могут быть удовлетворены, и это предпосылка развития техники, которая подтверждает тот «факт, что все объективные блага культуры являются техническими благами» [16, с. 85].

Приведенное рассуждение Ф. Дессауэра демонстрирует характерный для XX в. поиск объективных стабильных форм метафизики, которые позволяли бы строить эволюционно ориентированные технические системы. Аналогичные проекты в эпистемологии и эстетике известны более широко. В целом можно утверждать, что метафизика технического сознания строится вокруг соотношения конструктивных или проективных ресурсов, которыми располагает сознание, и реальности, в отношении которой осуществляется конструирование или проекция. В каждый момент развития это соотношение подразумевает конкретный набор предпосылок, представленный объективным знанием о реальности, и задающий ту или иную метафизику, представленную технически осуществимым в рамках объективного знания о реальности. Способ учета динамики или эволюции этого соотношения заключается в представлении о развитии технического сознания от «традиции» к «третьей природе».

В качестве «традиции» техническое сознание раскрывается в оппозиции природы и техники, естественного мира и того способа, которым человек и человеческие сообщества в него включаются. В качестве «второй природы» техническое сознание раскрывается в оппозиции художественной и технической деятельности человека и обуславливается постановкой проблемы «нового», вопросом об осуществлении нового или искусственного в тех или иных сферах деятельности и жизни. В качестве «третьей природы» техническое сознание раскрывается в оппозиции рефлексии, понимаемой как фундаментальное свойство человека, делающее его свободным, и техники, понимаемой в качестве аппарата контроля и управления рефлексией на уровне материи или материального условия возможности рефлексии (в биологическом и, в перспективе, в кибернетическом смысле).

Первая ступень технического сознания

Соотношение физического мира, как он осуществляется для человека в актах чувственного восприятия, и рассудочно-логических схем, как они выявляются путем аксиоматизации, – это традиционная философская проблема, берущая начала в рассуждениях элейской школы о соотношении чувственного и умопостижимого, проще говоря, это проблема познания. Техническое в первом приближении может быть понято с точки зрения здравого смысла, то есть прямого познания. Акт прямого познания как «созерцания» – это идеализация, имеющая сугубо методологическое значение. Наиболее компактно ее можно представить как рецепцию, процедуру декодирования знаков (для задач прямой расшифровки кодов) или интерпретацию, в которой соотносятся наличные объекты и правила их учитывания. Техническое здесь оказывается навыком правила сообразной деятельности, позволяющим получать знаки, обладающие значением. Техническое, таким образом, для здравого смысла представляется процедурой логического вывода, где задачи прямой расшифровки эквивалентны дедукции, а обратной расшифровки – индукции. Можно было бы утверждать, что такого рода техническое рождается в актах непонимания (сократического знания о незнании) как ситуациях, когда индивид располагает знаками, а объектами, на которые они указывают, – нет: например, «технической герменевтикой» называется раздел теории интерпретации, каталогизирующий процедуры, необходимые для понимания как практического перехода от знаков к значениям [14].

К сожалению, в реальной практике познания человек никогда не имеет дела со «здравым смыслом»: физический мир, данный индивиду в виде объектов, определен навыком восприятия «объектов» и правилами их расположения, мир языка в свою очередь требует навыков использования символических систем, подчиняется логике их организации и способен порождать свои собственные «объекты», референция даже между этими двумя мирами является крайне сложным предметом исследования, включенным в общую структуру рефлексии. Методологическая абстракция, в рамках которой можно более или менее

полно обсуждать технику, очевидно, является существенно более сложной, нежели того требует здравый смысл; сама же практика познания носит характер решения конкретных проблем.

Мы исходим из абстракции трансцендентальной структуры сознания, включающей в минимальной форме восприятие, язык и рефлексию. В рамках семиотического подхода под ней понимается схема, где уровни познания как функции чувственного восприятия, рассудка и разума описываются в виде форм семиозиса, различающихся сложностью и способом реализации семантических, синтаксических и прагматических правил. Знак как то, что участвует в семиозисе, представляет собой четырехкомпонентную сущность, включающую 1) значение как обозначаемый объект; 2) смысл как синтаксическое место знаковой (языковой или иной) системы, посредством которого значение задается (означивается); 3) субстрат знака как материальный носитель функций обозначения и означивания (субстрат знака традиционно называют «знаковым средством»); 4) интерпретанту как условие возможности для знака осуществлять функции обозначения и означивания [3].

Чувственное восприятие на уровне семантики представимо в терминах И. Канта [6], где значением является вещь сама по себе, смыслом – ее явление, субстратом – нервная система индивида или конкретно то, что Д.И. Дубровский называет «нейродинамическим субстратом субъективного образа» [4, гл. 5], «мозговой нейродинамической системой» [5, с. 193]. На уровне синтаксиса речь идет о способах соотношения смыслов как образов (например, в психологии или обыденном сознании) и как кодов этих образов (например, в нейрофизиологии). На уровне прагматики речь идет об эволюционно сформированных навыках употребления знаков в связи с имеющимися у человека органами чувств.

Рассудок на уровне семантики в качестве значений обозначает смыслы знаков чувственного восприятия (явления И. Канта), означивая их через места интересубъективных систем естественных языков, математики, логики и здравого смысла. Синтаксис рассудка – это в собственном смысле правила образования и преобразования знаков в интересубъективных знаковых системах; поскольку очевидно, что знаковая система в рассудке не одна (открытие этого факта лингвистикой XX века скомпрометировало онтологию объективного идеализма), к области синтаксиса необходимо отнести и перекодировки между различными системами. Прагматика рассудка – это набор таких условных рефлексов, которые допускают применение тех или иных знаковых систем и их комбинаций для описания явлений.

Прямое познание связывает чувственное восприятие и рассудок, полагая их «существующими» и находя во втором способ выражения первого. Во второй половине XX века усилиями лингвистов и нейрофизиологов было показано, что беспредпосылочное созерцание возможно лишь в виде идеализации некоторого сегмента процедур проектирования и создания действительности, осуществляемого на основании правил, оказывающихся в распоряжении субъекта [3,

11]. В рамках конструктивистской или проективной точки зрения человеческое «я», «субъект» или «сознание» могут быть поняты в виде способа связи различных миров, в простейшем случае – в виде разума, соединяющего в акте рефлексии восприятие и рассудок. Эта рефлексия может быть осознаваемой или рефлекторной. Если рефлексия не осознается субъектом как таковая в актах практической деятельности (как, например, в актах говорения на родном языке взрослым человеком не осознается референция, при управлении велосипедом – работа вестибулярного аппарата и т.п.), то одно человеческое «я» отличается от другого только навыком ее осуществления в практике решения проблем: такого рода навык неосознаваемой субъектом рефлексии может быть определен в качестве первой ступени технического сознания.

Разумность или рефлексивность как условие возможности первой ступени технического сознания подразумевает, что его прагматические основания социальны: никто не рождается разумным. Оппозиция естественного и искусственного на уровне прагматики подразумевает искусственность технического на любой ступени: вся сумма навыков, которая транслируется культурной памятью социума и вне которой индивид не в состоянии быть единицей социальной организации, носит не врожденный, но искусственный характер. При этом очевидно, что техническое сознание, будучи проективным соединением рассудка и восприятия, не является прерогативой человека, с такого рода техническим как неосознаваемой рефлексией, выступающей условием возможности практической деятельности, мы сталкиваемся повсеместно в живой природе, так что специфически человеческим оказывается лишь определенная группа прагматических правил разума, позволяющая субъекту осуществлять осознаваемую рефлексию.

Вторая ступень технического сознания

Осознание человеком процедур рефлексии связано с созданием вымышленных объектов средствами рассудка и в целом – с проблемой «нового» или «эволюции» [9]. Например, при освоении языка каждому становилось очевидным, насколько малую часть общего словарного запаса можно связать с какими-либо фрагментами чувственно воспринимаемого мира, так что перед каждым вставала и встает задача самостоятельно наполнить содержанием «метафизические» понятия или найти значения для фикциональных знаков. Это проективная деятельность, которая позволяет с помощью воображения или представления расширять границы воспринимаемого на основании языков. В обобщенной форме можно утверждать, что проекция – это создание «нового» в рамках семиозиса: новых объектов, правил или навыков. Проективный семиозис, если рассматривать его на фоне традиционно представления о трансцендентальной модели познания, представляет собой обращение иерархического соотношения семиотических систем: прагматические предпосылки разума являются основанием для прагматических предпосылок рассудка и соответственно задают прагматику (границы содержательной

стратегии интерпретации) реализации семантического правила.

Как таковой, проективный семиозис может быть понят как механизм решения проблем. Понятие проблемы в герменевтической традиции сводимо к проблемам «понимания» и «выражения»: в первом случае проблемной ситуацией является положение вещей, в котором субъект убежден, что имеет дело с некоторым кодом, но не обладает достаточными ресурсами для его расшифровки, во втором случае субъект имеет дело с некоторым переживанием, для кодирования которого ему не хватает синтаксических средств. «Проблема», таким образом, возникает в акте рефлексии и связана с фиксацией неспособности субъекта соотнести то или иное количество типов существующего друг с другом. Процедура решения проблемы связана, следовательно, с открытием или выведением тех или иных синтаксических закономерностей в том или ином типе семиозиса, которые позволят добиться более удовлетворительного обозначения как кодирования/декодирования.

Вторая ступень технического сознания связана с навыком превращения субъектом фикциональных объектов в действительные. Рефлексия осознается как таковая в столкновении с метафизикой и воображением, однако техническим сознанием она становится тогда, когда навыки соединения рассудка и чувства позволяют контролировать материю, в которой воплощаются фикциональные объекты. До тех пор, пока проективный семиозис ограничивается сферой фикционального языка и фикциональных объектов, вопрос о материи как субстрате синтаксиса, заданного прагматическим правилом, касается только способности воображения или расширения границ рефлексии, конструирующей эгосистему человека. Однако тогда, когда воображаемым объектам, существование которых легитимировано лишь языком и рефлексией, придается статус целей, от человека требуется найти такие синтаксические правила субстратов языка и чувственного восприятия и такой навык их соотнесения, который позволил бы осуществить новые объекты на уровне реализации семантического правила в чувственном восприятии.

Вопрос о материи и материальном нуждается в обсуждении в связи с плюралистической онтологией. Нюанс в том, что семиозис в каждом из миров (физический, ментальный, мир языка, мир этических норм и другие возможные в этом ряду миры) подразумевает не совпадающие друг с другом субстраты знака: именно разность материи делает невозможной процедуру отрицания тех или иных выражений одного мира средствами другого мира. Техническое сознание как проективное соединение миров – это отображение одного типа материи на другом, подразумевающее правило семиозиса, которые позволяли бы объединять в тех или иных теориях прагматику восприятия и рассудка, их синтаксические и семантические правила и создавать новое в виде «технических объектов» [14, 15].

Таким образом, техническое сознание на второй ступени порождает науку как форму знания, а «художник» или «инженер» как способ осуществления технического сознания оказывается дополнен «уче-

ным». Понятие «инженер» подразумевает навык превращения правил рассудка (логических и математических последовательностей, существующих только в человеческом уме) в факты природы, существующие в воспринимаемой объективной действительности. Техника же представляет собой конкретизацию воображения сначала в математической формуле, а затем – в конкретном артефакте (технологии или техническом устройстве). Инженер, соединяя в себе навыки конструирования и навыки созерцания, становится ученым, создавая теорию, объясняющую и прогнозирующую способы соотнесения материальных субстратов чувства и рассудка. Это ситуация, характеризующая Новое время вплоть до конца XX в. В онтологическом плане принципиальной становится оппозиция собственно онтологии в виде учения о субстанциях и способах их соединения и метафизики в виде учения о практических следствиях той или иной онтологической модели. В эпистемологическом плане – проблема второй природы или искусственного мира технических объектов, созданного рефлексией и возможно за счет навыков управления материей. В этическом плане – проблема человека как субъекта рефлексии, раскрывающаяся в оппозиции художник (инженер, ученый) и зритель (потребитель), в вопросах об идеологии и самосознании.

Новое, создаваемое техническим сознанием на второй ступени, представляет собой внетелесную материальную реализацию процессов рефлексии. Нюанс в том, что процессы рефлексии обнаруживают только саму рефлексию, то есть не чувственное восприятие и рассудок в их содержательной, определенной познанием полноте, но схемы восприятия и рассудка, где последние зависят от той или иной онтологической модели. Для чувственного восприятия это подразумевает замещение естественных объектов искусственными: познающий индивид в мире «второй природы» в акте восприятия решает не прямую задачу декодирования электромагнитного спектра и превращения его в образы субъективной реальности, но задачу расшифровки структур рефлексии другого субъекта или субъектов, воплощенных в том или ином искусственном объекте познания. Соответственно круг вопросов об интерпретации, который в условиях первой природы занимает лишь филологов и философов, в условиях второй природы оказывается встроенным в акт познания в виде проблемы «понимания мира»: например, вряд ли кому-то в голову придет идея «понимать» закат или звездное небо, однако «понимание» города, здания, кофемолки или системы канализации – уже вполне осмысленная задача. Для рассудка это подразумевает автоматизацию естественных процессов логического анализа, исчисления, замещение навыка работы с синтаксисом навыком использования готового шаблона.

Третья ступень технического сознания

На второй ступени технического сознания человек, с одной стороны, оказывается соотнесен с самим собой в гораздо большей степени, то есть более свободен, нежели в условиях традиции; с другой стороны,

ему требуется существенно большее усилие для осознания структур рефлексии, для поиска и создания нового. Новое открывается или создается там, где субъект осознает те или иные границы. В рамках семиотической абстракции трансцендентальной структуры сознания техническое сознание имеет дело с новым сначала в форме прояснения и углубления навыка соотношения рассудка и чувственного восприятия¹, затем в форме переноса элементов структурной организации рассудка в область чувственного восприятия: в первом случае речь идет о тренировке врожденных навыков рефлексии и открытии правил преобразования знаков в различных материальных средах; во втором случае – о создании новых знаков в субстратах чувственного восприятия и рассудка и об усложнении структуры акта познания. Очевидно, что третьей ступенью реализации технического сознания становится открытие нового в области прагматики самой процедуры рефлексии, когда проблема нового оказывается связана не столько с синтаксическими правилами восприятия и рассудка и их материальным воплощением, сколько с интерпретантами, делающими возможным физический мир, язык и способ их соотношения.

Третья ступень технического сознания подразумевает не только осознание рефлексии и рефлексивного характера проективной деятельности, но и понимание процедуры рефлексии как семиозиса определенного типа, обладающего прагматикой, синтаксисом и семантикой. Это эволюционное сознание, где техническое оказывается одновременно субъектом, объектом и средой развития.

Развитие или эволюция осуществляется через анализ границ познаваемого на фоне существенно более широких онтологических границ, где последние для теории познания остаются в виде явных или скрытых предпосылок. «Развитие» представляет собой фундаментальную философскую проблему; известные подходы к ее решению можно разделить на диалектический, системно-теоретический и синергетический.

Диалектическое решение проблемы «нового» сформулировано Г. Гегелем [2] в рамках онтологии абсолютного идеализма и вводит его как синтез тезиса и его отрицания. Это знаменитая фигура треугольника, семиотически выражающая знак как тезис, значение как отрицание, а смысл как синтез, то есть то новое качество, которое в субстрате одного слоя позволяет учесть признаки более низкого слоя, и, в свою очередь, быть обозначенным, то есть быть подвергнутым отрицанию. Так понятие «нового» позволяет разграничивать количественные и качественные границы, то есть рассматривать новое или как раскрытие ресурсов субстрата конкретного типа семиозиса, или как переход от одного субстрата к другому. Системно-теоретическое решение проблемы «нового» подра-

зумевает, что «новое» есть результат наложения систем, переноса по аналогии. Научная продуктивность этого подхода, выражающаяся, например, в фундаментальном расширении границ физического знания средствами математики в XX в., обусловлена соотношением как минимум двух субстратов семиозиса с целью обнаружения изоморфизмов или расширения границ отображения одного субстрата в другом. Синергетическое решение проблемы «нового» вводит эту категорию как описание состояния системы при выходе из точки бифуркации; эвристический потенциал этого подхода ясен пока не до конца.

Проблема эволюционного сознания формулируется в виде ряда вопросов, каждый из которых задает соответствующее содержание понятия эволюции. Первый вопрос заключается в выявлении новых синтаксических правил той или иной функции сознания без изменения интерпретанты и субстрата ее реализации, второй вопрос связан с изменением интерпретанты и субстрата для отдельной функции, третий вопрос – с появлением, выработкой или открытием новых интерпретант и новых субстратов осуществления семиозиса.

Первый вопрос располагается в русле нормальной науки и, как правило, ответы на него формулируются с помощью системно-теоретического подхода. Типичным примером служит изоморфность синтаксиса языка и построения чувственного восприятия, в явном виде сформулированная Л. Виттенштейном [18] и допускающая в средствах математики расширение границ анализа вселенной за пределы чувственного восприятия человека: наложение системы описания на систему восприятия и есть способ получения новых фактов. Этот механизм демонстрируется структурой современного физического знания. Аналогичным образом возникает новое в рассудочных структурах, где друг на друга накладываются сугубо языковые правила, трансформируя и расширяя каждый конкретный язык: примером служит трансформация лексических и грамматических структур одного естественного языка под воздействием другого естественного или искусственного языка.

Второй вопрос располагается на стыке нормальной и революционной науки. Ответы на него связаны с анализом условий возможности процедур понимания коммуникативных знаков и познания эмпирических знаков, с выявлением истории переноса техник интерпретации из области филологии в область естественных наук. Решение первого и второго вопросов эволюционного сознания вынуждает техническое подниматься на вторую ступень, замещать естественное объективированными и овеществленными структурами рефлексии.

Третий вопрос, формулирующий проблему эволюционного сознания, представляется наиболее сложным. Не трансформация существующей интерпретанты в рамках имеющегося субстрата, но создание нового навыка, открывающего новые субстраты осуществления семиозиса, – это вопрос, выходящий за пределы сугубо научного знания и вовлекающий в обсуждение литературные, мистические, религиозные и собственно философские модели. После Декарта

¹ Наиболее ясно сказанное демонстрирует известный пример Платона с тремя кроватями [15]: «нового» для традиции нет, есть лишь навык «подражания». Очевидно, что переход от первой ступени технического сознания ко второй вызывает принципиальное противоречие в оценке деятельности воображения в религиозно-догматических и научно-технических дискурсах.

единственным инструментом, допускающим последовательный переход от одной интерпретанты к другой, от одного субстрата к другому, является отрицание, после Гегеля синтетическое единство субстрата и его отрицания интерпретируется как новый субстрат. Эволюцию культуры (включая эволюцию техники) можно в целом охарактеризовать через механизмы создания инобытия функций сознания и последующего его переноса в сферы разума, рассудка и чувственного восприятия. История западной культуры показывает, что такого рода диалектический синтез в комбинации с переносом по аналогии серьезно воздействует не только на синтаксические и семантические правила функций сознания, но и на их интерпретанты, позволяя изменять и дополнять исходные субстраты.

Эволюция как открытие новых форм семиозиса – в истории человечества и в границах эпистемически фиксируемой семиосферы – определяется сочетанием ряда процессов, включающих, как минимум, рефлексивную способность к созданию инобытия (образа или модели), способность соотношения рефлексивной модели и синтаксиса рассудка (последний может браться в виде систем логико-грамматических правил или экзосоматической технической среды), способность фиксировать инобытие в качестве цели и комбинировать ресурсы семиосферы для ее достижения. Онтологические основания эволюции как таковые в методологическом смысле возникают в виде такого инобытия, которое обеспечивает то или иное расширение границ познаваемого.

Эволюция в описанном периоде истории человечества носит характер автокоммуникативной самодетерминации. Человечество как субъект коммуникации оставляет самому себе сообщение, фиксирующее инобытие функций сознания, осуществляет на основании этого сообщения перенос по аналогии и далее прилагает усилия для его технического осуществления. В глобальном смысле эволюция человечества (материально фиксируемая в развитии новых художественных языков, новых научных теорий и технических устройств, новых систем социальной организации) является единственным выражением его свободы.

Техническое сознание на третьей ступени подразумевает контроль над материей не только физического мира и рассудка, но и рефлексии. «Технические объекты» воплощаются не только в сфере логических схем и чувственного опыта, но и в сфере условий возможности соединения первого и второго, первым примером техники такого рода является создание искусственных живых организмов и воздействие на ДНК человека. Наиболее существенной проблемой в такой ситуации становится проблема эволюционного прогноза и ответственности.

Исследование и трансформация условий возможности рефлексии – это вопрос о возможности долгосрочного планирования, который не проблематизируется на первой или второй ступенях технического сознания, находясь в ведении религиозной догматики в виде несомняемых представлений о самотождественности природы во времени (концепции «добраго бога» или «антропного принципа»). Управление рефлексией представляет собой своего рода рефлексии над рефлексией,

влекущую отождествление «третьей» природы и естественной природы и изменение ее субъекта.

Вполне очевидно, что третья ступень технического сознания в качестве субъекта имеет дело уже не с человеком, как он фиксировал сам себя в наблюдаемом периоде истории культуры, но с неочеловеком, способным не просто осознавать рефлексии и контролировать некоторые фрагменты материи в физическом и ментальном субстратах, но и перестраивать условие возможности рефлексии, влекущее изменение в том, какие «миры» или субстраты семиозиса в принципе соотносимы для человека, и, соответственно, в том, как именно осуществляется наполнение содержанием человеческого «я».

Заключение

Техническое сознание, описываемое как проективный семиозис, показывает эволюцию индивида от традиции к неочеловечеству. Человек, рождаясь, осваивает транслируемую культурной памятью сумму навыков, обеспечивающих выживание в естественной среде его рождения; фантазия, вымысел, метафизическое представление, порожденные удивлением, эстетическим переживанием или практической проблемой, вызывают процессы самосознания, позволяют косвенным образом увидеть рефлексивный характер практической деятельности; способность воплощать в материальных субстратах фикциональные объекты порождает вторую природу, замещающую естественные объекты восприятия и представления; способность материального изменения правил рефлексии открывает путь к осознанной и контролируемой автоэволюции человека, создавая «третью природу», в которой человек превращается в неочеловека, способного изменять качество своего человеческого существования как рефлексивного существа. Такого рода развитие требует от индивида серьезного усилия по поддержанию рациональности в каждый момент времени, способности сохранять память и способности к действию в условиях нарастающей неопределенности. В целом неочеловек как субъект технического сознания, создающего третью природу – это в онтологическом плане индивид, осознающий свое существование и стремящийся расширить его границы, в гносеологическом плане – это познающий субъект, способный самостоятельно сдвигать границу познаваемого, в аксиологическом плане – это член общества, самостоятельно вырабатывающий общезначимый этический кодекс и следующий ему, в прагматическом плане – это тот, кто способен действовать, концентрируя усилия на достижении цели.

«Техническое сознание» – это один из возможных путей исследования человека или сознания как такового, где «рефлексия над рефлексией» в конечном итоге покажет следующий за контролем над материей предел самопознания. Сейчас, на пороге между второй и третьей природой понятно, что развитие техники подчеркивает и углубляет интеллектуальное неравенство, в социальном пространстве выражающееся как конфликт между обществами «знания» и «потребления», приближает так называемую «точку матема-

тической сингулярности» [8], заставляющую размышлять об утопических и антиутопических сценариях ее преодоления, создает ситуацию тотальной неопределенности, в которой человеку не на что опереться, кроме процедур рефлексии, условия возможности которой теперь контролируются самим же человеком. Это развитие требует, наряду с пропедевтикой, проективного инженерного мышления, внимательного отношения к структурам общественного и абсолютного сознания, анализа идеологий, способствующих или тормозящих эволюцию, пересмотра с позиций технического сознания и Просвещения религиозной догматики и соответствующих ей постулатов реальной науки.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Москва, 1975. – Т. 1.
2. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – Москва, 1974–1977.
3. Гудмен, Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. – Москва, 2001.
4. Дубровский, Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики / Д.И. Дубровский. – Москва, 1971.
5. Дубровский, Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей / Д.И. Дубровский. – Москва, 2007.
6. Кант, И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – Москва, 1994. – Т. 3.
7. Лебедев, М.В. Значение, истина, обоснование / М.В. Лебедев. – Москва, 2011.
8. Назаретян, А.П. Середина XXI века: загадка сингулярности / А.П. Назаретян // Философские науки. – 2013. – № 9. – С. 15–24.
9. Нестеров, А.Ю. Семантика вымысла: эпистемологический статус значения фикционального знака / А.Ю. Нестеров // Именованное, необходимость и современная философия. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 154–169.
10. Нестеров, А.Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации / А.Ю. Нестеров. – Самара, 2008.
11. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – Москва, 1994. – Т. 3.
12. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. – Москва, 2002.
13. Шольц, Г. Корни спора о герменевтике / Г. Шольц // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе. – Самара, 2010. – С. 18–31.
14. Ястреб, Н.А. Эпистемологический анализ техники: структура, условия, возможности и критерии истинности технического знания / Н.А. Ястреб // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2014. – № 1. – С. 91–98.
15. Ястреб, Н.А. Эпистемология технического объекта / Н.А. Ястреб // Философия науки. – 2013. – № 2. – С. 123–133.
16. Dessauer, F. Streit um die Technik / F. Dessauer. – Freiburg im Breslau, 1959.
17. Ingarden, R. Der Streit um die Existenz der Welt / R. Ingarden. – Tuebingen, 1964. – Bd. 1.
18. Wittgenstein, L. Tractatuslogico-philosophicus / Werkausgabe in 8 Bänden. Bd.1 / L. Wittgenstein. – Frankfurt am Main, 1999.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

A.Yu. Nesterov

TECHNICAL CONSCIOUSNESS AS SEMIOSIS: GOALS SETTING

The article deals with the semiotic approach to technical consciousness and introduces it as a projective semiosis which, being human practical activity caused by reflection, is considered at three levels: as a «tradition», which defines technology as the rule-determined activity satisfying human survival requirement in his natural environment; as «second nature», when technology is described as a process of creating something new, which is possible due to the control over matter and able to replace natural environment with artificial one; and, finally, as «third nature», when technology is a reflection control method.

Technical consciousness, semiosis, philosophy of technology.

И.Н. Тяпин

Вологодский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА РОССИЙСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье исследуется проблема геополитического идеала российского традиционализма (ранее – консерватизма) как особого направления отечественной философской мысли, выступающая немаловажным аспектом философии Русской идеи. Доказывается, что фундаментальным принципом этого идеала выступает защита своего геополитического пространства от давления атлантистской цивилизации ради создания условий реализации модели справедливого социального устройства, национального возрождения и нравственного преображения человечества. Прослеживается историческая эволюция российского традиционализма в рамках периода XIX – начала XXI в., его концептуальная преемственность и динамика идей. Делается вывод о том, что в результате развития социально-философской и историософской доктрин отечественного традиционализма представители основного спектра его современных течений пришли к твердому осознанию необходимости для эффективного противостояния давлению субъектов глобализма реализации в России имперской модели нового типа, при справедливом социально-политическом устройстве и национально-культурной самодостаточности.

Геополитика, Русская идея, охранительный консерватизм, евразийство, неоевразийство, монархический традиционализм, социал-традиционализм, антиглобализм.

Восприятие и истолкование истории теоретического общественного сознания отдельных стран и народов, а равно и всего человечества как идеологического (посредством религии, философии и отчасти науки) обоснования и конфликта различных типов морали является, на наш взгляд, наиболее адекватным способом ее интерпретации. Геополитика представляет собой пример наиболее органичного соединения собственно научного знания и идеологических построений. Геополитические доктрины выступают прямым выражением национальных идей и национально-государственных идеологий, следовательно, всесторонне *этически наполнены*. Так, «классические» построения германской (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер) и особенно американско-британской (Х. Маккиндер, А. Мэхен) школ с их идеологией «господства над миром», «расширения жизненного пространства», «глобального доминирования», «стратегии анаконды» и т.п. становятся очевидным выражением не только агрессивного эгоизма, но и торжества антиценностей. Иной, основанный на глубокой нравственной позиции философии Русской идеи посыл несут в себе геополитические построения отечественного традиционализма (ранее – консерватизма). В рамках Русской идеи история отечественной консервативной мысли являет собой развертывание проекта нравственного государства. И хотя к теме отечественной «консервативной геополитики» исследователи (Н.В. Работяжев, Л.В. Поляков, И.З. Бестужев и др.) обращаются нередко, говорить о возможности подведения хотя бы предварительных итогов преждевременно. В большинстве работ нечетко определяются признаки российского консерватизма как объекта исследования (что вызывает неоднозначность подходов применительно к выбору персоналий), а собст-

венно геополитические построения консервативных мыслителей не вычлняются из всего массива их социально-философских воззрений. Решение проблемы ценностной идентификации отечественного традиционализма через анализ его геополитических построений в рамках методологической опоры на историко-компаративистский и системный подходы и выступает *целью* настоящей работы.

По нашему мнению, собственно *консерватизм в Российской империи* – это охранительное течение, отличное от славянофильства, а также религиозного реформаторства конца XIX – начала XX в. Консерватизм в России сложился как теоретически оформленное общественно-политическое движение в первой трети XIX в. на основе идей и принципов незыблемости политического самодержавия, юридического приоритета православия, сословного иерархизма, «государственнического» национализма, религиозного провиденциализма и национальной самобытности. Его теоретики модернизировали концептуальное историко-политическое наследие России эпохи Средневековья («Москва – Третий Рим» и др.) и привели его в соответствие с переработанными доктринами западноевропейского консерватизма и адаптированными элементами философии Просвещения (среди которых приоритетное значение имело положение о необходимости нравственного совершенствования общества в ходе исторического движения). Идеями наследниками охранительного консерватизма можно считать И.А. Ильина, евразийство 1920–30-х гг., а в постсоветской России – во-первых, *фундаментальный консерватизм* (неоевразийство, а также православный монархизм), а во-вторых, *национальный «государственнический» социализм (социал-консерватизм)*, примирившийся с советским опытом и синтезировавший

доктрину «Великой России» и идеологию социальной справедливости. При этом в рамках выраженной преемственности идейная эволюция отечественного консерватизма заключается в отказе от явного провиденциализма, переходе на позиции светской духовности, восприятию религиозного опыта скорее как уважаемой традиции. Сам же термин «консерватизм» постепенно все более вытесняется понятием «традиционализм» (ибо «консерваторы» Новейшего времени требуют не сохранения, а смены политической реальности), которое далее будет использоваться в качестве основного именованного рассматриваемого направления.

Формирование концепции об особой исторической роли России и русского народа в мире в рамках получившей законченное выражение антитезы «Россия – Запад» составило основное отличие историософии российского охранительного консерватизма, с одной стороны, от западноевропейских консервативных учений, почти игнорировавших Россию как создающий субъект мировой истории, с другой – от неортодоксальных религиозно-философских течений (вроде философии «нового религиозного сознания» Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и др.), фактически подменявших идею взаимосвязи единичного (национального) и общего (всечеловеческого) как равнозначимых и не существующих друг без друга составных частей идей фатального растворения единичного в произвольно понимаемом общем. «Реакционеры» первыми констатировали, что противоречия между Россией и Западом на уровне цивилизационных принципов имеют неразрешимый характер, провозгласив тезис о ее потенциальной возможности стать политическим и духовным лидером человечества.

При этом объективно-идеалистическая по своей сути социология и историософия «классического» российского консерватизма была не чужда использованию элементов «географического подхода». Первоначально наивные формы географического детерминизма вроде рассуждений молодого Н.М. Карамзина о том, что сырой климат – причина того, что «английская история – богата злодействами» [5, с. 455–456], или идеи М.П. Погодина о том, что подобный западноевропейскому феодализм не сформировался на Руси, поскольку на ее территории феодалу негде и не из чего было выстроить себе замка («он не нашел бы себе неприступной горы, – да и камня нет на строение, а только сгораемый лес» [14, с. 78]), спустя сравнительно недолгий срок сменились основательной теорией Д.И. Иловайского об опосредованном влиянии географической среды на «формы государственного быта» (форму правления, религию, сословный состав, политическое устройство, этнографическое состояние) [4, с. 309].

Наиболее выраженное геополитическое понимание истории в российском традиционализме XIX в. представлено наследием **К.Н. Леонтьева**, в свою очередь проанализировавшего культурно-географический подход позднего славянофила Н.Я. Данилевского.

Эволюция взглядов Леонтьева происходила в направлении постепенного отхода от позиций эстетизма как предтечи нищезанятия (обличающего буржуазную серость и восхваляющего красоту) в пользу идеала морально-эстетической гармонии, преодоле-

ния в нравственной любви религиозного происхождения противоречия между «поэзией и моралью» [6, с. 313, 314].

В рамках описанного идеала К.Н. Леонтьев смотрел на Россию как единственный цивилизационный субъект, потенциально способный (и обязанный) явить миру новый, высший тип цветущей культуры. «Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности», – писал он, призывая к развитию «своей собственной, оригинальной, славяноазиатской цивилизации», радикально отличающейся от цивилизации европейской с ее торжествующим мещанством.

Леонтьев, не страшившийся глобальной войны с Западом, призывал к завоеванию Россией Царьграда, с тем, чтобы в древней столице Византии заложить фундамент нового культурно-государственного здания, объединяющего православные народы на византийских основах. Константинополь, по его мнению, должен стать «культурным центром целого грекославянского союза или нового восточного мира» под водительством России. «Царьград, – утверждал Леонтьев полтора века назад, – есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно (а, может быть, и теперь уже) *предназначенные составить с Россией во главе великий восточно-православный союз*» [7, с. 146]. «Будут тогда две России...: *Россия – империя*, с новой административной столицей (в Киеве) и *Россия – глава Великого Восточного Союза* с новой культурной столицей на Босфоре» [7, с. 210], – мечтал консервативный мыслитель, не видя в создании колоссального царства на манер империи Александра Македонского ничего принципиально утопического. По мнению Леонтьева, только экспансия на Восток даст новый импульс к развитию оригинальной русской культуры как минимум отсрочит гибель русской государственности.

Следующим этапом эволюции доктрины российского традиционализма, опирающейся на понятие «национальный» или «социально-культурный» организм, выступило **евразийство**, представители которого – Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и др. – первыми в отечественной мысли начали использовать сам термин «геополитика». Евразийское течение питалось многими духовными истоками, берущими начало в лоне как гуманитарных, так и естественнонаучных трудов русских авторов (труды Н.Я. Данилевского, В.Ф. Головачева, А.И. Воейкова, П.П. и В.П. Семеновых-Тянь-Шанских, Л.И. Мечникова, Д.А. Милютин). Учитывая, что главным стимулом развития России, как правило, выступала внешняя угроза, евразийский проект предполагал *отказ от подражания во всех сферах жизни, идею доктринального синтеза, т.е. сочетания открытости и динамизма с традицией и консерватизмом*, где экономические формы и инструменты (автаркия, многоукладность, предпринимательская инициатива) должны служить развитию науки и искусства, укреплению социальной солидарности и обороноспособности страны.

В отличие от предыдущих поколений отечественной философской мысли (где пространство российской цивилизации, историософии и истории рассматривалось все же в рамках тех научных и идеологических доктрин, в которых доминировали «беспостранственные» политические и исторические модели репрезентации), евразийство сделало образы пространства основным углом зрения, помогающим лучше понять Россию как «организм естественного размера» на фоне иных цивилизаций. Уместно процитировать П.Н. Савицкого, писавшего: «Смычка географии с историософией подразумевает наложение на сетку географических признаков сеток признаков *исторических*, которыми характеризуется Россия-Евразия как особый исторический мир... При возможности и наличии определения России как особого географического мира самое существование русской историософии как одной из важнейших магистралей русской культуры, историософии, для которой определение России как особого географического мира является основной категорией мышления, – в этих условиях, повторяем, самое существование русской историософии поставляет и обосновывает намеченную задачу» [8, с. 229].

В свою очередь, представленное рядом направлений и концепций *неевразийство* конца XX – начала XXI в. (А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малявин, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и др.) разработало в контексте Русской идеи геополитический вариант концепции, притязавшей на роль валидной теоретической основы при разработке геостратегии современной России. Необходимость преодоления кризиса общества и государства стала главной причиной творческого, посредством обращения к идеям и концептам Х. Маккиндера, К. Хаусховера, немецких «консервативных революционеров» Э. Юнгера, К. Шмитта и др., освоения наследия патриотической мысли. Ориентация на *стратегию национального антиглобализма*, стремление к достижению строя «демотической идеократии», геополитической многополярности, цивилизационно-исторической контекстуализации экономической деятельности, единства научно-технического и этического прогресса в целом может обеспечить ту полноту социального бытия, о которой А.С. Панарин писал следующее: «Цивилизационный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инструментально-прагматический, инфраструктурный, призванный обеспечить единое экономическое, информационное, правовое пространство, и духовно-ценностный, призванный сообщить этому пространству высший сакральный (ценностный) смысл» [13, с. 239]. Миссия России, считал он, заключается в осуществлении евразийского цивилизационного проекта, иными словами, созидании евразийской цивилизации на постсоветском пространстве. «Русская идея в Евразии, – утверждал Панарин, – была связана с мессианизмом, готовностью взять на себя груз ответственности за состояние этой части ойкумены, разделить бремя существования с дружественными народами, сообща строить будущее» [12, с. 88]. Вместе с тем он надеялся, что евразийский проект может стать для всего незападного мира консолидирующей силой в его сопротивлении глобализму.

Наиболее развернутым (хотя и не лишенным утопических моментов) вариантом геополитики неоевразийства стала концепция *новой Евразийской империи*, разработанная А.Г. Дугиным.

Подобно М.Н. Каткову, переносившему гегелевскую философско-историческую концепцию на российскую действительность, Дугин пишет следующее: «Гегель развил интересную концепцию, что Абсолютная идея в эсхатологической ситуации должна проявиться в окончательном, «осознанном» виде в форме прусского государства. Однако в планетарном масштабе Пруссия, и даже Германия, взятые отдельно, геополитически недостаточны... Россия же, Третий Рим, и религиозно, и культурно, и пространственно, и стратегически прекрасно соответствует подобному телеологическому взгляду на сущность истории и явно стремится исполнить именно эту миссию», создать «континентальное Царство Абсолютной Идеи» [3, с. 197–198].

Евразийская империя, «построение которой отвечало бы глобальной, планетарной цивилизационной миссии русского народа», мыслится как многоуровневое образование, «империя империй», «конфедерация Больших Пространств», среди которых выделяются четыре основных – Европейская империя на Западе, Тихоокеанская империя на Востоке (вокруг Японии), Среднеазиатская империя на юге (вокруг Ирана) и собственно Русская империя в центре Евразии (вокруг России). Помимо этого предполагается существование ряда других «Больших Пространств» – вокруг Индии и Китая, на основе арабского мира, а также panaфриканский союз. Если в культурно-цивилизационном плане Россия безусловно должна отстаивать собственную идентичность, «духовное самоопределение», то в политическом отношении стратегической формулой должно стать растворение в континентальном пространстве (при том, что только континентальная интеграция Евразии с центром в России может гарантировать всем ее народам и государствам реальный суверенитет). Цивилизационный же выбор в политике есть утверждение себя «особым изолированным человечеством». Россия не должна сливаться с миром, пока мир не стал Россией.

Современные *правые* («православно-монархические», «белые») *традиционалисты* тяготеют к органическому пониманию общества и нации (каждый народ для них – это соборный исторический организм). Поэтому распад СССР нередко воспринимается ими в духе И.А. Ильина как противоестественное расчленение органического целого. Так, по мнению В.Н. Осипова, географически и территориально СССР и Россия – это одно и то же, а «Беловежский сговор декабря 1991 года есть преступление, но не в смысле ликвидации незаконного, нелегитимного, сочиненного большевиками Советского Союза, а в смысле расчленения органически единого и неделимого 1000-летнего государственного организма» [11, с. 119]. Постулируется сущностная несовместимость российской и евроатлантической цивилизаций. К примеру, Е.С. Холмогоров связывает противоположность западной и российской цивилизаций с тем, что в их фундаменте лежат различные типы действия – целерациональное и ценностно-рациональное (по

терминологии М. Вебера). Основу западного капитализма, согласно Холмогорову, составляет целерациональное действие: субъект ставит перед собой четкую цель и стремится ее достичь, внешний мир и другие люди являются для него только лишь средствами. «Русская цивилизация строится на другом типе действия – ценностно-рациональном, для которого безусловная ценность, заданный высокий социальный идеал, имеет первенствующее значение над целью и задает рациональной структуре определенное смысловое, а не только целевое содержание» [15, с. 251].

Правыми традиционалистами подчеркивается многовековое глубинное неприятие Западом России в двух ее ипостасях: «как равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с всегда собственным поиском универсального смысла мироздания – препятствия на пути сокрушения многообразного мира, превращаемого сегодняшним мессианским проектом либеральной глобализации в культурную и экономическую провинцию англо-американского мира» [10, с. 214]. При этом нередко утверждается, что Запад едва ли не онтологически враждебен любой России, а цели холодной войны диктовались не только идеологическим, но и геополитическим соперничеством. «Стратеги и творцы холодной войны с самого начала метили именно в Россию как своего главного геополитического – и не только – противника, будь Россия советской или царской, как в начале века», – пишет, например, К.Г. Мясло [9, с. 16].

Определенная неприязнь «белых консерваторов» к евразийству, принимающему, по их мнению, роль русского народа в России и подрывающему русскую идентичность, выражается в убеждении о «невозможности и пагубности для русского народа восстановления Советского Союза» [16, с. 68]. Геополитические устремления этого крыла традиционализма направлены прежде всего на воссоединение (или, по меньшей мере, интеграцию) России с Украиной (в связи с событиями 2014 г. – какой-то ее частью) и Белоруссией.

Геополитические установки современного *социал-традиционализма*, лозунгом которого выступает единство национальной власти и социальной справедливости, наглядно представляют работы С.Н. Бабурина.

История Нового и Новейшего времени для Бабурина есть история смены мировых порядков, т.е. систем обладания территориями: начиная от Вестфальской и Венской систем и заканчивая так называемым Мальтийско-Мадридским порядком (установившим гегемонию США и НАТО). Россия должна стать создателем нового глобального порядка, в основу которого может быть положен принцип *многополярного рассредоточения власти* [2, с. 217].

Констатируя «загадочность» России как геополитического субъекта по причинам отсутствия достоверной древней истории (археологическое наследие есть, а письменные источники потеряны или уничтожены), климатической суровости и превалирования духовного над мирским в фундаменте национального самосознания, Бабуриным отмечается, что Россия практически никогда не была национальным государством в его классическом понимании – «один этнос – одно государство». Она сразу формировалась как объеди-

нение (союз) разных этносов на основе восточнославянского единства при двух скрепляющих стержнях – русском языке и православии. Отсюда выросло самоощущение русской (восточнохристианской) цивилизации (содержания общности) и русской империи (ее формы). Как и всякая цивилизация, русская не является замкнутой системой, она стремится через внешние дела (политику, экономику и прежде всего культуру и науку) нести свое мироощущение тем, кто вне ее [1, с. 14]. В XX в. историческая Россия дважды прошла через трагедию разрушения (1917 и 1991 гг.). После первого она сумела восстановить свои естественные границы; советский строй был особой цивилизацией, прошедшей за сравнительно короткий срок все циклы цивилизационного развития: от героического периода выдвижения нового социального идеала, через войны и период стабильности, – к «усталости, утрате веры и безвольному увяданию». В начале XXI в. мы имеем русскую цивилизацию, находящуюся в рассеянии, а Российская Федерация – ее самый крупный осколок.

Основным геополитическим понятием у Бабурина выступает «Русский мир», понимаемый как культурно-историческая общность, выходящая за рамки национальных государств и тем более политических систем. Русский мир предполагает ощущение широкого цивилизационного единства, выходящего за рамки этнического или религиозного признака, жизнь, основанную на отличной от других системе ценностей и интересов [1, с. 15]. С этих позиций пространство Русского мира определяется мыслителем как практически вся территория бывшего СССР, а также Сербия и Черногория. Политическим ядром Русского мира должно стать союзное государство России и Белоруссии, превращенное в из аморфного образования в дееспособный политический субъект, представленный в Совете Безопасности ООН, «великая держава, основанная на русской культуре и русском языке», способная отразить экспансию Запада и Востока, отвергающая глобалистическую унификацию.

Российской (русской) имперской идее присущ сложный комплекс религиозно-идеологических представлений об эсхатологическом смысле и предназначении российской государственности, характере и целях великодержавного строительства. Имперский подход означает не только сильную власть, но и власть справедливую, при которой каждому человеку гарантируются все возможности для всестороннего развития, благополучной и достойной жизни. Не за счет других людей, а вместе с ними [1, с. 20].

Таким образом, геополитический идеал российской консервативно-традиционалистской мысли претерпел некоторую трансформацию по мере изменения исторической ситуации, государственной эволюции и разветвления самого отечественного традиционализма. Вместе с тем его существенные черты за последние более чем полтора века остались прежними при неуклонном возрастании нравственной составляющей, преодолении социально-классовой ограниченности. Фундаментальным принципом выступает защита своего геополитического пространства от давления атлантистской цивилизации ради реализации модели справедливого социального устройства, национально-

го освобождения и нравственного преобразования человечества.

Современная российская традиционалистская мысль по сути вся проникнута убеждением о том, что в противостоянии с глобалистским диктатом традиционные – деспотические или олигархические – режимы, опирающиеся на прежние формы государственности и практики социального управления, обречены на поражение в информационно-идеологической и технологической войне. Эффективно сопротивляться западностской гегемонии в принципе может только государство, крупное по занимаемому пространству и численности населения, ориентированное на заповеди национально выраженной абсолютной морали, строящее на ее основе политическую и правовую деятельность, обладающее самостоятельной идеологией и стратегией развития на базе национальной идеи, чуждое коррупции и олигархизации. Следовательно существование России в будущем возможно только в качестве государства с имперскими чертами, отличающегося как от средневековых империй Востока и европейских колониальных держав Нового времени, так и от «империи наоборот» – СССР.

Литература

1. Бабурин, С.Н. Возвращение русского консерватизма / С.Н. Бабурин. – Москва: И-т русской цивилизации, 2012. – 832 с.
2. Бабурин, С.Н. Мировой порядок как система обладания территориями / С.Н. Бабурин // Наш современник. – 2006. – № 7. – С. 202–224.
3. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – Москва: Арктогея, 1997. – 608 с.
4. Иловайский, Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма / Д.И. Иловайский. – Москва: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. – Т. 1. – 416 с.
5. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин. – Москва: Правда, 1988. – 540 с.
6. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и славянство / К.Н. Леонтьев. – Москва: Республика, 1996. – 798 с.
7. Леонтьев, К.Н. Храм и Церковь / К.Н. Леонтьев. – Москва: АСТ, 2003. – 636 с.
8. Мир России – Евразия: антология / сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – Москва: Высш. шк., 1995. – 399 с.
9. Мяло, К.Г. Между Западом и Востоком. Опыт геополитического и историософского анализа / К.Г. Мяло. – Москва: А. Соловьев: Рус. Нац. Фонд, 2003. – 221 с.
10. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – Москва: Международные отношения, 2003. – 536 с.
11. Осипов, В.Н. Русское поле / В.Н. Осипов. – Москва: Десница, 1998. – 170 с.
12. Панарин, А.С. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) / А.С. Панарин // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – Москва, 2000. – С. 80–94.
13. Панарин, А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – Москва: МГУ, 1999. – 288 с.
14. Погодин, М.П. Историко-критические отрывки / М.П. Погодин. – Москва: Тип. Августа Семена, 1846. – Кн. 1. – 464 с.
15. Холмогоров, Е.С. Русский националист / Е.С. Холмогоров. – Москва: Европа, 2006. – 432 с.
16. Шестаков, С.А. Политический консерватизм в постсоветской России / С.А. Шестаков. – Москва: Прометей, 2003. – 168 с.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

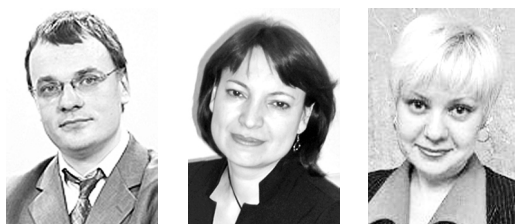
I.N. Tyapin

ETHICAL FOUNDATION OF THE GEOPOLITICAL IDEAL OF RUSSIAN TRADITIONALISM: HERITAGE AND MODERNITY

The article examines the problem of the geopolitical ideal of Russian traditionalism (previously known as conservatism) as a special trend of Russian philosophical thought, serving an important aspect of philosophy of the Russian idea. It is proved that the fundamental principle of this ideal is protection of its geopolitical space from the pressure of the Atlanticist civilization so as to create the conditions for implementation of the just social order, national revival and moral transformation of mankind. The historical evolution of Russian traditionalism is traced in the period from the 19th to the beginning of the 21st century, as well as its conceptual continuity and dynamics of its ideas. It is concluded that, due to the development of socio-philosophical and historiosophical doctrines of Russian traditionalism, the representatives of the main range of its modern trends came to a solid realization of the necessity of implementing a new type of the Imperial model in Russia to confront effectively with the pressure of subjects of globalism, against the background of the just socio-political system and national and cultural self-sufficiency.

Geopolitics, the Russian idea, protective conservatism, eurasianism, neoeurasianism, monarchic traditionalism, social traditionalism, anti-globalism.

УДК 37.015.6

О.Е. Баксанский
Институт философии РАН
М.Г. Голубчикова
Иркутский государственный университет
Е.В. Филиппова
Сибирское агентство развития квалификаций

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ФГОС НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Образование в XXI веке стало одной из ключевых сфер человеческой деятельности; достижения в этой сфере легли в основу социальных и научно-технологических преобразований, характерных для настоящего момента. С другой стороны, расширение сферы образования и изменение ее статуса сопровождаются обострением проблем в этой сфере, которые свидетельствуют о кризисе образования.

В современной системе высшего образования формируются новые организационные структуры: подразделения дистанционного образования в традиционных университетах; университеты дистанционного образования; консорциумы университетов; телеуниверситеты; виртуальные классы и виртуальные университеты.

Технологии образования, менеджмент, управление знаниями, модернизация образования, компетентностный подход.

Состояние сферы образования в современном мире достаточно противоречиво. С одной стороны, образование в XXI в. стало одной из ключевых сфер человеческой деятельности; достижения в этой сфере легли в основу социальных и научно-технологических преобразований, характерных для настоящего момента. С другой стороны, расширение сферы образования и изменение ее статуса сопровождаются обострением проблем в этой сфере, которые свидетельствуют о кризисе образования. И наконец, в последние десятилетия в процессе поисков путей преодоления кризиса образования происходит формирование радикально новой образовательной системы [8].

В этой связи необходимо дать научное обоснование социально-экономическим механизмам управления современным образованием. Конкретизация этой цели формулирует ряд задач, главными из которых являются следующие:

- определить место и роль образования в структуре общественной жизни в современном мире и раскрыть особенности управления новой образовательной системой;
- выявить основные экономические методы анализа инвестиций в образование для решения как стратегических, так и оперативных проблем управления инвестициями в новую образовательную систему;
- определить основные пути повышения эффективности образования;
- выявить перспективы развития рынка образовательных услуг;
- спроектировать новые типы организационных структур, возникающие в современной образовательной системе [5].

Теоретическую базу для решения этих задач составляют концепции постиндустриального, информационного общества, теория человеческого капитала, методы инвестиционного анализа, концепции менеджмента в сфере образования и маркетинга образовательных услуг [6].

Введение нового поколения ФГОС СПО, основанных на модульно-компетентностном подходе, требует взаимосвязанных качественных изменений во всех компонентах образовательной системы профессиональной образовательной организации – возникает необходимость системной модернизации [1]. В этих условиях изменяется функциональная роль директора профессиональной образовательной организации (далее по тексту – ПОО).

В конце 2010 г. специалистами Федерального института развития образования был проведен мониторинг готовности ПОО к введению ФГОС третьего поколения. Результаты мониторинга показали, что представители ПОО указывают на две основные трудности, препятствующие их эффективной деятельности: во-первых, специфика контингента обучающихся (низкая учебная мотивация, слабый уровень школьной подготовки, проблемы с набором и др.); во-вторых, проблемы с ресурсным обеспечением (недостаточная материально-техническая база, низкая оплата труда персонала и пр.) [2]. Таким образом, по мнению респондентов, главные трудности, препятствующие модернизации, являются внешними и (подразумевается) мало зависят от их собственных усилий. Аналогичные данные получены в других исследованиях. Так, в работе О.А. Бреус определены особенности отношения преподавателей ПОО к введению

ФГОС нового поколения, многие из которых прямо или косвенно связаны с отсутствием внутренней мотивации преподавателей к переходу на новые ФГОС [3, с. 111–112].

Как видим, одним из основных препятствий на пути введения новых ФГОС и связанной с этим комплексной модернизации образовательного процесса в ПОО являются мотивационно-смысловые барьеры. Очевидно, что деятельность региональных органов управления образованием по созданию условий, необходимых для введения новых ФГОС, а также руководителей ПОО по переходу на новые ФГОС должна быть направлена прежде всего на преодоление именно этих барьеров.

Разрешение обозначенной проблемы требует актуализации *мотивационно-целевой функции* профессиональной деятельности руководителя ПОО, связанной со снятием мотивационных барьеров педагогических коллективов, препятствующих введению новых ФГОС. Адекватной данной задаче является концепция «организационной культуры».

Понятие организационной культуры «включает в себя набор представлений о способах деятельности, нормах поведения, набор привычек, писаных и неписаных правил, запретов, ценностей, ожиданий, представлений о будущем и настоящем и др., сознательно или бессознательно разделяемых большинством членов организации» [4, с. 63], в том числе о предписанном поведении в условиях введения инноваций. Успешность введения модернизационных изменений в ПОО и характер этого введения (творческий или исполнительский; реальный или имитационный; систематический или эпизодический) определяется прежде всего характером господствующей в данной ПОО организационной культуры.

С учетом обозначенных позиций, деятельность директора ПОО образования в период введения ФГОС нового поколения должна выступать как целостная система взаимосвязанных между собой компонентов и направлений управленческой деятельности, адекватная специфике организационной культуры коллектива, включая его инновационный потенциал.

Одной из важнейших подсистем образовательной системы наряду с технологической, экономической и теоретико-методологической является организацион-

ная, связанная с регулятивной, коммуникативной деятельностью по налаживанию и поддержанию необходимых связей между различными элементами системы образования.

Эффективность современного образования, базирующегося на новых информационных технологиях, существенно зависит от его организации.

Организация современного образования во многих учебных заведениях стран, наиболее успешно продвигающихся по пути информатизации образования, стала существенно изменяться. Анализ этих процессов позволяет выделить два этапа применения новых технологий в образовательном процессе – начальный и продуктивный. Коротко различия этих двух этапов можно представить следующим образом (см. таблицу).

Эти два этапа различаются по многим параметрам. Если на первом этапе инициатива в деле применения современных компьютерных и телекоммуникационных технологий обычно исходила от отдельного преподавателя, то на втором этапе она исходит от руководителя учебного заведения. При переходе с первого на второй этап специалисты отмечают, что «компьютерное обучение теперь может лучше стимулироваться и координироваться при проведении политики управления компьютерным обучением сверху вниз, т.е. при инициативе на уровне факультета (факультетских комитетов), чем при подходе к выбору средств поддержки образовательного процесса снизу вверх (например, при инициативе отдельных преподавателей, чувствующих неотложность использования компьютерного обучения)» [9, с. 110].

Как показывает наша практика, реализация мотивационно-целевой функции управления в условиях введения ФГОС нового поколения оказывается результативной при соблюдении следующего набора условий.

1. Достаточная выраженность *лидерских качеств* руководителя ПОО. На практике далеко не все руководители ПОО обладают лидерскими качествами. Причина этого в том, что характеристики лидера, инноватора, предпринимателя обычно не закладываются в ту эмпирическую модель руководителя, которой пользуются региональные органы управления образованием, отбирая и назначая директоров ПОО.

Таблица

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТАПОВ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ

	I этап (начальный)	II этап (продуктивный)
Инициатор применения новых технологий	Отдельный преподаватель	Руководитель учебного заведения или подразделения
Основная направленность инициатив	Снизу вверх	Сверху вниз
Выбор новой технологии	С позиции отдельного преподавателя	На основе дидактического и экономического анализа
Область применения новых технологий	Фрагмент учебного курса	Учебный курс в целом, интегрирование новых технологий в учебный план
Разработка и предоставление учебного материала на базе новых технологий	Отдельный преподаватель	Группа, команда различных специалистов
Эффективность применения новых технологий	Низкая	Продуктивная

2. Наличие в системе управления ПОО разработанной и принятой коллективом *системы стимулирования профессионального развития педагогических кадров*. В уже имеющуюся систему значительно проще встроить новые механизмы, стимулирующие участие педагогов в модернизационных процессах (и тем самым снимающие их мотивационные барьеры), чем создавать подобную систему «с нуля».

3. *Создание развивающей среды* в ПОО в целом и конкретно на рабочем месте каждого педагога или мастера производственного обучения. Прежде всего, задача формирования развивающей среды на рабочем месте педагога требует не только разработки самих понятий и средств, необходимых для осмысления личностных качеств, но и создания методов для их разработки. Это зависит как от наличия и качества функционирования методических подразделений в ПОО, так и от того, создана ли в образовательной организации атмосфера общего участия в инновационной деятельности и разделения ответственности между преподавателями.

4. *Совершенствование системы управления* ПОО, отвечающее задачам модернизации и развития, включая создание новых подразделений, служб, управленческих должностей. Речь идет не только о тех типовых структурах, которые создаются в ходе модернизации во всех или в большинстве ПОО (такие как центры трудоустройства выпускников), но и о тех собственно управленческих структурах и механизмах, органичных и уникальных для каждого *эффективного* учреждения.

Наряду с реализацией мотивационно-ценностной функции управления, для успешного введения модернизационных изменений в образовательный процесс ПОО не менее важной является операционная сторона, связанная с практическим освоением новых технологий. Таким образом, актуализируется *организационно-методическая функция* профессиональной деятельности руководителя ПОО в процессе модернизации профессионального образования.

Анализ практики введения ФГОС нового поколения показал, что инженерно-педагогический персонал ПОО испытывает значительные трудности, обусловленные слабым владением, во-первых, технологиями инновационной деятельности и, во-вторых, образовательными технологиями, применение которых предполагает новый ФГОС.

Вместе с тем, как отмечают педагоги, даже когда они на курсах повышения квалификации получают информацию о каких-то новых технологиях образования, эта информация дает лишь самые общие представления об этих технологиях. Она недостаточна для овладения ими. В связи с чем, как справедливо предостерегает Е.В. Блохина, «если процесс ведения ФГОС будет плохо ... обеспечен методически, возникнет соблазн (учитывая давление «сверху») свести дело введения новых стандартов к имитации» [3, с. 90].

Конкретные аспекты данной проблемы проявляются в следующих характеристиках отношения преподавателей ПОО к введению ФГОС-3, выделенных О.А. Бреус: «не организуется коллективная работа по разработке модуля и созданию фонда практических

заданий»; «“по старинке” в первую очередь составляется учебный план и график работы образовательного учреждения»; «“на авось” раскидывают часы, и потом преподаватели вынуждены подстраиваться под расписание, разрабатывая модули и программы дисциплин»; УПО «не в состоянии определиться, как проектировать учебную и производственную практику (берут часы из модулей)»; «неясно и нечетко формулируются цели и задачи программ обучения, соответствующие потребностям работодателей»; «разработали программу модуля, а проводят типовые, традиционные занятия» и т.д. [3, с. 111–112].

Таким образом, в рамках реализации организационно-методической функции руководителю ПОО необходимо организовать систему методической поддержки введения ФГОС нового поколения с привлечением ресурсов региональных организаций ДПО и других необходимых ресурсов, которыми обладают ПОО-лидеры и работодатели-партнеры. При этом реализуется технология сетевого («горизонтального») сотрудничества образовательных организаций региона по внедрению ФГОС, координатором которой должна выступать региональная организация ДПО.

Разработанный нами алгоритм «горизонтального» сотрудничества профессиональных образовательных организаций региона по внедрению ФГОС включает следующие этапы: 1) выявление руководителем ПОО (совместно с педагогическим коллективом) сильных сторон образовательной системы своей организации, на базе которых предполагается разработка одного из инновационных направлений работы в рамках модернизации профессионального образования; 2) создание на базе данной организации механизмов трансляции в форме «ресурсной площадки» (региональной экспериментальной или инновационной площадки, стажировочной площадки, методического консультационного центра или др.) по данному направлению модернизации; 3) сбор региональной организацией ДПО – координатором процесса – информации о «прорывных» направлениях работы отдельных ПОО региона и формирование базы данных; 4) определение руководителем ПОО (совместно с педагогическим коллективом) основных дефицитов по направлениям модернизации профессионального образования с направлением соответствующего запроса в координирующую организацию ДПО; 5) закрепление «дефицитных» ПОО по заявленным ими направлениям за «ресурсными площадками» по соответствующим направлениям. При этом одна и та же ПОО может выступать по одному направлению модернизации «ресурсной площадкой», а по другому – испытывать дефицит и быть прикреплена к другой образовательной организации, выполняющей по отношению к нему роль «ресурсной площадки».

Успешность реализации обозначенного алгоритма зависит от того, насколько эффективно в профессиональной деятельности директоров ПОО будет реализована организационно-методическая функция.

Таким образом, нами выявлены и охарактеризованы две основные профессиональные функции руководителя профессиональной образовательной организации, актуализирующиеся в условиях введения новых ФГОС СПО – мотивационно-целевая и организа-

ционно-методическая. Важным условием успешной реализации модернизационных изменений в системе профессионального образования является сбалансированность в реализации обозначенных функций. Это, в свою очередь, требует от региональной организации ДПО целенаправленной деятельности по формированию как мотивационно-целевой, так и организационно-методической готовности директоров к модернизации профессионального образования. Рассмотрение путей и средств формирования такой готовности выходит за рамки настоящей статьи.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать ряд положений [7].

Развитие новых образовательных технологий, новых экономических механизмов и организационных структур в сфере образования является той основой, на которой возможно преодоление кризиса образования и создание новой образовательной системы.

– Процесс формирования новой образовательной системы принципиально зависит от характера управления образованием. Особенности управления новой образовательной системой выражаются в необходимости: решения проблем образования не только на уровне образовательной системы, но и на уровне общегосударственной политики, а также на международном, глобальном уровнях; реализации принципа системности в управлении образованием на всех уровнях; пересмотра роли и функций государства в финансировании и организации образования.

– Применение новых информационных технологий только в том случае ведет к повышению эффективности образования, когда развитие технологической подсистемы образования сопровождается изменениями во всех других подсистемах: педагогической, организационной, экономической.

– Выбор информационных технологий для эффективного применения в образовании является не технологической, а управленческой проблемой современного образования, поскольку ее решение предполагает регулирование связей между всеми подсистемами и элементами образовательной системы.

– Характерными чертами управления процессом преподавания в современной образовательной системе являются: разделение преподавательского труда; объединение преподавателей в группы, команды, осуществляющие разработку и предоставление современных учебных курсов.

– Пути совершенствования организации современного образования являются: проведение целе-

направленной политики по организации образования, основанного на новых информационных технологиях, в рамках традиционных учебных заведений; развитие новых типов организационных структур.

– Происходит значительный рост числа потребителей образовательных услуг; увеличение предложения количества и качества образовательных услуг в ходе развития новых форм обучения; развитие конкуренции между различными учебными заведениями.

– В сфере современного образования формируются новые экономические механизмы государственного финансирования образования, финансирования образования предприятиями, механизмы налогового стимулирования инвестиций в сферу образования.

– В современной системе высшего образования формируются новые организационные структуры: подразделения дистанционного образования в традиционных университетах; университеты дистанционного образования; консорциумы университетов; теле-университеты; виртуальные классы и виртуальные университеты.

Литература

1. Блинов, В.И. Стандарт результата (о новых Федеральных государственных стандартах профессионального образования) / В.И. Блинов // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 5–14.
2. Блинов, В.И. Эмоции и расчет: результаты мониторинга готовности учреждений НПО/СПО к введению стандартов нового поколения / В.И. Блинов // Образование. Карьера. Общество. – 2011. – № 2 (31). – С. 3–9.
3. Инновационные процессы в образовании: стратегии, риски, перспективы: сб. матер. Всеросс. научно-практ. конф., г. Новосибирск, 22–23 марта 2011 г.: в 3 т. – Новосибирск, 2011. – Т. 1.
4. Ушаков, К.М. Ресурсы управления школьной организацией / К.М. Ушаков; отв. ред. М.А. Ушакова. – Москва, 2000.
5. Баксанский, О.Е. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Москва, 2010.
6. Баксанский, О.Е. Когнитивные репрезентации: быденные, социальные, научные / О.Е. Баксанский. – Москва, 2009.
7. Огурцов, А.П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – Санкт-Петербург, 2004.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000.
9. Leiblum, M.D. Implementing CAL at a University / M.D. Leiblum // Computers Educ. – 2012. – Vol. 18. – № 1–3. – Pp. 109–118.

Рецензенты: Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

O.E. Baksansky, M.G. Golubchikova, E.V. Filippova

EDUCATIONAL ORGANIZATION MANAGEMENT IMPROVEMENT IN THE CONDITIONS OF INTRODUCING THE NEXT GENERATION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS

In the 21st century, education has become one of the key spheres of human activity; achievements in this sphere have formed the basis of social and scientific and technological transformations of the present day. On the other hand,

the expansion of education and changes in its status are followed by aggravation of problems in this sphere which testifies to education crisis.

In the modern system of higher education, new organizational structures are formed as follows: distance learning departments of traditional universities; universities of distance learning; consortia of universities; tele-universities; virtual classes and virtual universities.

Technologies of education, management, management of knowledge, modernization of education, competence-based approach.

УДК 37.02

О.А. Золотова

Вологодский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В КУРСЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ФГОС

В статье рассматривается место регионального компонента образования и, в частности, региональной географии в образовательных программах основного общего образования в условиях перехода на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). Основное внимание уделено принципам отбора содержания регионального курса географии, прежде всего теоретических и эмпирических знаний. На примере курса «География Вологодской области» показано содержание теоретических и эмпирических знаний и их роль в формировании логически завершенной системы географических знаний в школе. Предложенные в статье принципы отбора содержания для регионального курса могут быть транслированы для курса географии любого субъекта Российской Федерации.

Стандарт образования, региональная география, содержание образования, «География Вологодской области».

В современных условиях реформирования образования и перехода на федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) меняется место и значимость регионального компонента образования. Несмотря на то, что выделяемый ранее в содержании Государственных образовательных стандартов (ГОС) региональный компонент [1] в новой версии Стандарта (ФГОС) не выделяется как таковой, региональный уровень изучения из содержания школьного образования не исключается (как может показаться). Отсутствие прямых акцентов в Стандарте отсылает участников образовательного процесса к их правам в разработке образовательных программ и определении места каждого предмета в этих программах [6].

Содержание любого школьного предмета (в том числе географии и географии своей области) регламентируется двумя документами – Приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 года № 1897 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [11] и Законом «Об образовании в Российской Федерации» [3]. Внимательный анализ этих документов выводит нас на необходимость и возможность изучения регионального компонента географии и в новых условиях, хотя возможно, уже не в рамках привычного для нас курса

«География Вологодской области», а как раздела курса «География России» или в рамках дисциплин по выбору, определяемых каждой школой.

Статья 8 Закона об образовании закрепила полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования. Одно из ведущих полномочий – «разработка и реализация региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации» [3].

В Общих положениях ФГОС указывается, что «Стандарт разработан с учетом региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов Российской Федерации». Заложенный в Стандарте «портрет выпускника основной школы» характеризует выпускника как «любящего свой край и свое Отечество, знающего русский и родной язык, уважающего свой народ, его культуру и духовные традиции» [11]. Формирование таких качеств личности невозможно без глубокого и всестороннего изучения и своей страны и своего края (и не только с позиции географии, но и всех составляющих регионального компонента: истории, культуры, экономики и т.д.).

Требования к результатам образования в тексте ФГОС разделены на личностные, предметные и мета-

предметные. Знание своего региона заняло во всех результатах обучения свое место, особенно – в требованиях к личностным и предметным результатам.

Среди *личностных результатов* освоения основной образовательной программы основного общего образования (далее ООПООО) отмечены: «Воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России; *осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края* (курсив наш. – О. З.), основ культурного наследия народов России ...» и «...освоение социальных норм, правил поведения, ролей и форм социальной жизни в группах и сообществах, ... участие в школьном самоуправлении и общественной жизни в пределах возрастных компетенций *с учетом региональных, этнокультурных, социальных и экономических особенностей* (курсив наш. – О. З.) [11].

Предметные результаты освоения ООПООО нацеливают при обучении географии на «... формирование умений и навыков использования разнообразных географических знаний в повседневной жизни для объяснения и оценки явлений и процессов, самостоятельное оценивание уровня безопасности окружающей среды, *адаптацию к условиям территории проживания* (курсив наш. – О. З.)» [11].

Одним из главных предметных результатов названо «формирование первичных компетенций использования территориального подхода как основы географического мышления» [11]. В географии давно закрепились территориальные уровни изучения – глобальный, региональный, локальный. Сформулированное при разработке Стандартов фундаментальное ядро содержания образования [12] среди целей изучения географии называет «познание на конкретных примерах многообразия географического пространства на разных его уровнях (от локального до глобального), что позволяет сформировать географическую картину мира». Для формирования регионального и локального уровня знаний необходимо изучение своего региона (области, района). Для целей нашей оценки мы используем понятие регионально-субъектного уровня, характеризующее в качестве региона исследования субъект Российской Федерации. Это сделано потому, что понятие «регион» в географии применимо к очень разным объектам.

В Стандарте заложены требования к образовательной программе, которая должна строиться с учетом «... историко-культурной и этнической специфики региона...». Подчеркивается Стандартом значение изучения своего региона и в разделе требований к условиям реализации ООПООО с точки зрения «обновления содержания основной образовательной программы основного общего образования, методик и технологий ее реализации ... *с учетом особенностей развития субъекта Российской Федерации*» (курсив наш. – О. З.) [11].

Таким образом, необходимость изучения регионального компонента для реализации требований ФГОС очевидна. Возможность определяется тем, что часть учебного времени (до 30%) остается в ведении субъектов Российской Федерации и коллективов школ

и называется «частью, формируемой участниками образовательного процесса». В рамках этого времени могут изучаться и темы (разделы или курсы), отражающие региональные особенности природы, населения и хозяйства субъектов Российской Федерации.

В условиях внедрения ФГОС актуализировались задачи отбора содержания отдельных предметов с таких позиций, чтобы они максимально обеспечивали достижение и предметных, и личностных, и метапредметных результатов. В части регламентации содержания региональной географии отбор всех компонентов содержания должен опираться, во-первых, на *оптимально необходимый объем содержания образования*, подлежащий обязательному усвоению, и, во-вторых, на *географическую логику, построенную на иерархии географических знаний* для повышения уровня образования путем дальнейшего расширения и углубления содержания федерального компонента. Это означает, что изучаемые единицы содержания (понятия, законы, закономерности, факты, представления и т.п.) от ступени к ступени должны получать дальнейшее развитие и обогащение, чтобы осуществлялся принцип преемственности, и происходило оформление знаний в определенной научной иерархии и терминологии с учетом всех территориальных уровней, и той роли, которую в формировании системы географических знаний должна играть география своего региона.

В связи с тем, что знания представляют не только самостоятельную ценность, но влияют через способы их получения и усвоения и на другие компоненты содержания образования, отвечающие за развитие личностных качеств обучающихся, отбор их должен быть достаточно жестким, аргументированным и, в какой-то степени, технологичным.

Подробный анализ содержания региональной географии с позиций стандартизации образования представлен в авторской монографии «Региональная география в контексте ФГОС», которая выйдет в свет 2016 году. В рамках настоящей статьи мы обратимся только к идее значимости региональной географии как завершающего звена в формировании системы географических знаний и иллюстрируем ее примерами из курса «Географии Вологодской области».

С позиций отбора теоретического содержания для регионального курса нам представляется важным иерархический подход к содержанию образования и особенно положение о ранжировании географических понятий, предложенные В.П. Максаковским в «Географической культуре» [8]. Выявление понятий разных рангов при отборе содержания является определяющим, так как, во-первых, знания, формируемые в разных темах регионального курса должны относиться примерно к одному рангу понятий и, во-вторых, в случае углубления знаний, представлять ранг, следующий за рангом понятий, сформированных в изучаемых ранее курсах географии. Об углублении знаний (в сравнении с базовыми курсами) речь идет в том случае, когда на региональном уровне вводятся понятия следующего ранга, о конкретизации – когда теоретические знания базового курса подтверждаются и иллюстрируются примерами, цифрами и фактами без введения новых теоретических знаний.

Оценка региональной географии как завершающего звена в географическом образовании, по нашему мнению, тесно перекликается с концепцией содержательного обобщения В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина. География региона для итогового обобщения подходит идеально, так как именно в рамках ее изучения обычно формируется завершающий территориальный уровень знаний. Без такого обобщения многие системы географических знаний имеют иерархически незавершенный вид. Но для оценки роли региональной географии в логическом завершении каждой крупной темы необходимо сначала определить подходы к отбору единиц содержания знаний (понятий, законов, фактов и т.д.), формируемых в курсе региональной географии.

Теоретические знания усваиваются обучающимися на уровне понятий и причинно-следственных связей, которыми описываются законы, закономерности, теории, концепции, учения и гипотезы. На уровне географии региона знания о законах, закономерностях, теориях и т.п. могут только закрепляться и конкретизироваться. Поэтому к освоению понятий должен быть особый подход. В.П. Максакровский выделил группы ведущих понятий по основным ветвям науки и оценил их формирование в школьной географии [8]. Он обращал внимание на то, что новых понятий первого ранга в каждом географическом курсе в среднем вводится 12–13. Вероятно, количественный порядок введения понятий и других рангов соотносится с первым, пропорционален ему. Проверив этот тезис, в качестве примера регионального курса географии мы проанализировали содержание курса «География Вологодской области» [2] и выявили список понятий, соответствующих, по нашим представлениям, регионально-субъектному уровню:

- в теме «Геологическая история» – днепровский ледник, московский ледник, валдайский ледник;
- в теме «Рельеф» – ледниковый рельеф (зандры, камы, озы), карстовый рельеф;
- в теме «Общая характеристика климата» – местный климат, микроклимат;
- в теме «Климат и климатические ресурсы» – агроклиматический район;
- в теме «Природные комплексы» – ландшафтные (физико-географические) области, ландшафтные (физико-географические) районы;
- в теме «Природные ресурсы» – природно-эталонные ресурсы;
- в теме «Общая характеристика хозяйства» – индустриальный парк;
- в теме «Химико-металлургический комплекс» – холдинг;
- в теме «Экономические связи» – внешнеторговый оборот;
- в теме «Проблемы и перспективы развития» – моноструктурная экономика.

Как видим, общее количество новых понятий – 15. Но, строго говоря, понятия индустриальный парк, холдинг, внешнеторговый оборот и моноструктурная экономика – не относятся к тому рангу понятий, которому в основном соответствуют остальные и даже чисто географическими они не являются. Это поня-

тия, пришедшие в экономическую географию из экономики. Авторы учебного пособия «География Вологодской области» посчитали их введение возможным потому, что они важны для формирования правильного образа региона, но их введение в предшествующих курсах географии или экономики не гарантировано в связи с многообразием рекомендуемых программ и авторских линий учебников.

Регламентация введения единичных понятий сложнее, чем общих. Тем более что многие из них применяются лишь в качестве примеров и не требуют даже запоминания и тем более знания определений. Единичные понятия в географии во многом перекликаются с номенклатурой, выходя из категории теоретических знаний в категорию эмпирических. Мы считаем правильным регламентировать большинство из них именно в этом качестве.

Из эмпирических знаний в содержании курса обычно характеризуются представления, факты и номенклатура. Представлениям в вопросах отбора содержания нередко уделяется меньше внимания не в связи с их малой значимостью (это конечно не так), а потому, что они формируются обычно параллельно с понятиями, поэтому не всегда представляется целесообразным прописывать их отдельно. Применительно к курсу региональной географии нам это видится не совсем верным подходом. Если учесть, что новых теоретических знаний на уровне понятий, законов, закономерностей и т.п. формируется немного, то формирование новых знаний на уровне представлений или конкретизация уже имеющихся, в том числе и представлениями, становится очень важным процессом. Тем более что многие представления, складываясь воедино и соединяясь с теоретическими знаниями, и формируют образ региона.

Для доказательства этого положения рассмотрим введение новых знаний именно в формате представлений по некоторым типовым темам курса «География Вологодской области». В теме «Геологическая история» введены представления о периодических оледенениях в четвертичное время, границах распространения оледенений на территории области, а также о древних рептилиях, обитавших на территории области в пермский период. В теме «Геологическое строение и полезные ископаемые» на уровне представлений введены сведения о блоковом строении фундамента платформы и особенностях строения осадочного чехла в связи с историей формирования. В теме «Рельеф» – представления о влиянии оледенений на формирование рельефа. В теме «Общая характеристика внутренних вод» вводятся знания о глобальных бассейнах и водоразделах, Вологодском поозерье, карстовых озерах и исчезающих реках, водах и водных путях. В теме «Почвы» – представления об основных почвообразующих породах на территории области, глеевом процессе почвообразования. В теме «Природные комплексы» происходит знакомство с зональными и незональными ландшафтами и формированием культурных ландшафтов.

На основе анализа этих и других, не представленных здесь примеров, видим, что знаний на уровне представлений формируется существенно больше, чем на уровне понятий. Это вполне оправдано, так как

усвоение представлений происходит легче, чем усвоение понятий. Большинство понятий раскрываются через представления. И если применить к представлениям способ ранжирования, то практически все они соответствуют регионально-субъектному уровню.

Достаточно жесткой регламентации при отборе, на наш взгляд, требуют факты и номенклатура. Фактов при изучении географии своей области вводится достаточно много, так как они нужны для полноты характеристик, для анализа и установления связей, для доказательства известных теоретических положений. Даже большое количество используемых в обучении фактов опасности не представляет. Главное – правильно организовать с ними учебную работу и давать для запоминания только ограниченный и строго выверенный минимум. Фактами, обязательными для усвоения в рамках курса географии региона, по нашему мнению, могут быть: дата образования субъекта Федерации (год), площадь (округленно), численность населения (округленно), географическая широта центральной точки или административного центра для небольших субъектов (например, Вологодская область пересекается посередине 60° с.ш.) или широты северной и южной точек для больших по площади субъектов, максимальная высота над уровнем моря и название соответствующей формы рельефа, средняя температура января и июля для областного центра, самая длинная река (название), самое большое озеро (название), отрасли специализации региона (список), количество муниципальных образований. Общий список содержит 12 фактов, их усвоение большого труда для обучающихся не составит. По нашему мнению при их отборе очень уместен именно количественный подход.

Регламентация номенклатуры имеет большое значение, так как ее необоснованное количество может сильно увеличивать нагрузку на школьников, и, напротив, оптимальный список поможет максимально отразить образ региона и подчеркнуть специфические черты его природы и хозяйства, при этом не перегружая [5].

Нами предпринята попытка определить некие общие подходы отбора номенклатуры в курсе географии региона. Мы предлагаем учесть несколько аргументов или подходов для отбора обязательных для запоминания (номенклатурных) физико-географических объектов.

Во-первых, количественный подход для того, чтобы список не был перегружен. Определить обязательный минимум можно из отношения к площади изучаемой территории. Нами принята норма – один объект каждой категории (реки, озера, формы рельефа) на территорию 100 на 100 км. С учетом площади Вологодской области, которая равна 145,7 тыс. км² определяем возможность включения в списки по 15 объектов каждой категории. Так как целый ряд объектов лежит в пределах не только Вологодской области, но и соседних областей (например, озеро Онежское, Северные Увалы, река Северная Двина), введены коррективы с учетом периметра области, равного 3006 км из расчета один объект на 500 км протяженности границы. В результате получен регламент списка – примерно 20 объектов каждой категории. Применительно к Вологодской области получился список из 60 объ-

ектов. На первый взгляд, это очень много. Но практика показывает, что не менее половины объектов ученикам уже знакомо к моменту изучения курса. Поэтому в результате список не выглядит избыточным.

Во-вторых, информационный подход применяется для определения информационной нагрузки каждого из номенклатурных объектов. Это необходимо сделать, так как количественный подход часто дает избыточный список, который необходимо сокращать. На первом этапе отбора нами использованы размерные показатели: площадь и высота – для форм рельефа, только площадь – для озер, длина – для рек. На последующих этапах для уменьшения списков и максимального отражения специфики Вологодской области использованы и другие значимые показатели.

Такой подход позволил включить в список все крупные возвышенности, низменности и гряды, а так же две максимальные для области отметки высот – Мальгора (Матигора) и Исакова гора (304 и 293 м).

Отбор гидрографических объектов для территории Вологодской области нужно провести из более чем 20 тысяч рек и 5 тысяч озер. 35 рек имеют длину более 100 км (показатель, взятый нами за основу отбора). Поэтому потребовались дополнительные признаки для отбора: реки, образующие региональные бассейны, главные реки ландшафтных районов и реки, имеющие транспортное значение. В список номенклатурных объектов вошли реки Андога, Вага, Вожега, Вологда, Вытегра, Кема, Кичменьга, Ковжа, Кокшеньга, Кулой, Лежа, Луза, Малая Северная Двина, Молога, Суда, Сухона, Чагода, Шексна, Юг.

При отборе озер учет площади (10 км²) на первом этапе дал список из 25 объектов. Но в данном случае нельзя исходить только из площади объектов. Говоря о западной части области, часто употребляют словосочетание «Вологодское поозерье», поэтому список должен отражать специфические особенности озер. Многие озера в области имеют и историко-культурное значение – связаны с древними городами, известными монастырями, поэтому должны быть в списке, отражающем образ региона. Основываясь на таких признаках, для обязательного списка номенклатуры мы выбрали самые крупные озера области (Онежское, Воже, Белое и Кубенское), самые крупные карстовые озера (Шимозеро, Куштозеро и озеро Дружинное), крупные озера области Вологодского поозерья (Андозеро и Азатское озеро), озера, имеющие историко-культурное значение (Сиверское с Кирилло-Белозерским и Бородаевское и Ферапонтовым монастырями), и, наконец, самые крупные озера за пределами Вологодского поозерья (Катромское, Никольское, Шиченское и Сондугское).

Список обязательных к запоминанию экономико-географических объектов составить проще. В него, по нашему мнению, должны войти административные центры районов, крупнейшие центры промышленного производства (по отраслям), автодороги федерального значения, железные дороги, трубопроводы и водные пути общероссийского и международного значения.

На наш взгляд, такой количественно-качественный подход к определению списка номенклатуры вполне объективен. Он максимально отражает образ региона и подчеркивает специфические черты его

природы и хозяйства. Подход может быть принят в качестве алгоритма для определения списка номенклатуры при изучении географии любого субъекта Федерации.

Так, с учетом изложенных выше позиций проведен отбор оптимально обоснованного объема теоретических и эмпирических знаний для курса «География Вологодской области».

Современное состояние науки предопределяет выделение в содержании школьной географии крупных разделов, каждый из которых объединяет систему взаимосвязанных знаний: фактов, представлений, понятий, связей, закономерностей. Возрастные особенности учащихся и логика географической науки обуславливают в каждом классе и каждом географическом курсе формирование определенной части этих знаний на определенном уровне усвоения и соответствующего ранга. С учетом изложенных выше принципов отбора теоретических и эмпирических знаний для курса региональной географии можно оценить содержание непосредственно курса «География Вологодской области» с точки зрения логики завершения соответствующих систем знаний. Рассмотрение систем знаний в целом нецелесообразно, так как к региону относится небольшая, хотя и важная часть этих знаний. Формирование систем в целом хорошо изложено в методической литературе [7, 9, 13]. В связи с этим акцентируем внимание только на тех знаниях, что выходят на региональный или локальный уровень и играют на этих уровнях логически завершающую роль, т.е. выявим те знания, которые могут и должны быть сформированы только в курсе региональной географии.

Одна из ключевых систем знаний в физической географии – геолого-геоморфологическая система знаний. В ее составе уделим особое внимание некоторым группам знаний. **Знания о геологической истории** опираются на знания об эпохах горообразования и тектонической карте, формируемых в курсе «География материков и океанов», о геологических эрах и периодах, геологической карте и геохронологической таблице, сформированных в курсе «География России». На региональном уровне эти знания дополняются более глубоким знакомством с природой тех геологических периодов, которые сформировали осадочный чехол на территории конкретно Вологодской области (девон, карбон, пермь, триас, четвертичный).

Знания о геологическом строении опираются на понятия «литосферная плита», «платформа» и ее строение, знания о влиянии внутренних и внешних сил на рельефообразование. На уровне географии своей области эти знания дополняются представлениями о блоковом строении фундамента (в пределах Вологодской области выделяется пять крупных блоков), мощности осадочного чехла (от 200 м на северо-западе до 4500 м в восточной части области) и роли четвертичных оледенений в формировании чехла платформы и форм ледникового рельефа.

Если вычленив в качестве некой подсистемы знания о роли четвертичных оледенений в формировании чехла и форм ледникового рельефа, станет понятно, что в формировании этих знаний роль географии области больше, чем просто логическое завершение системы. Впервые учащиеся знакомятся с оледе-

нениями в 6 классе, где узнают, что такое ледник, как он образуется, о делении ледников на горные и покровные. В 7 классе происходит знакомство с крупнейшей зоной покровных оледенений в Антарктиде. Кроме этого упоминается, что Северная Америка подвергалась оледенению в четвертичное время, и это отразилось на особенностях рельефа её северной части. В курсе «Географии России» учащиеся обычно знакомятся с тем, что территория России так же подвергалась оледенениям в четвертичное время, оледенений было несколько (не все рекомендуемые Федеральным перечнем учебники называют эти эпохи), отложения ледников называются мореной, и в результате оледенений сформировались моренные равнины. В рамках курса «География Вологодской области» вводятся новые знания, раскрывающие, дополняющие и в какой-то степени, углубляющие ранее сформированные знания:

- на уровне понятий регионального ранга в теме «Геологическая история» – днепровский ледник, московский ледник, валдайский ледник, и в теме «Рельеф» – ледниковый рельеф;
- на уровне понятий регионально-локального ранга в теме «Рельеф» – зандры, камы, озы, дюны, морены напора;
- на уровне представлений в теме «Рельеф» – знания о влиянии четвертичной истории на территориальные различия рельефа в пределах области;
- на уровне номенклатуры в теме «Рельеф» – морено-напорные «горы» Сандырева, Ципина и Маура.

Представленный пример позволяет говорить, что основные знания об оледенениях в четвертичное время и их отражении в рельефе формируются именно на уровне регионального курса. Это не случайно для Вологодской области, так как большая часть ее территории имеет рельеф, происхождение которого связано с четвертичными оледенениями.

Знания о климате и климатических ресурсах наряду с геолого-геоморфологическими знаниями составляют основу физико-географических знаний. Эта система формируется, начиная с 6-го класса, когда учащиеся знакомятся с понятиями климата и погоды, с элементами погоды. В 7 классе происходит усвоение закономерностей распределения тепла, температур и осадков, знаний о глобальной циркуляции, факторах климатообразования и климатическом районировании мира и материков (на уровне климатического пояса и климатической области). В 8 классе знания о закономерностях распределения тепла формируются с привлечением понятий солнечной радиации и ее видов, радиационного баланса. Знания о циркуляции выводятся на уровень циклонов, антициклонов, фронтов, знания о распределении тепла и влаги дополняются понятием коэффициента увлажнения. Вводится понятие агроклиматических ресурсов.

Как видим, к моменту изучения географии области сформирована достаточно полная система знаний о климате, поэтому на уровне региональной географии требуется только ее конкретизация, т.е. формирование знаний о климатообразующих факторах и основных элементах погоды на территории Вологодской области. Возможен, хотя и не является обязательным, региональный уровень новых понятий. Поэтому на до-

полнительном уровне в курсе «Географии Вологодской области» введены понятия «местный климат» и «микроклимат», а также представления об агроклиматическом районировании.

Формирование знаний о природных комплексах в курсе «Географии Вологодской области» происходит с введением новых знаний, соответствующих региональному и локальному территориальному уровню, и опирается на значительную базу сформированных ранее знаний. В 6 классе учащиеся знакомятся с компонентами географической оболочки и понятием природного комплекса, а также примерами местных природных комплексов. В 7 классе происходит усвоение знаний о природных комплексах разного ранга от глобальных (на уровне природного пояса) до региональных и субрегиональных. В 8 классе – знания о физико-географическом районировании по зональным и азональным признакам и характеристика природных поясов и зон и крупных природных районов, в пределах одного из которых (Восточно-Европейская или Русская равнина) расположена Вологодская область.

При изучении курса «География Вологодской области» в теме «Природные комплексы» происходит знакомство с зональными и незональными ландшафтами и формированием культурных ландшафтов. Знания о зональных природных комплексах дополняются представлениями о делении природных зон на подзоны (в Вологодской области выделяются средне- и южнотаежные ландшафты). Знания о ландшафтном районировании вводятся на уровне понятий соответствующего ранга – «ландшафтные (физико-географические) области» на региональном уровне, и «ландшафтные (физико-географические) районы» на локальном уровне. Характеристика приводится на уровне ландшафтных областей. Знакомство с ландшафтными районами выносится на локальный уровень (изучение своего муниципального района). Подробная характеристика ландшафтных районов не включается в учебник, но доступна в специальных пособиях и монографиях.

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) являются важным компонентом в системе географических знаний, а функционал этих знаний несколько шире, чем представляется на первый взгляд. Анализ формирования системы знаний о территориальных формах охраны природы в школьных курсах географии [4] показывает, что изучаемые формы охраны соответствуют рангу изучаемой территории. В 7 классе при изучении географии материков и океанов, где главными объектами изучения являются, как правило, целые материки, иногда – природные зоны, а самый «мелкий» объект – страна, из территориальных форм охраны природы рассматриваются национальные парки. В курсе географии России в 8 и 9 классах, где самый крупный объект – страна, а кроме этого изучаются ее части – отдельные горные системы, крупные равнины, моря, озера и регионы в комплексе, из форм охраны природы изучаются национальные парки и заповедники, то есть ООПТ, имеющие федеральный статус.

Иерархическая пирамида форм охраны природы завершается на региональном и локальном уровне. И обусловлено это, прежде всего, тем, что подавляющее большинство территориальных форм охраны природы имеет региональный или муниципальный статус. Региональные ООПТ представлены заказниками разного профиля, памятниками природы, охраняемыми природными комплексами, рекреационными местностями. ООПТ региона могут иметь и статус муниципальных, в этом случае изучается локальный уровень явления. Таким образом, значение регионального курса географии в отношении знаний об охраняемых территориях состоит в построении полной завершённой системы знаний об ООПТ разных рангов, тем более что известные ученикам ранее национальные парки и заповедники, имеющиеся в своей области, тоже встраиваются в эту систему.

В Вологодской области федеральный статус имеют национальный парк «Русский Север» (НП «Русский Север») и Дарвинский государственный (биосферный) природный заповедник. Знания о национальных парках на примере НП «Русский Север» конкретизируются и дополняются представлениями о структуре и функциональном зонировании территории парков. Знакомство с особой категорией заповедников – биосферными – акцентируется на одной из главных функций – изучении последствий масштабных преобразований природы (в данном случае – строительства Рыбинского водохранилища) и слежении за состоянием природы территории (в данном случае – Молого-Шекснинского междуречья).

Знакомство с двумястами ООПТ регионального и муниципального значения осуществляется на основе типологического и выборочного подходов к содержанию – представление о каждой категории охраняемых территорий формируется на примере одного-двух объектов разных профилей, приводятся интересные факты о некоторых, наиболее известных или крупных. На локальном уровне, как правило, происходит знакомство с ООПТ своего района, как регионально, так и муниципального статуса.

Но говоря о региональных ООПТ, нужно иметь в виду и то значение, которое имеют сведения об ООПТ и о входящих в них объектах охраны для формирования образа изучаемой территории и знаний о специфике компонентов природы на конкретной территории. Ведь изучение компонентов природы осуществляется на примере типичных и уникальных объектов, а именно типичность и уникальность являются важнейшими качествами при выборе объектов, подлежащих охране. Природное, а иногда и культурное наследие охраняемых территорий чаще всего и формирует в сознании обучающихся образ изучаемой территории – образ родного края.

Приведем несколько примеров. В теме «Геологическая история, геологическое строение и рельеф» знания об ООПТ не формируются, но знания об объектах, которые охраняются, привлекаются для формирования знаний по теме. Например, знания о геологических отложениях девона формируются через зна-

ния о геологическом памятнике природы «Андомская гора», об отложениях карбона – через знания о геологических памятниках природы «Тагажма» и «Девятинский перекоп». Еще один пример привлечения знаний об охраняемых объектах в теме «Культурные ландшафты». Устюженский культурный ландшафт характеризуется с привлечением сведений о парках Даниловское и Михайловское (памятники природы), Прионежский культурный ландшафт – с привлечением знаний о геологическом памятнике природы «Девятинский перекоп».

В социально-экономической тематике в курсе «Географии Вологодской области» формирование на региональном и локальном уровне новых знаний, а не только их конкретизации, происходит *в системе знаний о населении и расселении населения*. Опорную базу знаний, сформированных в курсе «География России» составляют понятие города, функциональных типов городов, категорий людности городов, знания о плотности населения и основной зоне расселения. В этой теме в курсе географии области формируется много новых знаний на уровне представлений:

- история формирования сети населенных пунктов (в том числе функциональных типов);
- характеристика сети сельских населенных пунктов (людность, густота, плотность населения);
- рисунок сельского расселения (сочетание густоты и людности сельских населенных пунктов);
- характеристика сети городских населенных пунктов (двухцентровость области, города и пгт, их людность).

Несмотря на то, что знания теоретического уровня в этой теме не формируются, введение представлений регионального и регионально-локального уровня играет роль завершающего этапа формирования знаний, а не только их конкретизации.

Таким образом, проведенный анализ содержания курса «География Вологодской области» убедительно показал, что конкретизация знаний на региональном и локальном уровнях происходит практически во всех темах курса, но часть тем включает содержание, требующее формирования новых знаний теоретического плана. Эти знания соответствуют рангу региональных и локальных понятий или представлений, являются завершающим звеном в системах соответствующих знаний и играют существенную роль в формировании целостной географической картины мира. Поэтому, несмотря на отсутствие в тексте ФГОС прямого упоминания регионального, в частности регионально-географического компонента образования, география

своей области (региональная география) должна присутствовать в содержании программ школьного географического образования.

Литература

1. Временный государственный образовательный стандарт. Общее среднее образование. – Москва, 1993. – 141 с.
2. География Вологодской области: учебное пособие для учащихся 8–9 классов общеобразовательной школы / под ред. Е.А. Скупиновой, О.А. Золотовой. – 9-е изд., переработ. и доп. – Вологда: Учебная литература, 2013. – 256 с.
3. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения 29.02.2016).
4. Золотова, О.А. Особо охраняемые природные территории в системе географических знаний в школьном курсе географии / О.А. Золотова // Теоретические и методологические проблемы современного образования: материалы XVI международной науч.-практ. конф. – Москва: Спецкнига, 2014. – С. 126–128.
5. Золотова, О.А. Отбор содержания регионального компонента образования (на примере географической номенклатуры) / О.А. Золотова // География: проблемы науки и образования. LXIII Герценовские чтения: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции (22–24 апреля 2010 г. Санкт-Петербург) / отв. ред. В.П. Соломин, Д.А. Субетто, Н.В. Ловелиус. – Санкт-Петербург: Полиграф-Ресурс, 2010. – С. 554–556.
6. Золотова, О.А. Учебно-методический комплекс по географии региона в контексте ФГОС ООО (опыт Вологодской области) / О.А. Золотова // География и экология в школе XXI века. – № 8. – 2014. – С. 39–45.
7. Коринская, В.А. Формирование понятий при изучении курса географии материков и океанов / В.А. Коринская. – Москва: Педагогика, 1979. – 152 с.
8. Максаковский, В.П. Географическая культура: учебное пособие для студентов вузов / В.П. Максаковский. – Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 416 с.
9. Методика обучения географии в школе: учебное пособие для студентов геогр. спец. высш. учеб. заведений и учителей географии / под ред. Л.М. Панчешниковой. – Москва: Просвещение; Учебная литература, 1997. – 320 с.
10. Методика преподавания региональной географии в школе: учебное пособие для учителей географии и студентов географ. спец. высш. учеб. заведений / под ред. М.А. Никоновой. – Москва: АСТ; Астрель, 2003. – 188 с.
11. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 года № 1897 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения 29.02.2016).
12. Фундаментальное ядро содержания общего образования / под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. – Москва: Просвещение, 2009. – 48 с.
13. Шульгина, О.В. Роль географии в системе знаний и формировании междисциплинарного мышления / О.В. Шульгина // География в школе. – 2012. – № 2. – С. 21–24.

Рецензенты: Е.А. Скупинова, кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии ВоГУ, Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ.

O.A. Zolotova

THEORETICAL AND EMPIRICAL KNOWLEDGE IN THE COURSE OF REGIONAL GEOGRAPHY IN THE CONTEXT OF INTRODUCTION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS

The article discusses the place of the regional component of education and, in particular, Regional Geography in the educational programs of General Education in the transition to the Federal State Educational Standards (FSSES). The paper focuses on the principles of contents selection for the course of Regional Geography, especially its theoretical and empirical knowledge. On the basis of the *Geography of the Vologda Region* course, the contents of theoretical and empirical knowledge are illustrated, as well as their role in the formation of a logically complete system of geographical knowledge in school. The principles of component selection for a regional course may be used for a course on geography of any region of the Russian Federation.

Standard of education, regional geography, content of education, «Geography of the Vologda Region»

УДК 37.02

Г.Ю. Козлова, Т.Л. Шишигина
Вологодский государственный университет

АНАЛИЗ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ТЕКСТОВЫХ УМЕНИЙ ВЫПУСКНИКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (на материале результатов итоговых испытаний)

В статье освещаются проблемы, связанные с уровнем сформированности текстовых умений выпускников образовательных учреждений Вологодской области. За основу анализируемого материала берутся работы участников единого государственного экзамена по русскому языку и литературе (2015 г.). В статье представлен анализ текстов, на базе которых выпускники создавали свои высказывания, рассматриваются причины типичных ошибок, а также предлагаются методические рекомендации для учителей.

На основе проведенного анализа результатов итоговой аттестации по русскому языку и литературе авторы приходят к выводу, что в целом уровень сформированности текстовых умений выпускников следует признать удовлетворительным. В качестве рекомендаций учителям-словесникам предлагается целенаправленно учить школьников устному и письменному монологическому высказыванию на литературные темы; расширять спектр текстов для всестороннего анализа на уроках русского языка и литературы; знакомить с приемами выявления авторской позиции и др.

Текст, текстовые умения, сочинение, критерии оценивания, коммуникативная компетенция, читательская компетенция, типы ошибок.

Формирование текстовых умений школьников является главной задачей современного образования. И это не случайно. Текстовая деятельность всегда связана с различными сферами деятельности человека, она является «средством осуществления этой другой деятельности, вливается в социальную коммуникацию, становится частью общественного опыта и сознания» [3, с. 4]. В курсе изучения всех предметов ученики знакомятся с различными видами текстов и учатся с ними работать. Поэтому и в итоговой аттестации большое место отводится анализу текстов разных стилей, а также созданию выпускниками письменного высказывания на определенную тему как результату их обучения.

Итоговая аттестация по русскому языку и литературе в форме ЕГЭ стала традиционной. Экзамен по русскому языку является обязательным для всех выпускников, литературу ежегодно выбирают более 300 вологодских школьников. Тот и другой экзамен проверяет уровень сформированности навыков анализа текста, умения выстраивать композицию письменного высказывания, отбирать языковые средства, обеспечивающие точность и выразительность речи, соблюдать при письме нормы литературного языка.

На выпускном экзамене как по русскому языку, так и по литературе предлагаются задания достаточного уровня сложности, которые также требуют хорошей подготовки выпускников по основным разделам русской

орфографии и пунктуации, по теории и истории литературы, позволяют выявить лингвистическую и литературоведческую подготовку учащихся, их коммуникативные умения, знание художественных произведений.

Каждый вариант экзаменационной работы по русскому языку состоит из двух частей и включает в себя 25 заданий, различающихся формой и уровнем сложности. Часть I содержит 24 задания с кратким ответом, часть II (задание 25) состоит из одного открытого задания с развернутым ответом (сочинение-рассуждение) и проверяет у выпускников уровень владения следующими умениями: понимать и интерпретировать содержание исходного текста, создавать связное высказывание, выражая в нем собственное мнение по поводу прочитанного; последовательно излагать свои мысли, используя в собственной речи разнообразие грамматических конструкций и лексическое богатство языка; оформлять речь в соответствии с орфографическими, грамматическими и пунктуационными нормами литературного языка и другое.

В основной период сдачи экзамена по русскому языку в 2015 году выпускникам было предложено 6 текстов: два – Б. Екимова, по одному – Д. Гранина, В. Токаревой, В. Пескова, В. Солоухина. Во всех текстах достаточно явно просматривалась проблематика, в пяти – нетрудно было сформулировать авторскую позицию. Во всех текстах поднимались важные вопросы современности.

Текст Д. Гранина отражал философско-психологическую проблематику: самопознание, самореализация, самооценка человека; фрагмент В. Токаревой поднимал нравственные проблемы прощения, сострадания, зависти, материнской любви; В. Пескова – проблему человеческого счастья и ее взаимосвязь с выбором профессии. С данными текстами и с одним из фрагментов Б. Екимова выпускники справились достаточно успешно.

Второй фрагмент Б. Екимова – о выборе жизненного пути и верности мечте – оказался намного сложнее для выпускников. Особые затруднения вызвала формулировка авторской позиции, которая в этом тексте была неоднозначна: с одной стороны, писатель поддерживает героя текста, выбравшего путь финансовой независимости, с другой – ностальгия по увлечениям юности, от которых пришлось отказаться, явно чувствуется в финале. К такой неоднозначности готовы были далеко не все школьники (средний балл по данному критерию – 0,84 из 1,0). Как следствие – балл за аргументацию тоже значительно ниже предыдущих вариантов – 1,44 (из 3,0).

Наибольшие затруднения вызвал у выпускников текст В. Солоухина. Рассуждение об отношении к животным и о силе материнской любви, подобной человеческой, содержал краткое сравнение с военной ситуацией. Слово «война» послужило сигналом для активации клишированных текстов о войне. В. Солоухин и его маленький зверек выхухоль были забыты – примерно в семи из десяти работ зазвучали заученные фразы о трагедии Второй мировой. Далеко не все выпускники смогли выйти на трагедию матерей или проблемы военного детства, на подвиг самопожертвования, большая часть учеников не смогла обозначить проблемы, поднятые автором.

Сочинение оценивалось по 12 критериям от 1 до 3 баллов [2]. Прокомментируем основные трудности, связанные с созданием выпускниками самостоятельного текста по предложенным фрагментам.

Критерий 1 (определение проблемы, поставленной в авторском тексте). Большинство учеников (96,66%) справилось с заданием. Между тем самой распространенной ошибкой остается следующая: выпускники перечисляют все проблемы (а не ведущую), которые ставит автор, и пытаются их прокомментировать, поэтому аргументация часто нелогична и неубедительна.

Основные недочеты, встретившиеся в ходе проверки по критерию 1:

- смешиваются понятия *проблема* и *тема* текста;
- проблема сформулирована слишком общо, предлагается неоправданное расширение проблемы;
- формулируется одна из проблем текста, а позиция автора или комментарий указывается по другой проблеме;
- при формулировке проблемы и позиции автора наблюдается чрезмерное цитирование, часто неуместное.

Критерий 2 предполагал комментирование выявленной проблемы. По-прежнему у большинства выпускников этот вид работы вызывает затруднение – максимальные 2 балла поставлено лишь в 50,38% работ. Комментарии (в большинстве случаев это простой пересказ эпизодов, цитирование), не всегда развернутые, часто формальные, свидетельствуют о неглубоком, поверхностном прочтении текста. Нередко выпускники комментируют проблему без опоры на предложенный для анализа текст, выстраивая общие рассуждения по тому или иному вопросу. Типичные ошибки – общие фразы об актуальности проблемы, поднятой автором, и пересказ текста с имитацией анализа.

Аргументация собственной точки зрения (**критерий 4**) по-прежнему вызывает достаточно много затруднений. Главная ошибка – непонимание того, что такое аргумент, подмена его простой ссылкой на жизненный факт или отсылкой к литературному произведению.

Для того чтобы получить высший балл по критерию 4, выпускники должны были привести аргумент из художественной, публицистической или научной литературы. В хороших работах выпускники обращались к русской и зарубежной классической литературе, ссылались на исторические факты, апеллировали к культуре других народов, к общественному мнению, мнению авторитетных личностей, приводили философские изречения. Доказывая свою точку зрения, выпускники в основном приводили примеры из произведений школьной программы. Однако в 2015 году оказалось немного работ, в которых аргументацию можно считать удачной. Основная ошибка в аргументации – приводимые иллюстрации-доказательства не связаны напрямую с выдвинутым тезисом. Часто школьники формально называют произведение, не пытаясь дать элементы анализа. Эксперты отмечают низкий уровень читательской культуры выпускников, поэтому в интерпретации школьников классические произведения нередко выглядят упрощенно.

Достаточно часто в качестве аргументов приводятся примеры ситуаций из жизни бабушек, подруг и др., что нередко выглядит примитивно и не может являться свидетельством зрелости выпускников. Нередко аргументы-примеры из художественных произведений никак не связаны с проблемой, сформулированной выпускником.

Критерии 5–6 направлены на проверку смысловой цельности и выразительности речи сочинений выпускников. По сравнению с предыдущими годами работы стали более структурированы, в них присутствует меньше ошибок, связанных с абзацным членением текста, нарушением логики, но появилось много клишированных текстов. Недостатками в композиции сочинения являются неудачное начало текста («Я полностью согласен с мнением автора», «В данном тексте автор говорит...»), отсутствие логической связи между частями, отсутствие вывода, непонимание принципов членения текста на абзацы, логические ошибки, неожиданные умозаключения, неудачные аналогии, нарушение причинно-следственных связей.

В 2015 году грамотность учащихся оценивалась по **критериям 7–10** (орфографические, пунктуационные, языковые и речевые нормы). Как показывают результаты сочинения, уровень практической орфографической и пунктуационной грамотности выпускников невысок.

В работах встретились все виды речевых и грамматических ошибок, например:

- ошибочное словообразование и формообразование (*науков, в мире много изьян; судьба повернулась задью; работав в городе...*);

- ошибки в образовании степеней сравнения (*более выразительней, более лучшая жизнь*);

- ошибки в построении предложений с деепричастными оборотами (*Говоря об этой проблеме, мне вспоминается произведение Шолохова «Судьба человека»... Делая мужскую работу, её переехал трактор...*);

- нарушение управления (*победить над всеми пороками; пожарник думает о спасенных им детми; не думая за последствия; приведу в пример произведение...*);

- нарушение связи между подлежащим и сказуемым (*младшее поколение не понимают своих родителей*);

- нарушение порядка слов в предложении;

- смешение прямой и косвенной речи (*Автор говорит, что я против...*);

- неуместная парцелляция (*Он старался получить хорошее образование, закончив школу, поступил в институт. Где встретил свою любовь... У Шолохова есть замечательное произведение «Судьба человека». В котором рассказывает о нелёгкой судьбе Андрея Соколова*).

Среди речевых ошибок наиболее частотны следующие:

- употребление слова в несвойственном ему значении (*она – одухотворение природы*);

- неоправданный повтор слов и употребление однокоренных слов (*Такие случаи случаются часто. Примером из жизни может послужить моя жизнь*);

- плеоназм (*самопожертвование собой; маленькие детёныши; молодые девушки*);

- неразличение паронимов (*ведущий бедняцкий образ жизни*);

- неуместное использование просторечной, жаргонной лексики, слов-паразитов (*Вот он решил напаковать Полушкину...; пугово зыркала во все стороны, всем наплевать друг на друга, таскаясь весь день по магазинам*);

- неуместное употребление фразеологизмов, искажение фразеологизма (*поедание гранита*).

Фактические ошибки (**критерий 12**) связаны в основном с незнанием истории литературы, биографии писателей, имен писателей, литературных персонажей, названий и жанра произведений, искажением исторических фактов и, к сожалению, свидетельствуют о низком уровне читательской компетенции учащихся в целом.

КИМ по литературе состоят из двух частей, различающихся формой и уровнем сложности заданий.

Содержание и структура экзаменационной работы по литературе дает возможность проверить знание учащимися содержательной стороны курса, а также владение следующими видами деятельности:

- осознанное, творческое чтение художественных произведений разных жанров;

- анализ текста, выявляющий авторский замысел и различные средства его воплощения; определение мотивов поступков героев и сущности конфликта;

- письменные интерпретации художественного произведения;

- выявление языковых средств художественной образности и определение их роли в раскрытии идейно-тематического содержания произведений;

- самостоятельный поиск ответа на вопрос, комментирование художественного текста и др.

Часть 1 включает в себя задания по анализу художественного текста (лирического стихотворения и фрагмента текста эпического, драматического или лиро-эпического произведения). Ответы на задания № 8, 15 представляют из себя развернутое рассуждение о тематике и проблематике фрагмента произведения или об особенностях образно-эмоционального звучания поэтического текста. Задания № 9, 16 предполагают включение анализируемого материала в литературный контекст и написание развернутого высказывания о связи проблематики фрагмента эпического, драматического или лиро-эпического произведения, лирического стихотворения с произведениями других отечественных художников слова.

В 2015 году в **задании 8** части 1 были предложены следующие вопросы:

1. Почему Ленский оскорблен поведением Онегина? (По роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)

2. Как проявляется характер Печорина в ходе событий, описанных в приведённом фрагменте? (По роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)

3. О каких чертах характера Кудряша позволяет судить приведённый фрагмент? (По драме А.Н. Островского «Гроза»)

Самый высокий средний балл показан при ответе на вопрос № 3 – 2,08 (из 4 баллов), самый низкий – № 1 (1,79). Данный результат вполне прогнозируем, так как формулировки заданий отличались разной степенью сложности.

Все вопросы были сориентированы на анализ образа персонажа, причем ответ на два из них (1, 2) требовал внимания к мотивации поступков героев в зависимости от их характера и описанных в романах обстоятельств. Вопрос № 1 требовал отличного знания текста романа, глубокого осмысления идейно-тематического уровня произведения, что учли далеко не все отвечающие.

В задании 9 экзаменуемым были предложены следующие вопросы:

1. В каких произведениях русской классики изображены светские приёмы или балы и в чём их можно сопоставить с балом в приведённом фрагменте «Евгения Онегина»?

2. Герои каких произведений русской классики оказываются в экстремальных ситуациях и в чём этих героев можно сопоставить с Печориным?

3. Персонажи каких произведений русской литературы обладают большой властью над окружающими и в чём этих персонажей можно сравнить с Диким?

Наибольшую трудность вызвал вопрос № 1 (средний балл его выполнения составил 2,42). Лучше всего выпускники области справились с ответом на вопрос № 2 (средний балл – 2,70 из 4).

Ответы на вопросы задания 9 предполагают не только поиск материала для сопоставления, но и определение самим экзаменуемым позиций для сопоставления. Последняя часть вопроса всегда вызывала трудности при выполнении заданий такого типа. Но если в предыдущие годы основной просчет в работах заключался в том, что назывались авторы и произведения, но не выдвигались обоснования для сопоставления и не выявлялись позиции сближения, то в 2015 году прослеживалось желание выпускников отразить эти аспекты задания. Правда, аргументация часто носила формальный характер («Если в «Евгении Онегине» бал проходит в доме Лариных, то в «Горе от ума» – в доме Фамусовых»; «Андрей Соколов и Печорин похожи своей мужественностью. Они оба думают о других людях»).

Наиболее частые недочеты: учащиеся стремятся пересказать эпизоды, забывая о главной задаче – аргументированном сопоставлении. Традиционно в ответах на вопросы этого типа заданий содержится большое количество фактических ошибок, связанных с незнанием правильных заглавий произведений, их авторов, имен и социальных статусов персонажей (помещик Дикой, крестьянин Кудряш, Плюшкин из «Горе от ума», Распутин из «Капитанской дочки»).

В задании 15 части 1 экзаменационной работы были предложены вопросы по анализу лирического стихотворения («Закружилась листва золотая...») С.А. Есенина, «Мне голос был...» А.А. Ахматовой, «Пригвождена» М.И. Цветаевой):

1. Какие чувства испытывает лирический герой, созерцая картины осенней природы? (По стихотворению С.А. Есенина «Закружилась листва золотая...»)

2. Какова гражданская позиция героини стихотворения А.А. Ахматовой?

3. Какие чувства определяют эмоциональный строй стихотворения М.И. Цветаевой?

Самый высокий средний балл отмечается при ответе на вопросы № 1 и 3 (2,87 и 2,88 из 4), самый низкий (2,69) – на вопрос № 2.

Определить спектр чувств, которые испытывает лирический герой, по-видимому, оказалось для выпускников более доступно, чем сформулировать гражданскую позицию. Но в большинстве ответов на все вопросы выпускники не обратились к выявлению изобразительных средств стихотворений, их образной структуры, что снижало общий уровень работ. Например, обращая внимание на состояние влюбленности лирического героя стихотворения С. Есенина, на бережное отношение его к природе, выпускники при этом не чувствовали смысл метафоры «прохлада в душе». Во многих сочинениях делается акцент только на чувство восторженности поэта при созерцании картин природы, при этом выпускники допускают много речевых ошибок. В ряде работ отсутствует понимание смысла произведения. Так, в одном из ответов по стихотворению М.И. Цветаевой интерпретация сводилась к тезису: «Одинокая, она задаётся риторическим вопросом, где же её золото».

В 2015 году в задании 16 были предложены следующие вопросы:

1. В каких произведениях русских поэтов создан образ осени и в чём эти произведения схожи со стихотворением С.А. Есенина?

2. В каких произведениях русских поэтов передано их отношение к Отчечеству и в чём эти произведения схожи со стихотворением А.А. Ахматовой?

3. В каких произведениях русских поэтов звучат размышления о жизни и смерти и в чём эти произведения можно сопоставить со стихотворением М.И. Цветаевой?

Самый высокий средний балл отмечен при ответе на вопрос № 2 (2,20 б.), самый низкий (1,39 б.) – на вопрос № 1. Экзаменуемые чаще всего называли стихотворения о войне (что вызывало трудности в предыдущие годы), сопоставляли произведения с исходным текстом на уровне проблематики, образов, пафоса. Основной ошибкой в работах является отсутствие связи события или описания, лежащего в основе лирического стихотворения и состояния лирического героя, анализ изобразительно-выразительных средств.

Часть 2 включала в себя три проблемных вопроса (17.1, 17.2, 17.3), один из которых выбирал экзаменуемый. Выпускнику необходимо было дать развернутое речевое высказывание на литературную тему. Содержание вопросов охватывает важнейшие вехи отечественного историко-литературного процесса: первая тема – по произведениям древнерусской литературы, классики XVIII века и первой половины XIX, вторая тема – по произведениям второй половины XIX века, третья – по произведениям XX века. Это задание является наиболее важной частью экзаменационной работы, так как предполагает создание полноформатного связного высказывания на литературную тему и позволяет достаточно полно выявить уровень учебных достижений выпускника по литературе.

Приведем примеры комбинации тем 2015 года, сформулированных в виде вопросов:

Пример 1.

1) Какие гражданские и нравственные ценности утверждает Стародум? (По пьесе Д.И. Фонвизина «Недоросль»).

2) Почему Н.А. Некрасов называет свою музу «музой мести и печали»?

3) Что помогает Ивану Денисовичу Шухову выжить в тяжёлых условиях заключения? (По повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»)

Пример 2.

1) Какую роль сыграло семейное воспитание в жизни Петра Гринёва и Марии Мироновой? (По роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка»)

2) Почему Раскольников, уже отказавшись от своего страшного замысла, вновь возвращается к нему и совершает преступление? (По роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)

3) В чём М.И. Цветаева видит высокое предназначение поэта?

Пример 3.

1) Какова роль Софьи в развитии социального конфликта в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума»?

2) В чём состоит смысл исходного противопоставления образов Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»?

3) Как в поэме А.А. Блока «Двенадцать» изображён конфликт старого и нового мира?

Каждая работа выпускников рассматривалась экспертами по 5 критериям.

Критерий 1 (глубина раскрытия темы сочинения и убедительность суждения) в оценке экзаменационной работы является главным. Если по данному содержательному критерию выпускник получает 0 баллов, все задание части 2 считается невыполненным.

Высшим баллом оценивались ответы, в которых экзаменуемый раскрывал тему, опираясь на авторскую позицию; аргументированно представлял свою точку зрения с учетом авторской; при отсутствии фактических ошибок демонстрировал знание проблематики произведения и умение обосновывать суждения. Средний балл выполнения по данному критерию – 1,64 (максимально – 3).

Наиболее часто выпускники 2015 года выбирали задания по анализу комедии «Недоросль», романов А.С. Пушкина «Капитанская дочка», Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Наибольшие трудности у выпускников традиционно вызывают темы, проверяющие умения анализа поэтических текстов.

Многие школьники успешно справились с заданием. Например, в процессе рассмотрения комедии Д.И. Фонвизина большинство писавших указывает принадлежность пьесы к эпохе Просвещения, к классицизму, определяет основные приемы классицистической пьесы, определяет проблематику, роль Стародума как героя-резонера. Вместе с тем выпускники зачастую не умеют правильно вычитать тему сочинения, уходят от конкретного вопроса к анализу общего содержания произведения. Например, отвечая на вопрос «Какую роль сыграло домашнее воспитание в судьбе Марии Ивановны и Петра Гринёва?», учащиеся пересказывали сюжетную линию, связанную с этими персонажами; вместо рассуждений о роли Софьи в развитии социального конфликта, обращаются только к любовным коллизиям; вместо анализа образа Стародума подробно рассказывают о семье Простаковых-Скотининых.

Основные затруднения по содержательному критерию выпускники испытывали, на наш взгляд, по нескольким причинам: 1) незнание текстов; 2) непо-

нимание авторской позиции и способов ее выражения в тексте; 3) невысокий уровень умений самостоятельного анализа и интерпретации произведений; 4) поверхностные представления о культурно-исторических реалиях, социально-бытовых обстоятельствах, отраженных в художественных произведениях; 5) неумение внимательно прочитать тему, игнорирование заданных ею аспектов анализа, отбора литературного материала. Как следствие – отклонение от темы, нечеткость основной мысли, поверхностность интерпретации, фактические ошибки.

Самые распространенные фактические ошибки связаны:

- с незнанием текста, с неправильным цитированием («в буран он подарил путнику шинель», Белгородская крепость; «Стародум говорил: «Береги платье снову...»; «Теория Раскольникова о «право имеющих» и «тварях ползучих»);

- с непониманием основного конфликта произведения;

- с нарушением хронологии событий и причинно-следственных связей сюжета;

- с незнанием времени создания произведений;

- с незнанием исторических реалий (в «Капитанской дочке» «императрица Екатерина I»; «Раскольников идёт в милицию»).

Критерий 2 выявляет уровень владения теоретико-литературными понятиями, степень уместности применения терминов при анализе литературного материала.

Высший балл экспертами выставлялся в том случае, когда теоретико-литературные понятия, использованные выпускниками в процессе анализа текста, соответствовали специфике литературного произведения (его жанрово-родовым особенностям, художественному методу и под.). Количественный показатель не являлся основополагающим. Средний балл выполнения по данному критерию – 1,13 (максимально – 2).

Основные ошибки выпускников связаны: 1) с незнанием или смешением некоторых понятий теории литературы (автор – повествователь – рассказчик; второстепенные – внесценические персонажи; система персонажей; мотив; автор – лирический герой); 2) с неумением применять литературоведческие термины в процессе анализа художественного текста, даже если сам термин выпускнику знаком.

Практически не используются термины, связанные с субъектной организацией текста, с системой персонажей, художественной деталью; недостаточно выпускники владеют и терминами, связанными со спецификой драмы как литературного рода.

Критерий 3 проверял обоснованность и разносторонность привлечения текста произведения. Учитывались различные формы привлечения текста: цитаты с комментариями к ним, краткий пересказ, обращение к микротемам текста и их интерпретация, разного рода ссылки на изображенное в произведении.

Даже при анализе лирического произведения выпускники очень редко цитировали, основная форма привлечения текста – ссылки на изображенное в художественном тексте и достаточно упрощенный пересказ, зачастую с фактическими ошибками и искаже-

нием текста. Чаще всего выпускники не знают имена второстепенных персонажей («сестра старухи-процентщицы», «сестра Раскольникова и её жених», «отец и мать Маши»), что показывает слабое знание текста. Средний балл выполнения по данному критерию – 1,61 (максимально – 3).

По критерию 4 проверялось умение выпускников последовательно, четко и логично излагать свои мысли. Многие сочинения были построены достаточно стройно, композиция работ непосредственно связана с замыслом и основной идеей рассуждения. Средний балл выполнения по данному критерию – 1,69 (максимально – 3). Вместе с тем эксперты отмечают «виртуозность» многих выпускников в умении придать внешне стройный вид рассуждению, содержательно слабо соответствующему вопросу.

Критерий 5 ориентировал на проверку речевого оформления сочинения. К сожалению, речевых ошибок в экзаменационных работах по литературе выпускники допускали много: средний балл выполнения по данному критерию – 1,71.

Анализ результатов экзаменационных работ по литературе свидетельствует о том, что выпускники 2015 года серьезнее отнеслись к подготовке, чему способствовало и возвращение в школы выпускного сочинения (результаты 2014 года см.: [4]). Вместе с тем многие выпускники недостаточно владеют фундаментальными теоретико-литературными понятиями, не умеют определять их значимость для раскрытия авторской идеи и создания самостоятельной интерпретации текста, не соотносят содержание и форму художественного произведения. Формирование навыков по определению историко-литературного контекста, сопоставлению литературных произведений, художественных решений одной темы также остается насущной проблемой литературного образования в школе.

Отметим, что основные результаты выполнения заданий по литературе вологодскими выпускниками существенно не отличаются от общероссийских показателей [1].

В целом уровень сформированности у выпускников основных учебных умений, соответствующих важнейшим компетенциям (читательской, филологической, коммуникативной), удовлетворительный. Вместе с тем среди ответов встречается достаточно много глубоких, самостоятельных, серьезных сочинений, говорящих о высоком уровне подготовки по русскому языку и литературе авторов этих работ, их филологической зрелости.

В заключение предлагаем педагогам некоторые рекомендации по формированию текстовых умений

школьников в процессе подготовки их к выпускному экзамену по русскому языку и литературе:

1. Важную роль в процессе подготовки к экзамену должна играть организация чтения учащимися художественных произведений.

2. Расширять спектр текстов для анализа на уроках, включая туда произведения разных периодов и жанров; посвятить часть учебного времени специальной отработке понятия «аргумент».

3. Целенаправленно учить школьников связному устному и письменному монологическому высказыванию на литературные темы. Письменный ответ на проблемный вопрос и сочинение должны оставаться одной из главных форм контроля знаний и умений по русскому языку и литературе.

4. Развивать умения использовать теоретико-литературные термины и понятия в процессе анализа литературных произведений. Учить школьников работе со словарями и энциклопедиями.

5. Развивать на уроках диалогическую и монологическую речь учащихся (как устную, так и письменную); формировать умение рассуждать на предложенную тему, приводя различные способы аргументации собственных мыслей, делать вывод; учить вести диалог этически корректно.

6. Использовать как форму домашних и классных заданий проверку школьниками письменных работ друг друга по критериям заданий ЕГЭ. Приводить при этом развернутую аргументацию по поводу выставленных баллов, что поможет выпускникам сориентироваться в направленности заданий повышенной сложности, системе их оценивания.

Литература

1. Зинин, С.А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2015 года по литературе / С.А. Зинин, Л.В. Новикова, Л.Н. Гороховская. – Москва: Федеральный институт педагогических измерений, 2015. – 18 с.

2. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий ЕГЭ с развернутым ответом. Русский язык / И.П. Цыбулько, В.Н. Александров, Е.В. Арутюнова, И.П. Васильевых, Ю.Н. Гостева, В.И. Капинос, Р.А. Дошинский. – Москва: Федеральный институт педагогических измерений, 2015. – Ч. 1. – 97 с.

3. Овсянникова, Т.Г. Актуальные вопросы работы с текстом на уроках русского языка / Т.Г. Овсянникова // Формирование текстовой культуры учащихся на уроках русского языка и литературы. – Вологда: Издательский центр ВИРО, 2008. – С. 4–8.

4. Патапенко, С.Н. Единый государственный экзамен по литературе в Вологодской области: итоги и проблемы / С.Н. Патапенко, Т.Л. Шишигина // Край мой северный. Традиции региональной культуры в науке и образовании. – Вологда, 2013. – С. 110–120.

Рецензенты: Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

Т.Г. Овсянникова, кандидат педагогических наук, доцент, декан филологического факультета.

G.Y. Kozlova, T.L. Shishigina

**ANALYSIS OF TEXTUAL SKILLS LEVEL OF GRADUATES
OF THE VOLOGDA REGION SECONDARY SCHOOLS
(ON THE CASE OF THE FINAL EXAMINATIONS)**

The article deals with the problem of developing textual skills of graduates of the Vologda region schools. The research is based on analyzing the works of students after the Unified State Examination in the Russian language and Literature in 2015. The analysis of texts graduating students use to write their statements and reasons for their typical mistakes are presented, as well as methodological recommendations for teachers.

The authors conclude that level of development of textual skills of graduating students may be generally recognized as a satisfactory one. The authors' recommendations to teachers of the Russian language and Literature include focusing on oral and written monologues on literature topics, expanding the range of texts for comprehensive analysis at the lessons of the Russian language and Literature, teaching methods of identifying an author's position, etc.

Text, textual skills, composition, evaluation criteria, communicative competence, reader's competence, types of mistakes.

УДК 37.02

Л.А. Коробейникова
Вологодский государственный университет

**РЕШЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАДАЧ
В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ**

Преподноси чувствам, разуму, воле, способностям многое и многообразно, попеременно со множеством увлекательного.

Ян Амос Коменский

Статья посвящена проблемам экологического образования школьников, в частности, характеристике различных видов исследовательских задач. Материалом для наблюдений и обобщений служит многолетний опыт автора работы в области руководства лабораторией методики экологического образования при Вологодском государственном педагогическом институте/университете, а также в сфере организации областных школ практической экологии в различных районах Вологодской области.

Экологическое образование, исследовательская задача.

Необходимость комплексного экологического образования школьников, включающего в себя как получение новых знаний, так и отработку практических навыков, неоднократно была предметом обсуждения педагогической общественности [1; 2; др.]. Решению этой задачи была посвящена деятельность организованной нами на базе Вологодского государственного педагогического университета лаборатории методики экологического образования. В процессе ее работы были опубликованы учебно-методические пособия, ориентированные на решение проблем экологического образования в системе межпредметных связей [3; др.].

Другим, не менее важным направлением работы лаборатории стало проведение в Вологодской области Школ практической экологии [5]. Работа таких школ

предусматривала совместное обучение учителей и учащихся решению экологических задач (подробнее об этом см.: [6]). Типология таких задач рассматривается в данной статье на материале разработанных и апробированных нами заданий. Многие из них послужили стимулом для дальнейшего профессионального роста, разработки и реализации экологических проектов различного уровня, для выбора профессии [4; др.]. Далее приводятся виды исследовательских учебных задач, их характеристика, примеры заданий каждого типа.

1. Мысленный анализ ситуаций и прогноз их последующих изменений

Учебная экологическая ситуация – что это такое? Ситуация – «единица» жизнедеятельности человека. Это совокупность условий и обстоятельств, создаю-

щих те или иные отношения, обстановку, положение. В экологической ситуации основой являются отношения в системе «природа – человек – общество». В этом виде задач главное – видоизменить, «экологизировать» мировоззрение человека, сформировать его экологическое сознание.

Для создания и анализа учебных экологических ситуаций используется следующий методический алгоритм:

А) выявить противоречие в жизни и практической деятельности;

Б) сформулировать проблему;

В) предложить учащимся самостоятельно найти способ разрешения противоречия, выяснив разные точки зрения на проблему и возможность ее решения;

Г) предложить и обсудить разные способы решения проблемы, оценить их доступность и экономичность;

Д) прогнозировать вероятностный результат решения проблемы.

Примеры ситуационных задач

Задача 1. В конце 1990-х годов активисты Гринпис обвинили муниципальные власти N-ского района в том, что они потворствуют незаконному расхищению лесных богатств на конкретной территории. Председатель комитета по природным ресурсам областной администрации опроверг это заявление, сославшись на то, что незаконно вырублено всего 22,4 тыс. куб. м, а от лесных пожаров гибнет до 50 тыс. куб. м в год. Проанализируйте ситуацию по предложенному алгоритму, создайте группы «специалистов» – экономистов, лесоводов, потребителей лесной продукции и т.д. и предложите свое решение, обратившись в компетентные органы и к общественности.

Задача 2. Для ускорения таяния льда и снега дороги и тротуары посыпают поваренной солью. Весной соль попадает в почву, что отрицательно влияет на состояние зеленых насаждений и газонов. Как можно решить эту проблему?

Задача 3. Жители села решили сделать чище речку, которая по нему протекает. Предложите им план проведения этой акции с участием всего населения села.

Задача 4. После дождя на поверхности воды в лужах обнаружен желтый налет. Как узнать, что это такое? Составьте гипотезы и способы их проверки.

Задача 5. Проезжающие на автомашинах шоферы заметили в районе болот массовый переход земноводных (лягушек, жаб, тритонов) через шоссе, где животные гибли под колесами машин. Предположите возможные причины такого переселения. Как можно избежать гибели животных?

II. Мысленный эксперимент

При выполнении заданий используются следующие шаги логически осмысленных операций – умственных действий:

1) краткое обоснование исходных причин и стимулов выбора задания (в том числе – противоречий);

2) формулировка цели исследования;

3) определение объекта исследования;

4) выбор конкретного объекта/субъекта исследования;

5) формулировка последовательно решаемых задач исследования;

6) последовательность шагов в решении каждой задачи по ходу исследования (обоснование шагов, условий, средств и методов решения, возможный результат и выводы при решении каждой задачи);

7) заключение и выводы, соответствующие намеченной цели и оценка степени ее достижения.

При выборе/назначении заданий желательно выполнение каждого из них двумя независимыми исполнителями, чтобы при обсуждении можно было сопоставить результаты вариативных подходов, объем, логику исследования по этапам и их результаты.

Примеры заданий на проведение «мысленного эксперимента»

Задача 1. Полевой лагерь школьников расположен на берегу речки (других источников воды нет). Вода в реке имеет коричневый оттенок. Какие действия можно осуществить в полевых условиях, чтобы определить причины цветности и пригодность воды для питья?

Задача 2. Нужно определить степень жесткости воды в полевых условиях. Как это можно сделать?

Задача 3. Предварительный анализ воды показал, что она имеет высокую гидрокарбонатную жесткость. Как ее понизить в полевых условиях и сделать вполне пригодной для питья? (вариант: как определить оптимальное время устранения жесткости при максимальном возможном умягчении воды кипячением?).

Задача 4. Один край озера имеет торфянистый берег, где видны следы изменения уровня воды. Как можно использовать это наблюдение для определения испаряемости озерной воды за сезон?

Задача 5. Водное растение стрелолист имеет мужские и женские цветы, соотношение которых меняется в разных участках озера (и в разных озерах). С какой целью можно использовать это наблюдение и провести исследование, разработав его план?

Задача 6. Как очистить поваренную соль от возможных природных примесей? Как доказать, соответствует ли ее состав формуле NaCl?

Задача 7. Наблюдения показывают, что реликтовое растение Лобелия Дортманна растет в воде и на суше. Как доказать, которая из двух гипотез будет более правомерной: а) в ходе эволюции растение «вышло» на сушу; б) в процессе эволюции растение «сошло» с суши в воду, изменив среду обитания?

Задача 8. Два исследователя – А и Б – проводили в совершенно одинаковых условиях эксперимент с одним видом рыб (одного возраста) и кормили их в аквариумах одинаковой смесью, состоящей из крупных и мелких дафний (с равными долями тех и других), чтобы выяснить различия в скорости их поедания рыбами. За одно и то же время исследования этого эксперимента они сделали разные заключения: А – быстрее поедаются мелкие; Б – быстрее поедаются крупные. Как доказать, кто из исследователей прав? Как построить проверочный эксперимент? Разработайте его план (олимпиадная задача).

III. «Мысленное проектирование»

Этот вид задач связан с анализом экологических ситуаций и может быть разработан в виде учебного экологического проекта.

Основными положениями учебного экологического проекта является следующее:

1) противоречия между растущими потребностями людей и ограниченными возможностями окружающей природной среды;

2) охрана компонентов окружающей среды (рек, озер, почв, воздуха рабочих помещений и пр.) законодательно реализуется государством;

3) участие в проектировании различных специалистов, законодательной и исполнительной власти, экологов, СМИ, общественных организаций, граждан, мнение которых выясняется методом социологических опросов;

4) для стимулирования активности в процессе принятия решений используются специальные методы (древо решений, мозговой штурм, дискуссия, диспут, экспертная оценка).

Мысленное проектирование – это теоретическая разработка программ экологических проектов разной целевой направленности. При этом целесообразно использовать знания и фокусировать размышления при выборе объекта и цели проектирования, руководствуясь следующим алгоритмом:

А) организовать наблюдения;

Б) сформулировать противоречия (или причины), обусловившие выбор проектного задания и его название;

В) выбрать объект проектирования, сформулировать проектную задачу;

Г) спланировать идеальный конечный результат (ИКР) – чего следует добиться?

Д) продумать и отобрать альтернативные подходы, кратко охарактеризовать их в плане выполнения проектной задачи;

Е) выбрать путь решения задачи, наиболее экономичный по соотношению затрат и получаемого результата;

Ж) обсудить его с оппонентами и сторонниками, попробовать доказать свое право на выполнение проекта;

З) найти заинтересованных спонсоров (инвесторов).

Идеальный конечный результат (ИКР) – это идеальный образ решения поставленной задачи: при выборе нужного варианта результат должен быть достигнут без каких-либо потерь, без усложнения системы и без возникновения новых нежелательных эффектов. ИКР – это путеводитель, который указывает верное направление при решении проектной задачи, подобно тому, как звезда указывает направление движения мореплавателям.

Примеры мысленного проектирования

Задание 1. «Мусор на части – и нет напасти» (как организовать отдельный сбор/сортировку мусора (социально-коммунальный проект)).

Задание 2. Вторая жизнь отходов: организация творческой мастерской полезных поделок «Оч.умелые ручки» (школьный социальный проект).

Задание 3. Экономика семьи: на чем можно экономить и уменьшать расходы в быту (социальный семейный проект на основе расчетов).

Задание 4. В лагере отдыха имеется родник, из которого вытекает ручей; подумайте, как использовать эту ситуацию для создания детской игровой площадки, итогового маршрута (детский лагерный проект игрового городка «Аквапарк»).

Задание 5. Оцените вашу дворовую площадку (у дома или у школы), составьте проект ее благоустройства силами школьников и предложите ее домоуправлению (социальный коммунальный проект).

Задание 6. Обсудите самый дешевый проект наведения чистоты на улицах городских и сельских поселений (социальный проект для населения).

Задание 7. Проект «Хозяйственный взгляд» (на двор жилого дома, детскую площадку, квартиру, подъезд многоквартирного дома). Как их благоустроить, соблюдая экономию в средствах? (Социальный проект семьи, коллективный проект соседей по подъезду.)

Задание 8. Составьте алгоритм «экологического следа» каждой семьи, используя методику «Индивидуальная таблица расчетов», включающую учет расстояния проезда на личном автомобиле (то же – на общественном транспорте или в путешествии во время отпуска), семейный счет за газ, электричество, потребление возобновляемых и невозобновляемых источников энергии, вкусовые пристрастия, подписка и покупка газет и журналов, приобретение новой мебели и пр. Расчет можно вести с учетом «экологического и экономичного следа» каждого члена семьи (семейный/личный экологический проект «Как и за счет чего снизить расходную часть в доходах семьи»), ибо «экономия не менее значима, чем экология». Сравните обязательства каждого члена семьи.

Задание 9. Попробуйте практически написать лагерный закон «Об охране и чистоте места купания в реке (озере)».

Задание 10. Проведите групповое обследование для оценки экологического состояния школьного двора (группы по 3 человека). Составьте список экологических проблем и примерный проект их решения. Обсудите на общем сборе. На основе экспертной оценки (использование метода составления матриц парного сравнения) составьте последовательность/очередность решения этих проблем с указанием сроков их решения.

Задание 11. Цель – экологическое и эстетическое обустройство класса: противоречия, проблемы, решения, средства, очередность, стоимость.

IV. Изобретательские задачи – это задачи на поиск и принятие необходимых решений в экологических ситуациях, объективно исключающих нежелательное воздействие среды. Общий алгоритм решения изобретательских задач следующий:

А) найти противоречие;

Б) сформулировать ИКР;

В) использовать подсказку – посредника (или наводящие вопросы);

Г) обсудить альтернативные подходы к решению задачи;

Д) принять решение (для достижения ИКР).

Примеры решения задач

Пример 1. Гибель животных. Животные часто гибнут под колесами автомашин, перебегая дорогу в различных ситуациях. Исключить перемещение животных, построив сплошную изгородь по всей длине шоссе, не реально. Как избежать гибели животных (например, лосей, кошек, собак и пр.)?

Решение.

Противоречие: животные движутся в силу необходимости и гибнут.

ИКР – машина сама должна предупреждать о своем приближении.

Подсказка – использовать посредник – свет от автомобильных фар.

Решение: к придорожным столбикам под углом прикрепляют отполированные пластинки. Они отражают свет от фар на обочину или опушку, предупреждая животных об опасности.

Пример 2. Защита от взрыва. При проведении взрывных работ под водой неизбежно гибнут рыбы. Главная причина – мощный акустический удар. Предложите простые технические решения для уменьшения вреда рыбному населению.

Решение.

Противоречие: взрывные работы – техническая необходимость, но при этом надо избежать массовой гибели рыб.

ИКР: 1) вода сама защищает рыбу от воздействия; 2) взрыв сам защищает рыбу от воздействия; 3) воздух сам защищает рыбу от воздействия; 4) рыба сама уходит от вредного воздействия.

Подсказки: 1) необходимо ослабить причину вредного воздействия – акустический удар; 2) использовать ресурсы – сам взрыв, воду и пр.; 3) использовать посредники: а) неопасный для рыб взрыв; б) предварительный сигнал; в) защитный экран (пузырьки в воде).

Пример 3. Нематода. Весной дачники готовят картофель для посадки. А в почве поселилась нематода – вредитель клубней. Можно обработать огород ядохимикатами, но они вредны для человека и животных.

Решение.

Противоречие: картофель нужно вырастить, но при этом «выманить» и уничтожить нематоду.

ИКР: нематоды сами выползут из коконов, но не навредят картофелю.

Подсказка: используйте посредник – «копию» картофеля.

Решение: за несколько дней до посадки почву поливают водой с соком подгнившей картошки, которой смочены очистки. Затем их собирают и сжигают.

Решать нестандартные экологические задачи помогает тренировка, участие в различных олимпиадах,

конкурсах. Научно-практических конференциях. В школе практической экологии эту работу можно провести в несколько этапов.

Первый этап – решить самостоятельно выбранную исследовательскую задачу любого вида и публично объяснить ее решение.

Второй этап – решить конкурсную задачу (выбор – по билетам) и объяснить жюри ее решение.

Третий этап – составить условие экологической задачи (мысленный анализ экологической ситуации, мысленное проектирование, мысленный эксперимент и пр.), выполнить и защитить ее решение.

Решение проблем комплексного исследования окружающей среды требует привлечения совместных усилий учителей и учащихся различного возраста, в том числе и младших школьников. Это дает возможность формировать экологическое сознание, повышать уровень исследовательской и экологической культуры.

Литература

1. Абрамова, Н.Л. Моделирование и реализация экологического мониторинга в школьном естественнонаучном образовании: дис. ... канд. пед. наук / Абрамова Н.Л. – Екатеринбург, 2003. – 197 с.
2. Бабакова, Т.А. Теория и практика школьного экологического краеведения: дис. доктора пед. наук / Бабакова Т.А. – Москва, 1996. – 341 с.
3. Вопросы экологии при изучении биологических дисциплин: учебные материалы и методические рекомендации / под ред. Л.А. Коробейниковой. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2004. – 112 с.
4. Губин, А. Сравнительный анализ речных вод в Шекснинском районе / А. Губин, Е.И. Иванова, Л.А. Коробейникова // Программа практической экологии – в действии : из опыта экологической работы со школьниками / сост. Л.А. Коробейникова. – Вологда, 2001. – С. 41–55.
5. Коробейникова, Л.А. Школа практической экологии / Л.А. Коробейникова // Сборник докладов к Всероссийскому экологическому совещанию / под ред. В.Н. Лопатина. – Москва: РЭФИА, 2001. – 177 с.
6. Красов, А. Областная школа практической экологии [Электронный ресурс] / А. Красов // Призыв: газета Харовского муниципального района Вологодской области. – Харовск, 2011. – Режим доступа: <http://www.harovsk-priziv.ru/?p=8476>
7. Комплексная экологическая практика школьников и студентов: Программы. Методика. Оснащение / ред. Л.А. Коробейникова. – Санкт-Петербург: Крисмас+, 2002. – 268 с.

Рецензент – Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ.

L.A. Korobeinikova

RESEARCH PROBLEMS SOLUTION IN THE SYSTEM OF SCHOOL ENVIRONMENTAL EDUCATION

The article is devoted to the problem of school ecological education, in particular, the depiction of different types of research tasks. The material for observation and generalization is the author's long-term experience in the field of management of the laboratory of environmental education methods at the Vologda State Pedagogical Institute / University, as well as in the sphere of regional schools of practical ecology in various districts of the Vologda region.

Environmental education, research task.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ШЕКСПИР 2014. ОБЗОР РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ

2014-й и 2016-й – юбилейные шекспировские годы: 450 лет со дня рождения и 400 лет со дня смерти великого драматурга. Празднования традиционно связаны с новыми фестивалями, конференциями, публикациями. Здесь предложен обзор шекспировских публикаций российских журналов 2014 года: «Вестник Европы», «Вопросы литературы», «Иностранная литература».

У. Шекспир, 2014, «Вестник Европы», «Вопросы литературы», «Иностранная литература».

К 450-летию Шекспиру сделали много подарков. Внесли свою лепту и российские журналы: «Вопросы литературы» – заблаговременно и многократно, «Вестник Европы» и «Иностранная литература» подготовили юбилейные выпуски. Том 40 «Вестника Европы» – «Shakespeare 450» – вводит в широкий европейский контекст. «Иностранная литература» назвала специальный № 5 «Беспокойное бессмертие». Тамара Казавчинская, составитель номера, акцентировала внимание на оборотной стороне безмерного поклонения Шекспиру («Если есть писатель, ставший смертным Богом, так это Шекспир». Гаролд Блум) – его «удивительно трудной посмертной судьбе». В выпуске представлены почитатели и ниспровергатели Шекспира, его исследователи, интерпретаторы, фальсификаторы. Итак, что нашло отражение в журналах 2014 года?

ПЕРЕВОДЫ ШЕКСПИРА

Опубликованы фрагменты из истории перевода (из Н. Карамзина, И. Романовича, А. Величанского), перевод «Гамлета» В. Поплавского 2000 года и новейшие переводы сонетов с комментариями И. Шайтанова.

«Вестник Европы» открыл шекспировский выпуск трудами основателя журнала: предисловием к переводу «Юлия Цезаря» и переводом из акта III. В юности (в симбирские годы) Карамзин хотел перевести на русский язык «всею Шекспира», настолько его пленил «Шекспиров гений». К «Юлию Цезарю» 20-летний Карамзин обратился уже в Москве. В 1787 году «иждивением Компании типографической» перевод был издан – без указания имени переводчика и автора вступительной статьи. 23 апреля 1794 года цензура внесла трагедию в список вредных книг – значительная часть тиража была уничтожена – книга стала библиографической редкостью.

Располагая дюжиной переводов «Юлия Цезаря», мы возвращаемся к Карамзину и – испытываем гордость. Читая перевод, не веришь, что ему далеко за двести. Юрий Фридрих прав: «Карамзин – фан-

тастически *современный зритель*, чье восприятие явно на несколько столетий опережало свое время» [1, с. 23].

Второй перевод в «Вестнике Европы» – из «Улисса» Джеймса Джойса (9-й эпизод – «Сцилла и Харибда») в исполнении Игоря Романовича (1908–1943), члена Первого переводческого объединения Ивана Кашкина. Первые десять эпизодов «Улисса» были напечатаны на страницах «Интернациональной литературы» с 1935-го по апрель 1936-го. 2 ноября 1937 года Романович был арестован по обвинению в космополитизме, приговорен к десяти годам лагерей, погиб от голода под Рыбинском, похоронен в общей могиле. Перевод издала его жена Елена Вержбловская (1904–2000).

«Иностранная литература» в разделе «Из архива переводчика» представила фрагмент «Ричарда III» (акт I и первая сцена акта II) в переводе Александра Величанского (1940–1990). И этот органичный перевод человека высокой культуры остался незаконченным.

«СВЕЖИЙ И ДЕРЗКИЙ»?

Углубиться мне бы хотелось в перевод Виталия Поплавского, оцененный Виктором Ярошенко как «свежий и дерзкий» [2, с. 70].

Перевод, действительно, дерзкий. Достаточно посмотреть на знаковые места, чтобы убедиться, что Поплавский не собирается повторять кого бы то ни было: «Больное время мечется в бреду, / А я никак лекарства не найду» (*The time is out of joint. O cursed spite, / That ever I was born to set it right.* 1.5 – здесь и далее цифры указывают на акт и сцену); «Вопрос стоит предельно чётко: быть / Или не быть...» (3.1).

Поплавский – филолог. Он хорошо знаком с текстологией, комментариями текста. Из нескольких возможных прочтений он скорее остановится не на первом – хорошо известном, а на втором – «нетрадиционном»: «Шла бы ты в публичный дом...» (*Get thee to a nunnery...* 3.1), хотя «традиционный» вариант тоже представит. Разночтения фолио, первого и второго

кварто компактно приведены в тексте и в примечаниях; так, комментарий по поводу вышеупомянутой реплики гласит: «Перевод диалога Офелии с Гамлетом основан на двойном значении слова “Nunnery” (в первом кварто), “Nunry” (во втором кварто) или “Nunnerie” (в фолио) – “женский монастырь”, а в широком смысле – “женская обитель”, т.е. публичный дом» [3, с. 76].

Поплавский умело пользуется «остранением» («от современности») и вводит в игру механизм удивления зрителя/читателя: «МАРЦЕЛЛ. Горацио привык именовать / Такие вещи массовым гипнозом...» (*Horatio says 'tis but our fantasy*), «И, если вновь появится виденье, / Вступить с ним в конструктивный диалог» (1.1).

Об этих задевающих за живое «контемпораньках» (*contemporaneous – современный*) в предисловии издателя к переводу Поплавского писал Н. Журавлев в 2001 году. Их список обширен, я приведу лишь несколько: «БЕРНАРДО. Позвольте мне ударить по ушам, / Закрытым ватой от моих рассказов, / Серьёзным аргументом» (1.1); «ЛАЭРТ – ОФЕЛИИ. Пора тебе понять, чем ты рискуешь, / Развесив уши для его лапши» (1.3); «КЛАВДИЙ. Не стоит ждать, пока его безумье / Приобретет клинический размах» (3.3); «ГАМЛЕТ – ГЕРТРУДЕ. Вы, верно, находились под влиянием / Частичного микроинсульта чувств...»; «...Убийце, / Который, как дешёвый аферист, / Надеюсь безнаказанно повесить / Свой социальный статус...» (3.4). При встрече в тексте с «контемпораньками» всякий раз хочется обратиться к Шекспиру, сверить с его – другим – звучанием...

Ошутимо и режиссерско-театральное видение Поплавского, причем оно передано практически всем персонажам: «ГАМЛЕТ. Вот публика моей бредовой пьесы – / Пойду играть свой сумасшедший текст» (3.2); «КЛАВДИЙ – ГЕРТРУДЕ: Не надо / Суфлировать» (4.5) и т.п.

Протест вызывает стирание многомерности шекспировского художественного пространства и, как следствие, узость интерпретации, запечатленная, в частности, в переводе крылатой фразы «Something is rotten in the state of Denmark» (1.4): «В стране, как видно, назревает кризис». В журнале компенсаторной является исследовательская статья Владимира Кантора «Гамлет как христианин», открывающая шекспировские сферы и планы, которые могут пройти незамеченными – остаться неосознанными.

Рассматривая вечный образ в контексте идей Возрождения и Реформации, Кантор акцентирует, что «Гамлет – искренний и сознательный христианин» [4, с. 119]. Он приехал из Виттенберга, «где куется евангельская чистота» [4, с. 119]. Лаэрту было разрешено вернуться в Париж, к увеселениям, Гамлету в город Лютера и Меланхтона путь заказан: он свою школу прошел. Возврат к полужызскому образу жизни, характерному для Клавдия и Гертруды, для него невозможен.

Гамлет – «протестант и любое видение пропускает через разум» [4, с. 119]. В этой, по Кантору, «пьесе искушений» [4, с. 121] принцу удастся преодолеть и искушение призрака – вестника ада (Гамлет исполняет свою задачу – проверяет, не дьявол ли пытается

вести его в грех: устраивает театр-ловушку), и искушение женщины (осознав происходящее с матерью – «Ад мятежный, раз ты бесчинствуешь в костях матроны...»), он переносит понимание на чувство к Офелии).

По Кантору, Гамлет – христианский воин. Он выполняет свой долг (Кантор блестяще рассматривает вопрос: мстит ли Гамлет Клавдию или казнит преступника и узурпатора, – хотя я бы усомнилась, христианская ли это цель) и – оставляет мир: «Это трагедия о невозможности христианского государства в этом мире. И неизбежной, неминуемой гибели христианского воина, живущего в парадигме Христа. Ибо окончательная победа христианства не здесь. Здесь нужно государство, справедливый государь, но не затем, чтобы установить мир гармонии и счастья на земле, а чтобы, по слову В.С. Соловьева, зло не разбушевало окончательно» [4, с. 130].

У Поплавского действие воспринимается в большей мере в рамках общественного – гражданского плана, чем в целостной сфере разверстого ада – земли – небес, как в оригинале. Например, там, где у Шекспира Гамлет видит Клавдия молящимся и размышляет о неблагоприятности обстоятельств для его смерти (хотелось бы отправить душу дяди прямо в ад), у Поплавского – «рамки правового поля»: «...если я хочу / Остаться в рамках правового поля, / Я не имею права убивать – / Нет, надо брать преступника с поличным...» (3.3).

Тема тирании и диктаторства лексически сориентирована на советский опыт. Вслушаемся в Клавдия Поплавского, обращающегося к Розенкранцу и Гильденстерну или говорящего с самим собой: «Прошу вас подготовиться к поездке: / Мы закуём опасность в кандалы / И пустим по этапу» (3.3); «Мы его / Отправим в ссылку, а народу скажем, / Что это плановый визит» (4.3); «...ведь народ / Поддерживает принца, а с народом / Шутить опасно: стоит второпях / Принять непопулярное решение – / В одно мгновение тот, кто управлял / Страной, становится врагом народа» (4.7).

Постепенно (наряду с ссылочной, лагерной) начинает звучать тема Клавдия – игрока, шулера: «КЛАВДИЙ. Нам нужно максимально элегантно / Втянуть его в смертельную игру / И незаметно передёрнуть карту. ЛАЭРТ. Располагайте мной – я ваш партнёр» (4.7).

Гамлет рассказывает Горацио о том, что Розенкранц и Гильденстерн «поплыли дальше», – и тема возобновляется: «ГАМЛЕТ. ...совесть / Моя чиста: я их предупреждал / – Не надо было лезть в чужие игры. ГОРАЦИО. Король сыграл как опытный игрок. ГАМЛЕТ. Король сыграл как настоящий шулер...» (5.2).

Уголовный жаргон становится языковой приметой Полония Поплавского. Даже при разговоре с дамами он предельно некуртуазен: «ПОЛОНИЙ – ОФЕЛИИ: ...Как далеко зашло у вас? Колись» (*Give me up the truth*. 1.3); «ПОЛОНИЙ. Вы замечали – он по вестибюлю / Часами шляется один? ГЕРТРУДА. И что? ПОЛОНИЙ. В такой момент я дочь ему подсушу...» (2.2).

В таком языковом контексте становится органичной грубость, с которой Гамлет Поплавского отвечает

на вопрос, что он сделал с телом Полония: «С дерьмом / Смешал того, кто был дерьмом при жизни» (*Compounded it with dust, whereto 'tis kin.* 4.2). Преступный план не оставляет пространства для библейского.

Священнику в речи на похоронах Офелии достается бюрократический пласт лексики: «ЛАЭРТ. Я вас / Спросил: что дальше следует по плану? СВЯЩЕННИК. Мы выполнили план по всем статьям / И в нарушение всех церковных правил» (5.1).

Предложенная Поплавским «дерзость» (со «свежестью» XX века), вызывая реакцию, гнетет многократно: как мало что меняется... В XXI веке по-прежнему живы самые большие советские интонации и лексемы.

ПЕРЕВОД С КОММЕНТАРИЕМ

Почему нас не удовлетворяют и никак не могут удовлетворить старые переводы Шекспира? Потому ли, что они не точны, тяжело звучат, не художественны? Нет. Они достаточно точны, звучат гладко (даже иногда слишком гладко) и представляют зачастую незаурядное художественное явление. Почему же теперь ими невозможно пользоваться, даже подвергнув их техническим исправлениям? Потому что с изменением взгляда на творчество Шекспира изменились и эти требования, предъявляемые к передаче его словесного материала.

М. Кузмин

Долгое время сонеты Шекспира на русском воспринимались исключительно «через призму» перевода С. Маршака. В 2012 году в обзоре Игоря Шайтанова «Тенденции и интенции отечественного шекспироведения» прозвучал ненавязчивый, но очевидный вызов попробовать его превзойти: «Успех Маршака был не идеологическим, а поэтическим, редко выпадающим на долю переводной поэзии во всенародном масштабе. Его перевод – интерпретация, но перевод – всегда интерпретация. Слишком вольная? Сделайте точнее» [5, с. 467].

Попытки перевода сонетов после Маршака (с единичными исключениями) Шайтанов оценил как «коллективную катастрофу»: «Игра на снижение современным переводчикам удастся, а все остальное – пока нет» [5, с. 468]. Казалось бы, диагноз отклонения переводов Маршака от сонетов Шекспира ясен: Маршак «снял значительную часть метафорики, сгладил язык, отказался от шекспировской грубости...» [5, с. 467]. Пути совершенствования кажутся очевидными, но – при обилии переводов – «...ни у кого не получается вернуть метафорику и грубость Шекспира, чтобы при этом сквозь перевод хотя бы просвечивала поэзия» [5, с. 467–468].

Что делать? Шайтанов четко определил: «Метафорическое слово в ренессансном сонете – не украшение стиля, а жанровая характеристика, пронизывающая всю форму, рождающаяся в звуке и обеспечивающая полноту смысловых связей – от грубой предметности до истонченной метафизики» [5, с. 468]. Очевидно, что задача передачи метафорического слова, риторики мысли, определяющей движение ренессансного сонетного текста, чрезвычайно сложна. «Или кто-то все-таки окажется в силах...?»

[5, с. 468]. В 2014 году мы увидели, к чему он стремился и насколько ему это удалось.

«Иностранная литература» в № 9 опубликовала «Комментарий к переводам, или Перевод с комментарием». Здесь И. Шайтанов называет имя главного для него исключения из «коллективной катастрофы» – Александра Финкеля (1899–1968), переводчика с нескольких европейских языков, лингвиста, профессора Харьковского университета. Именно он увидел возможность отличного от Маршака прочтения сонетов. Его полный перевод цикла стал четвертым в истории, но публикации при жизни не последовало: монополия Маршака оказалась неприступно-нерушимой.

По мнению Шайтанова, Финкелю «удалось – нет, не сделать лучше, а скорректировать русское представление о сонетах, точнее соотнеся их с оригиналом» [6, с. 268]. Можно ли достичь большего?

В статье «Как переводить жанр? Шекспировский сонет 29» (Литература в школе. 2014. № 11) Шайтанов выявил и продемонстрировал, что Маршак перевел не только с языка на язык, но из одного жанра в другой: из сонета – в романс. Попытка превзойти Маршака в переводе обретает смысл при коррекции стиля и восстановлении жанра.

Исследователь посвящает читателей в особенности сонета как жанра, в специфику сонетного мышления, ренессансной метафоры. На примере сонета 29 (Литература в школе), сонетов 15 и 129 (Иностранная литература. 2014. № 6), сонета 107 (Вопросы литературы. 2014. № 6) он объясняет, как звучит в оригинале и как должна звучать в переводе эта поэзия – ренессансная, многосложная, с острой мыслью.

На примере сонета 29 показано, как с первого катрена Маршак начинает движение в сторону романса. Шайтанов акцентирует пункты расхождения: эллигически-романсовый вздох Маршака о прошлом вместо настоящего времени Шекспира во второй строке (смысловое и грамматическое расхождение), маршаковское акцентирование мотива судьбы во втором катрене (появляются «удел» и «жребий», нагнетается чувство обреченности) и, напротив, незамечание исповеди о собственном несовершенстве, ревности к другим и презрении к себе.

Виртуозный анализ осуществляется на уровне нюансировки, когда внимание сосредоточено на степенях тонкости, напряженности, что кардинально далеко от уровня переводчиков рубежа XX–XXI веков, падких на «контемпораньки» и «детские считалки» – на «свежее и дерзкое». Очевидно, что корректировка «недостач» прежних переводов и приближение к Шекспиру осуществляется не на этом, а на трудном пути постановок и успешных решений филологических задач. Учитывая многочисленные попытки переводов, Шайтанов четко формулирует, какие задачи и с какой целью он перед собой ставит. Мое единственное опасение: сложные задачи подвластны профессионалам с жанровым слухом, метафорическим видением, остротой ума, плюс к тому – поэтическим дарованием и свободой, без которых подход к Шекспиру вряд ли имеет смысл. А. Смирнов – совершенно справедливо – еще говорил об энергетике.

В переводах И. Шайтанова мы имеем дело именно с этими явлениями: завидной точностью соответствия

оригиналу, воссозданием шекспировской энергетике и стиля. Исследователь демонстрирует иную, чем у Маршака, поэзию Шекспира – с иным поэтическим дыханием, звуком, смыслом, изяществом. Отраднo, что XXI век достиг момента, когда нас как читателей перестали, наконец, оберегать от Шекспира романтизированной версией, словно мы не доросли до двусмысленной или недвусмысленной откровенности поэзии сонетов. Хочется надеяться, что эти первые четыре перевода, притягательные другой, чем у Маршака, свободой и ясностью, – только начало.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ЗАРУБЕЖНОГО ШЕКСПИРОВЕДЕНИЯ

Здесь первенство закономерно принадлежит «Иностранной литературе», представившей в юбилейном шекспировском выпуске несколько интересных разделов.

1. «БЫТЬ И/ИЛИ НЕ БЫТЬ...»

Не быть или быть – вопрос прямолинейный.
Все просится ответ: не быть, не быть.

И. Бродский

Первым в разделе из четырех публикаций идет интервью журналиста Уэна Стивенсона с Джонатаном Бейтом, автором книг «Шекспир и английское романтическое воображение» (1986), «Шекспир и Овидий» (1993), «Гений Шекспира» (1997), «Душа века: Жизнь, мысли и мир Уильяма Шекспира» (2008) и др. Британский ученый, биограф, критик, телеведущий хорошо известен по курсу «Шекспир и его мир» на платформе «Future Learn», и на этом фоне интервью 2002 года воспринимается как давнее, но, с другой стороны, «повторение – мать учения».

Тема, предложенная Уэном Стивенсоном, касается спора о шекспировском авторстве как явлении, и Дж. Бейт углубляется в этот исторический и культурный феномен. Его мнение: «...во всех религиях есть течения и секты, зачастую еретические. Псевдорелигиозный культ Шекспира существует с XVIII века; к тому же в наше время почитание классиков приобрело характер религии. Поэтому я считаю, что в той мере, в какой отношение к Шекспиру граничит с обожествлением, оно неизбежно будет порождать ереси» [7, с. 216–217].

Исследователь не считает попытки установления альтернативного авторства серьезным литературоведением: «Оно целиком строится на при мысленном, на конспирологии. А часто и на вере в криптограммы, в скрытые намеки, зашифрованные в поэтических строках, хотя никаких свидетельств того, что писатели-современники Шекспира прибегали к подобной тайнописи, нет» [7, с. 217].

При всей «незаинтересованности» пресловутой проблемой отношения Бейта к ней ответственное. На вопрос журналиста, важно ли, «кто на самом деле написал Шекспира», его ответ однозначен: «...это наш исторический долг: из уважения к истине, из уважения к фактам» [7, с. 222].

Далее в разделе представлены рецензия Хилари Мантел на книгу Джеймса Шапиро 2010 года «Сло-

манье копы, или Битва за Шекспира» (*Contested Will: Who Wrote Shakespeare?*) и главы из книги.

Упрек в провоцировании волн конспирологических версий Шапиро адресует не столько «еретикам», сколько стратфордианцам – своим единомышленникам. Х. Мантел отмечает: «С отрицателями Шекспира он обращается весьма деликатно, гораздо деликатнее, чем они – со знаменитым стратфордцем» [8, с. 226]. Шапиро не пытается выставить оппонентов в невыгодном свете, хотя порой они дают более чем достаточно поводов. Его интересует, «как работает человеческая фантазия, как из домыслов и проекций рождаются теории» [8, с. 227]. Решительней всего Шапиро выступает против автобиографического прочтения шекспировских пьес: для него важно, что домыслы антистратфордианцев порождены идеей биографичности художественного творчества, спроецированной на елизаветинскую эпоху.

Хилари Мантел емко формулирует суть долгой истории антистратфордианства: «...история высокомерия и невежества, неправдоподобных допущений, мифов о писательском ремесле, раздутых популярными авторами, которые могли бы получше разобраться в своем деле. <...> Именно недостаток воображения и заставлял скептиков поколение за поколением творить Шекспира по образцу *своего* времени, подгонять его эпоху под *свою*, руководствуясь при этом *своими*, глубоко анахроничными, ценностями» [8, с. 225].

Предложенные в журнале главы из книги Джеймса Шапиро касаются «творения» своего «Шекспира» Зигмундом Фрейдом. Он читал Шекспира с восьми лет, любил цитировать, причислял Гамлета и Макбета к «десяти самым прекрасным творениям мировой литературы» [9, с. 232].

Теодор Мейнерт, один из наставников Фрейда, был убежден, что за Шекспиром стоял Фрэнсис Бэкон, но Фрейд «всегда смеялся над бэконской гипотезой» [9, с. 232]. Сначала он полагал, что пьесы – результат коллективного творчества (интеллект одного человека не в состоянии столько вместить), но затем отверг идею коллективного авторства. Известно о сильном впечатлении, которое произвела на него книга о Шекспире Георга Брандеса (1895–1896), названия глав которой («Психология Гамлета», «Личные элементы») были напрямую связаны с поисками Фрейда. Смерть отца настолько потрясла ученого, что летом 1897 года он испытал «гамлетоподобные симптомы». В октябре возникла его знаменитая теория, обусловленная Гамлетом и Эдипом. Фрейд обнаружил следы глубоких эдиповых ассоциаций в своем сознании и – согласно Брандесу – в сознании Шекспира. «Гамлет» стал каноническим текстом.

Как должен был поступить Фрейд, когда в 1919 году Брандес в новой книге «Миниатюры» отказался от своего раннего утверждения, будто «Гамлет» написан в 1601 году в пользу 1599-го и никак не позднее начала 1601-го, когда отец Шекспира был еще жив (запись о погребении сделана 8 сентября 1601-го)? Перечеркнуть свою трактовку «Гамлета» Фрейд не мог (число его пациентов и последователей росло – психоанализ процветал). Он предпочел усомниться в авторстве Шекспира.

В 1920-м вышла монументальная работа Джона Томаса Луни «Опознанный “Шекспир”» с изложением оксфордской версии (*‘Shakespeare’ Identified in Edward De Vere, 17 th Earl of Oxford*). С Луни и солидаризировался Фрейд, причем прочтение «Гамлета» Луни пришлось ему особенно по вкусу. Граф Оксфорд потерял отца в 1562 году, после чего его мать скоро вступила в новый брак. У Фрейда появилась возможность рассуждать не только об отцовском, но и материнском аспекте развития эдипова комплекса Гамлета. Просторы для психоанализа расширились.

Фрейдовская вербовка новых сторонников отличалась крайней напористостью; так, он буквально так отчитывал писателя Арнольда Цвейга, не желавшего уверовать в Эдварда Де Вера: «Я не понимаю, чем Вас привлекает этот человек из Стратфорда. Кажется, у него нет ничего, что могло бы обосновать его претензии, в то время как Оксфорд позаимствовал все необходимое: невроз Гамлета, безумие Лира, неистовство Макбета и характер леди Макбет, ревность Отелло и т.д. Меня просто возмущает, что Вы не разделяете эту точку зрения» [9, с. 245–246].

Четвертая публикация раздела – глава из книги Дага Стюарта «Мальчик, который не стал Шекспиром: История подделки и безумия» (2010). Автор – американский журналист, издатель, а с выходом этой книги еще и писатель. «Уильям-Генри Айрленд провернул литературную мистификацию столь грандиозную, что в конце концов и сам уверовал в то, что он и есть настоящий литературный наследник Шекспира» [10, с. 250].

Одни в подходе к Шекспиру руководствуются уважением к истине, другие – своими профессиональными амбициями, о посыле Айрленда серьезно и рассуждать неловко – чистое мальчишество: «...розыгрыш ради того, чтобы произвести впечатление на сухаря-отца, фанатично почитавшего Шекспира...» [10, с. 251]. Шансов на успех практически не было – дарованиями Уильям-Генри не отличался, но что из того? Он оказался прав в том, что «...люди видят то, что хотят видеть. Нужно лишь состряпать правдоподобную историю – жертвы обмана сами расцветят ее подробностями» [10, с. 252].

Я сомневаюсь, что фанатичные антистратфордианцы согласятся увидеть в интенциях того или иного героя свои, но всем здравомыслящим этот прекрасно составленный раздел предоставляет отличную возможность в очередной раз задуматься о многообразии «придумок».

2. (НЕ)СВОБОДА ШЕКСПИРА

Казалось, для него нет ничего невозможного: в его власти было придать языку любую форму, воплотить любую фантазию, вылепить любой образ, передать любое чувство, высказать любую мысль.

Стивен Гринблатт

На свободу Шекспира трудно не обратить внимание, причем так было всегда, начиная с Бена Джонсона, считавшего друга и соперника «честным, открытым, свободным по натуре». Для Стивена Гринблатта, автора книги «Свобода Шекспира» (*Shakespeare’s Freedom*, 2010), Шекспир как поэт и драматург – оли-

цетворение свободы. Гринблатт подчеркивает, что, обладая душевной свободой («ни его воображение, ни поэтический гений ничем не были скованы...»), Шекспир как подданный своего монарха жил в абсолютистском мире. При этом как личность он «...был сформирован другой эпохой – тогда культура официально провозглашала свободу воли, безграничность божественной любви, силу самой веры, неизреченность милости, вечное осуждение и вечное блаженство» [11, с. 9]. Стремясь проследить, «как Шекспир определяет и трактует притязания абсолютной власти» [11, с. 9], Гринблатт концентрируется на четырех основных для Шекспира понятиях – красоте, враждебности, авторитаризме, суверенности, рассматривая их в свете эстетики Теодора Адорно.

О несвободе Шекспира говорил Грэм Грин в речи 1969 года на вручении Шекспировской премии в Гамбургском университете. На мой взгляд, речь в большей мере характеризует самого выступающего, нежели Шекспира. Почему из всех возможных Грэма Грина заинтересовал именно этот аспект? – «Если есть величайший поэт консерватизма, того, что мы называем теперь истеблишментом, то это, безусловно, Шекспир» [12, с. 12]. На каком основании он решил сопоставить Шекспира с Робертом Саутвеллом – поэтом, священником, иезуитом, мучеником, казненным после трех лет пыток? – «Если бы Шекспир проявил подобную нелояльность, мы, наверное, больше любили бы его как человека» [12, с. 15]. Сомнительное, на мой взгляд, предположение. Можно углубиться – разобраться с тем, чем обусловлены выпады Грэма Грина, но насколько его (не)восприятие способно дать что-то Шекспиру?

В эссе 1919 года «Достоинства шекспировских сюжетов» Гилберт Кийт Честертон словно предвещал выпады против/по поводу Шекспира Грэма Грина и иже с ним: «...если отрицать его – затея безнадежная, то защищать его, пожалуй, дерзость еще большая» [13, с. 18].

Характерное для Честертона сочетание легкости с мудростью, оригинальности мышления со здравым смыслом, пристального внимания к деталям с масштабностью видения и обобщений привлекает внимание в каждом из четырех опубликованных эссе. Хочется надеяться, что «Иностранная литература» еще вернется к его сборнику эссе о Шекспире «Душа остроумия» (*The Soul of the Wit: Gilbert Keith Chesterton on William Shakespeare*).

3. «КАК БУДТО В “БУРЕ” ЕСТЬ ПОКОЙ...»

В этот раздел включены авторы, творения которых объединены темой шекспировской «Бури», рассмотренной с разных точек зрения. Эссе «Последние пьесы Шекспира» Литтона Стрэчи (1924) вводит в тему позднего Шекспира: «В пьесах последнего периода <...> мы – в мире волшебства, загадки, чуда, в мире меняющихся образов, в мире безнадежного анахронизма, в мире, где каждую секунду может случиться что угодно» [14, с. 81]; «<Шекспиру> наскучили люди, наскучила реальная жизнь, наскучила драма. Наскучило все, кроме поэзии и поэтических грез» [14, с. 83].

Фрагмент поэмы «Зеркало и море» (1949) Уистена Хью Одена перевел и представил Антон Нестеров. Сам автор дал драматической поэме подзаголовок «Комментарий к “Буре” Шекспира», хотя в традиционном смысле это не комментарий, а вариация на тему пьесы, «своеобразный постскрипtum к ней, написанный из XX века, после Второй мировой войны», «...попытка сказать о том, как взаимодействуют жизнь и искусство. Попытка разыграть это взаимодействие в лицах» [15, с. 85]. Предложенный фрагмент – первая часть монолога Калибана, «своеобразная кода к оденовской поэме» [15, с. 85].

Фрагменты книги «Шекспир и Богиня Полноты бытия» Тэда Хьюза (1992) переведены и представлены Антониной Мясниковой, объяснившей, почему и как «Буря», по мнению Хьюза, – «философский итог многочисленных перевоплощений, некий ретроспективный взгляд, обращенный автором на свое предшествующее творчество» [16, с. 99]. По приведенным фрагментам очевидно, насколько справедливы ее раздумья о том, чего в книге больше – «хьюзовского шекспироведения или хьюзовского мифотворчества» [16, с. 99].

Фрагменты книги «Питер Гринуэй. Интервью» (составители – Вернон и Маргерит Грас, 2000) погружают в творческий мир этого яркого художника, основной своей задачей считающего пропитывание кинематографа эстетикой живописи.

«Буря» как «пьеса о концах и началах» [17, с. 118] чрезвычайно интересовала Гринуэйя, отсюда – фильм «Книги Просперо», телефильм «Прогулка по библиотеке Просперо», книги «Книги Просперо» и «Вещи Просперо», роман «Твари Просперо», пьеса «Миранда» («...о том, что происходит на борту корабля по том, когда герои возвращаются на родину: о том, что происходит с невинностью, и о том, что от невинности надо избавляться») [17, с. 111].

4. «СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА»

Шекспир изобрел четверть нашего языка.

Шекспир и есть наш язык.

Из британской ТВ передачи 2000 года

В главе «Языковое дерзание» из книги «Рассказы об английском» (2005) Дэвид Кристел отмечает, что, как правило, филологи-дилетанты плохо представляют величины словарного запаса (Шекспира, взрослого человека, всего английского лексикона), хотя и любят высказываться о грандиозной роли Шекспира в развитии литературного языка.

Дэвид Кристел демонстрирует, что, в то время как «относительно культурный, образованный человек активно использует около двенадцати процентов всего общезыкового словарного запаса», Шекспир использовал около тринадцати процентов: его словарь насчитывает от семнадцати до двадцати тысяч лексем (для сравнения: у лингвистически консервативной Библии короля Иакова – около восьми тысяч) [18, с. 134].

В отношении лексического вклада цифры варьируются, но приемлемым средним значением Кристел считает 1700 шекспировских единиц. С именем драматурга Джона Марстона в Оксфордском словаре свя-

зано более двухсот слов, с сэром Филипом Сидни – четыреста лексем, Эдмундом Спенсером – более пятисот, Томасом Нэшем – восемьсот. Все это огромные цифры, если учесть, что обогащение языка хотя бы одной лексемой уже результат.

Исследователь справедливо подчеркивает и важность момента, **как** использует слова автор: «Языковая оригинальность гораздо меньше зависит от создания новых слов, чем от использования известных слов по-новому» [18, с. 137]. Шекспировские фразы, не будучи неологизмами, стали частью повседневной английской речи.

«ШЕКСПИРОВСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»

Отечественному литературоведению следует посвятить особую статью. Здесь лишь отмечу, что серьезным приобретением стала «Шекспировская мастерская», открытая заблаговременно в «Вопросах литературы». В № 3 за 2011 год опубликована «История с пропущенными главами. Бахтин и Пинский в контексте советского шекспироведения» И. Шайтанова, и с тех пор «Мастерская» стала одним из самых интересных разделов.

Она щедра на уроки, дает возможность фиксировать пронизательные наблюдения и разность позиций, логику каждой из них и вероятность взаимодействия. Отраднa преемственность публикаций: профессионалы присоединяются к разговору, устраняя искажения и «белые пятна». Так, например, разговор Б. Кагановича об А. Смирнове и пастернаковских переводах Шекспира (2013. № 2) получил своеобразное развитие в статье Л. Кациса «Борис Пастернак и “шекспировские силы” на “культурном фронте” холодной войны. К предыстории “нобелевского” скандала» (2014. № 6).

Высок теоретический уровень материалов «Шекспировской мастерской». В № 6 за 2013 год преподнесены уроки исторической поэтики (Э. Акимов. «Ричард Глостер и Дон Гуан») и шекспировского жанра (Н. Зелезинская. «Романы Айрис Мёрдок»).

В разделе «Сравнительная поэтика» (2013, № 2) представлены «Достоевский и Шекспир. Герои и авторы в “большом времени”» К. Степаняна, «“Око за око”, или Двое из дома Капулетти. Комментарий к одной шекспировской сцене» Е. Луценко.

«Шекспировская мастерская» предоставила возможность видеть процесс подготовки к печати «Шекспировской энциклопедии» (2013. № 2), тоже заслуживающей специального разговора.

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ШЕКСПИРА

Яркое освещение этой проблемы мы наблюдаем в работах и отечественных, и зарубежных литературоведов. «Иностранная литература» представила Фрэнка Кермоуда с главой «Глобус» (перевод Дмитрия Иванова) из книги «Век Шекспира» (2004), Джеймса Шапира с Прологом (перевод Е. Доброхотовой-Майковой) к книге «1599: Год в жизни Уильяма Шекспира» (2005). «Дружба народов» (2014. № 10) опубликовала главы из книги Билла Брайсона «Шекспир. Весь мир – театр» (2007) в переводе Аллы Николаевской (книга вышла в издательстве «Центр книги Ру-

домино» в конце 2014-го). Ни эти авторы, ни их интеллектуальные бестселлеры в рекомендациях не ждут, причем они уже работают над следующими книгами. Знакомясь по-русски с, наконец, переведенным, испытываешь странное чувство того, что тебе это уже хорошо известно – не только на английском, но и в результате чтения «Шекспира» И. Шайтанова в «ЖЗЛ». Сами подходы уже усвоены. Хотя, разумеется, переводы редко бывают лишними.

В журналах исследование И. Шайтанова представлено статьями «Уильям Шекспир: Обстоятельства и проблемы творческой биографии» (шекспировский номер «Вестника Европы»), «Обстоятельства и проблемы творческой биографии Шекспира (до 1594)» (Вопросы литературы. 2013. № 2), «А творчество – факт биографический?» (Вопросы литературы. 2014. № 6). И статьи, и ЖЗЛовский «Шекспир» заслуживают отдельного разговора.

ИЗ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Об археологическом открытии февраля 2013 года рассказывает Александр Пумпянский (Лондон – Москва) в статье «Власть как вождение. Идентификация Ричарда III». На автостоянке города Лестера (на месте бывших хоров некогда стоявшей здесь францисканской церкви серых братьев) были обнаружены останки последнего короля династии Плантагенетов. Горбат он не был, сухой руки не было.

Битва на Босвортском поле, в которой погиб Ричард III, стала последней битвой войны Алой и Белой розы, после которой к власти пришли Тюдоры. «Очернение предшественника на троне – первый прием политехнологии» [19, с. 140]. Шекспир сделал это настолько искусно, что с момента создания портрета «все властолюбцы мира ему соответствуют. Все узурпаторы и тираны, известные истории – от древнейшей до новейшей» [19, с. 142].

Углубляясь в тему, Пумпянский показывает, что «секрет успеха властолюбцев – не только в выдающейся порочности личности. Тут уж никак не обойтись без особой порочности общественного устройства. Некоторые режимы просто созданы для этого. Хорош авторитаризм любого толка <...> Идеальный фон для шекспировских страстей – диктатура: разгуляться можно аж до войн и геноцидов» [19, с. 142–143].

Остроумная, великолепно написанная статья заканчивается «рационализаторским» предложением (у Шекспира герой в критический момент готов отдать все царство за коня: «A horse! A horse! My kingdom for a horse!»): «А что, если неистовым властолюбцам предлагать эту сделку с самого начала? Коня! И на все четыре стороны... Сколько выгоды это принесло бы человечеству... А то жди потом пятьсот лет, пока горбатого могила исправит» [19, с. 143].

Наталья Исаева поделилась размышлениями о заново пересказанном «Макбете» Арианы Мнушкиной в знаменитом «Театре Солнца» («Théâtre du Soleil»). Ариана занималась в мастерской Жака Лекока, стремившего развернуть театр от текста и «литературной» драматургии к опыту переживания и подвижной зрелищности. Ее работа – на стыке с социальной миссией, коллективной психологией и пропагандой. О «Макбете» режиссер мечтала давно, сделала свой

собственный перевод, идя против французских клише: «...обычно Шекспир у французов – он немножко такой облагороженный, уразуменный и причесанный, чуть-чуть просвещенный и смягченный. Бонтонный...» [20, с. 148].

Виктор Березкин в статье «Шекспир и Бархин» рассказывает о С.М. Бархине (род. 1938), сценографе, художнике, оформившем более 150 постановок (оперы, балеты, драматические спектакли), в том числе «Двенадцатую ночь» (Горьковский ТЮЗ, 1972), «Ромео и Джульетту» (Театральное училище им. Б. Шуккина, 1975), «Кориолан» (Театр на Таганке, 1986), «Макбет» (Хельсинки, 1997). В эскизном воплощении остались «Сон в летнюю ночь» и «Тит Андроник». В 2013-м в Московском ТЮЗе – «в пространстве Сергея Бархина» – Кама Гинкас поставил авторскую композицию на темы шекспировских трагедий «Шуты шекспировы».

Об экспериментах Бархина читать интересно – и больно. Размышляя о «Короле Лире», он откровенен: «На понимание режиссера не рассчитываю» [21, с. 172]; «Кориолан» «прошел один раз, и декорации немедленно были уничтожены» [21, с. 172]. Не получило поддержки предложение о строительстве в Москве деревянного театра «Глобуса», где исполнялись бы только пьесы Шекспира.

Кирилл Разлогов в обзоре «Планета Шекспира» освещает тему Шекспира в кинематографе. Лаконичные разделы охватывают ключевые эпохи, начиная с немых и короткометражных лент 1898–1920-х до видеоигр. В популярной базе данных по мировому кино в Интернете IMDb – 1288 экранизаций произведений Шекспира.

Литература

1. Фридштейн, Ю. «У Англичан один Шекспир!» / Ю. Фридштейн // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 22–23.
2. Ярошенко, В. Поэт и король / В. Ярошенко // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 7–9, 112–116.
3. Шекспир, В. Трагическая история Гамлета, принца Датского / В. Шекспир; пер. и прим. В. Поплавского // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 24–78.
4. Кантор, В. Гамлет как христианин / В. Кантор // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 118–131.
5. Шайтанов, И. Тенденции и интенции отечественного шекспироведения / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2012. – № 2. – С. 456–275.
6. Шайтанов, И. Комментарий к переводам, или Перевод с комментарием / И. Шайтанов // Иностранная литература. – 2014. – № 9. – С. 264–278.
7. Бейт, Дж. Из уважения к истине / Дж. Бейт; пер. Е. Доброхотовой-Майковой // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 216–223.
8. Мантел, Х. О книге Джеймса Шапиро «Сломанные копья, или Битва за Шекспира» / Х. Мантел; пер. Екатерины Кузнецовой // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 224–228.
9. Шапиро, Дж. Сломанные копья, или Битва за Шекспира. Главы из книги / Дж. Шапиро; пер. Ольги Башук // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 229–249.
10. Стюарт, Д. Быть или...: Величайшая шекспировская подделка. Глава из книги «Мальчик, который не стал Шекспиром» / Д. Стюарт; пер. Е. Доброхотовой-Майковой // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 250–260.
11. Гринблатт, С. Свобода Шекспира. Фрагмент одноименной книги / С. Гринблатт; пер. Т. Казавчинской // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 7–11.

12. Грин, Г. Доблесть нелояльных. Речь на вручении Шекспировской премии в Гамбургском университете, 1969 / Г. Грин; пер. Виктора Голышева // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 12–16.

13. Честертон, Г.К. Четыре эссе / Г.К. Честертон; пер. Т. Казавчинской, А. Ливерганта // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 17–29.

14. Стрэчи, Л. Последние пьесы Шекспира. Эссе из сборника «Книги и герои» / Л. Стрэчи; пер. Т. Казавчинской // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 77–83.

15. Оден, У.Х. Зеркало и море. Комментарий к «Буре» Шекспира. Фрагмент поэмы / У.Х. Оден; пер. и вступ. Анто-на Нестерова // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 84–96.

16. Хьюз, Т. Шекспир и Богиня Полноты бытия. Фраг-менты книги / Т. Хьюз; пер. и вступ. Антонины Мясниковой // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 97–108.

17. Гринуэй, П. Интервью / П. Гринуэй; пер. Светланы Силаковой // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 109–127.

18. Кристел, Д. Языковое дерзание. Из книги «Рассказы об английском» / Д. Кристел; пер. Марка Дадына // Ино-странная литература. – 2014. – № 5. – С. 132–137.

19. Пумпянский, А. Власть как вождение. иденти-фикация Ричарда III / А. Пумпянский // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 138–143.

20. Исаева, Н. «Где нам сойтись? – На пустыре!» Зано-во пересказанный «Макбет» Арианы Мнушкиной / Н. Исае-ва // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 144–153.

21. Березкин, В. Шекспир и Бархин / В. Березкин // Вестник Европы. – 2014. – Том XL. – С. 166–173.

Рецензент – С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ.

L.V. Yegorova

SHAKESPEARE 2014: RUSSIAN MAGAZINES REVIEW

In 2014 and 2016 Great Britain and all the world celebrate the 450th and 400th anniversary of William Shakespeare with series of events, festivities, publications. Russian magazines (*Vestnik Evropy*, *Voprosy Literatury*, *Inostrannaya Literatura*) are not an exception. Their special Shakespeare issues and publications are reviewed in the article.

W. Shakespeare, 2014, *Vestnik Evropy*, *Voprosy Literatury*, *Inostrannaya Literatura*.

УДК 82-1/-9

А.Н. Ларионова

Череповецкий государственный университет

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ПОВЕСТИ А.А. ГРИГОРЬЕВА «ЛИСТКИ ИЗ РУКОПИСИ СКИТАЮЩЕГОСЯ СОФИСТА»

В статье рассмотрено произведение А.А. Григорьева «Листки из рукописи скитающегося софиста» с точки зрения его жанровой принадлежности. Сделан вывод о том, что повесть А.А. Григорьева «Листки из рукописи скитающегося софиста» имеет основные черты жанра дневника: текст представляет собой монолог по форме изложения, направленный от автора к самому себе, без признаков литературной отделки; описание событий делается с небольшого временного удаления, присутствует нумерация глав, каждая из которых представляет собой рассказ о событиях одного дня; описываемые события соответствуют реальным фактам.

Жанр, хронотоп, дневник, А.А. Григорьев.

Повесть А.А. Григорьева «Листки из рукописи скитающегося софиста» представляет собой художе-ственно обработанный дневник писателя. А.А. Гри-горьев создал его вскоре после окончания универси-тета, ориентировочно в 1843–1844 годах. Жизненной основой дневника стали события, связанные с первой и наиболее яркой любовью автора – Антониной Фе-доровной Корш.

История драматической любви А.А. Григорьева к А.Ф. Корш, по данным исследователей творчества

писателя, такова. В год окончания Московского уни-верситета, в 1842 г., А.А. Григорьев знакомится с се-страми Корш – Антониной и Лидией – и страстно влюбляется в первую. Однако вскоре у него появляет-ся опасный соперник – К.Д. Кавелин, ставший впо-следствии известным историком. К тому времени К.Д. Кавелин уже подготовил магистерскую диссер-тацию, был уверенным в себе человеком, ясно пред-ставлял свое будущее, в то время как А.А. Григорьев еще только закончил университет и не имел четких

ориентиров в жизни. А.Ф. Корш предпочла значительно более ясное и спокойное будущее, остановив свой выбор на сопернике А.А. Григорьева. 24 февраля 1844 г. К.Д. Кавелин защитил диссертацию, а 25 февраля А.А. Григорьев подал прошение ректору об отпуске и уехал в Петербург.

Именно в Петербурге А.А. Григорьев написал произведения, в которых постоянно «просвечивает» его безответная любовь к А.Ф. Корш: трилогию «Человек будущего», «Мое знакомство с Виталиным», «Офелия». Их созданию предшествовала повесть «Листки из рукописи скитающегося софиста», целиком посвященная истории взаимоотношений автора и Антонины.

Исследователи творчества А.А. Григорьева отмечают переключку заглавия дневника с произведениями других авторов: «Путевые очерки» Р. Шатобриана, «Письма путешественника» Ж. Санд, «Путевые картины» Г. Гейне, а также «Фантазии в манере Калло» Гофмана, которые имеют подзаголовок «Листки из дневника странствующего энтузиаста». Б.Ф. Егоров говорит о том, что «скорее всего, именно у Гофмана заимствовал А.А. Григорьев заглавие своего первого прозаического произведения “Листки из рукописи скитающегося софиста”» [4, с. 350]. Путешественник-скиталец являлся распространенным типом героя в литературе в романтическую эпоху, а путевые заметки, очерки, дневники, фиксирующие его впечатления и размышления, становятся характерным жанром в литературе первой половины XIX века.

По своему предназначению дневник более всего ориентирован на общение пишущего с самим собой, то есть предполагает монолог как форму изложения, направленную от автора к самому себе, без признаков литературной отсылки. Согласно теории современного исследователя, основными признаками жанра дневника являются следующие: «1) текст неокончательно обработанный (всегда предполагающий возможность возвращения к нему, внесения правки); 2) описание событий делается с небольшого временного удаления (в идеале, не более одного дня, собственно отсюда и достаточно прозрачная внутренняя форма слова – *дневник*); 3) человек пишет его сам, 4) для «внутреннего употребления», обращаясь как бы к самому себе; 5) описываемые события соответствуют реальным фактам, которым сам автор являлся близким свидетелем; 6) текст нарезан датированными отрывками» [6, с. 11]. Все эти черты жанра дневника мы обнаруживаем в «Листках из рукописи скитающегося софиста», за исключением датировки: отрывки в произведении пронумерованы римскими цифрами, но даты не указаны.

Повесть начинается с главы XX, что является оправданным, т.к. в названии произведения присутствует слово «листки»: автор намекает читателю на то, что перед ним всего лишь часть дневника молодого человека. Исследователи творчества А.А. Григорьева отмечают тот факт, что «Единство и беловая ровность почерка исключают возможность предположения, что перед нами дневник (имеется в виду оригинал, а не художественное произведение. – *А. Л.*); если таковой и велся, то в каком-то черновом варианте» [3, с. 399]. Утраченные главы можно приблизительно восстановить по рассказу «Мое знакомство с Виталиным»,

содержание которого соответствует тем же событиям и тому же времени (1843–1844 гг.). Заканчивается произведение в тот момент, когда главный герой покидает отчий дом и уезжает в Петербург, где у него начнется новая, самостоятельная жизнь.

Время, представленное в дневнике героя, – настоящее время, с рассуждениями о только что свершившихся событиях, случившихся в тот же день, когда автор дневника их фиксирует, либо это события, произошедшие накануне. Однако иногда главный герой, размышляя над чем-либо, обращается к воспоминаниям о давно минувшем: «Я забылся, мне хотелось верить, что она меня любит <...> мне припомнились первые мечты моей любви к ней, тихие, святые мечты, – благородные надежды пройти с ней путь жизни...» [3, с. 91]. Вообще, для жанра дневника характерно описание только что произошедших событий. Время событий, описываемых в дневниках, наиболее приближено к реальному времени, когда эти события происходили с главным героем. Об этой особенности дневников, как одного из жанров эго-документа, говорит М.Ю. Михеев: «Текст должен быть помечен тем же днем (вечером, ночью), когда делается запись, на следующее утро или, в крайнем случае, спустя несколько дней» [6, с. 7]. Как нами было отмечено, в «Листках...» не указываются даты, однако присутствует нумерация глав, каждая из которых представляет собой рассказ о событиях одного дня. Причем описание событий делается с небольшого временного удаления, не более одного дня, в отличие, например, от мемуаров, к написанию которых автор обычно обращается в конце своей жизни; размышляя над своей судьбой, автор воспоминаний может рассказывать о том, что происходило с ним десятки лет назад.

Категория времени в произведении неразрывно связана с категорией пространства. В нашем исследовании мы будем опираться на точку зрения М.М. Бахтина, рассматривая пространство как составную часть хронотопа, понимаемого как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234]. Хронотоп мы понимаем как «формально-содержательную категорию литературь», выражающую неразрывность пространства и времени. Иначе говоря, «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [1, с. 235].

Пространство в дневнике представлено, в основном, домом главного героя (родительский дом в Москве) и домом его возлюбленной. Лишь несколько глав нарушают эту пространственную закономерность в произведении: гл. 29 – вечер у Менщикова, гл. 31 – посещение театра. Однако нигде нет описания зданий, интерьеров, пейзажных зарисовок. О том, где находится герой, мы узнаем из краткого замечания, вроде: «Дядя еще не спал, когда я воротился домой» [3, с. 84] или «когда я зашел нынче к m-me Korsch» [3, с. 84], «нынче в последний раз смотрел «Роберта» – и видел в бельэтаже madame Кум<анин> с Лидией...» [3, с. 89]. Мир, представленный в дневнике, – это события личной жизни героя, а также его переживания. Здесь мы не найдем описания эпохи, историче-

ских событий, как это происходит, например, в воспоминаниях А.А. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества». Дневник, как отмечают исследователи, обычно пишется для «внутреннего употребления» [6, с. 7], где автор обращается как бы к самому себе, размышляя над жизненными вопросами, наиболее волнующими его в данный период времени. Для героя «Листков...» такими вопросами становятся отношения между мужчиной и женщиной, а также положение человека в обществе.

«Листки из рукописи скитающегося софиста» – это дневник романтически настроенного, постоянно рефлексирующего молодого человека, размышление по поводу происходящих вокруг главного героя событий, а точнее, событий, *переживаемых* героем повести. Основной задачей создания «Листков...», следуя классификации М.Ю. Михеева, на наш взгляд, будет «релаксационно-терапевтическая функция», когда «дневник нужен человеку для снятия эмоционального и нервного напряжения в процессе вербальной рационализации переживаний» [6, с. 83]. Скорее всего, А.А. Григорьев, захваченный любовными переживаниями, нашел *отдушину* в написании дневника, где смог проанализировать свои поступки и переживания, не имея, по всей видимости, возможности поделиться своими мыслями с кем-то из близких людей. Таким образом, мы обнаруживаем еще одну из важных черт жанра дневника: он создается автором с целью разобраться в своих собственных поступках и чувствах, как разговор с самим собой.

В заглавии произведения слово «скитающегося» присутствует далеко не случайно. Автор не столько перемещается в пространстве, сколько осуществляет поиски внутреннего «я». Рассуждая о своей жизни, он с грустью констатирует тот факт, что вся его жизнь прошла в мечтах, которые не были реализованы. Герой повести постоянно обращается к аналогии из жизни героев литературных произведений, огромное количество которых он прочел в пору своей юности: «Все, что я ни чувствую – я уже все это перечувствовал давно жизнью снов, жизнью воображения. Все это я знаю наизусть – и вот это скучно. Измученный лихорадочною жизнью снов, я приношу в жизнь действительную одно утомление и скуку» [3, с. 83].

Заглавие произведения, являясь «сильной позицией текста» [7, с. 17], будучи отделено от «основного корпуса текста» [7, с. 27], служит его «смысловой, тематической и композиционной доминантой» [7, с. 27]. Таким образом, уже название «Листки из рукописи скитающегося софиста» сразу настраивает читателя на определенный, романтический, тип повествования, особую тематику произведения, в основе которой лежит неразделенная любовь главного героя и его социальная неустойчивость.

Повествовательная манера автора дневника тяготеет к фрагментарности. Рассказчик не останавливается на подробном описании действительности. Все события в произведении выстраиваются в хронологически последовательную цепь и даются глазами главного героя, голос которого не отделим от голоса автора. Поэтому повествование носит субъективный характер. В раскрытии образа главного героя А.А. Григорьев опирается на романтическую традицию. Авто-

биографический герой наделен способностью к самоанализу. Он смотрит на себя со стороны, критически оценивает свои слова и поступки.

Главные из них – в традициях дневникового жанра – связаны с его личной жизнью. Герой повести – влюбленный молодой человек – находится в постоянном напряжении, переживаниях, с трудом контролирует поведение. Свое нынешнее положение, когда он не может справиться с эмоциями, главный герой объясняет любовью к Нине, захватившей целиком все его существование: «Мне было все гадко и ненавистно, кроме этой женщины, которую люблю я страстью бешеной собаки» [3, с. 84]. Именно это чувство, а также постоянное присутствие соперника делает героя слабым, зависимым: «Моя страсть к ней дошла до последней степени самоотречения» [3, с. 85]. Любовь воспринимается главным героем как страдание, самопожертвование, подчинение возлюбленной. Таким образом, счастье в любви для него невозможно, поскольку он говорит о том, что «я хорош только тогда, когда могу примириться (быть первым)» [3, с. 89], а в отношениях с любимой женщиной ему это не удастся, поскольку он весь отдается чувствам и переживаниям, становясь заложником своих страстей.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что произведение «Листки из рукописи скитающегося софиста» А.А. Григорьева заключает в себе основные черты жанра дневника.

Во-первых, он адресован действительно только самому себе, о чем свидетельствует эмоционально окрашенное словоупотребление, с постоянными вопросами, обращенными к автору дневника.

Во-вторых, это текст о себе самом, то есть «имеющий своим объектом обстоятельность жизни самого автора» [6, с. 283], о чем свидетельствуют данные биографии А.А. Григорьева. Содержание рассматриваемой нами повести ориентировано на реальные события из жизни автора произведения, что также является одной из основных характеристик жанра дневника.

В-третьих, это «пульсирующий текст» [6, с. 286], фрагменты которого отделены друг от друга нумерацией глав. Зафиксированные события происходят в тот же день (вечер, ночь), когда была сделана запись.

Также одной из важных доминант служит еще «до-литературная спонтанность дневника, его неокончательная отделанность» [6, с. 153], это так называемый эго-текст, или пред-текст (перво-текст), который можно считать «неким черновиком сознания». Смыслообразующим центром здесь выступает не предназначенный никому другому, нужный прежде всего только одному автору дневник, причем как некое «самодисциплинирующее, автодидактическое устройство» [6, с. 81].

Все вышеуказанные черты жанра дневника мы находим в произведении А.А. Григорьева «Листки из рукописи скитающегося софиста».

Литература

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Виттакер, Р. Последний русский романтик: Аполлон Григорьев (1822–1864) / Р. Виттакер; пер. с англ. М.А. Шерешевской. – Санкт-Петербург, 2000.

3. Григорьев, А. Воспоминания / А. Григорьев; под ред. Б.Ф. Егорова. – Ленинград, 1980.
4. Егоров, Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева / Б.Ф. Егоров // Григорьев А. Воспоминания / под ред. Б.Ф. Егорова. – Ленинград: Наука, 1980. – С. 337–367.
5. Майков, В.Н. Сочинения в 2-х т. / В.Н. Майков. – Киев, 1901. – Т. 1. – С. 13.

6. Михеев, М.Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст / М.Ю. Михеев. – Москва, 2006.

7. Николина, Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие / Н.А. Николина. – Москва: Флинта Наука, 2002. – 424 с.

Рецензент – Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ.

A.N. Larionova

GENRE FEATURES OF THE *PAGES FROM THE MANUSCRIPT OF A WANDERING SOPHIST* STORY BY A.A. GRIGORYEV

The article considers the *Pages from the Manuscript of a Wandering Sophist* story by A.A. Grigoryev in aspect of genre affiliation. It is concluded that the *Pages from the Manuscript of a Wandering Sophist* story by A.A. Grigoryev has the basic features of a diary. The form of presentation of the text of this story is a monologue addressed by the author to himself with no proofs of literary devices use; events are described from insignificantly remote time perspective; the story is divided into numbered chapters and each of them narrates about the events of a single day; events which are described in the story correspond to the real facts.

Genre, chronotope, diary, A.A. Grigoryev.

УДК 82.09

Ю.В. Розанов

Вологодский государственный университет

ОЧЕРК А.М. РЕМИЗОВА «ЦЕНТУРИОН»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

В статье рассматривается мемуарный очерк А.М. Ремизова «Центурион», посвященный памяти И.С. Шмелева, как в содержательном аспекте, так и в плане поэтики. Особое внимание уделено контексту произведения, включающему в себя специфику личных отношений названных писателей и малоизвестные реалии литературной жизни русской эмиграции в послевоенные годы.

«Первая волна» эмиграции, культурно-исторический контекст, комментарии, ирония, русский литературный язык.

Творчество И.С. Шмелева и А.М. Ремизова уже не раз становилось предметом сравнительного рассмотрения как в плане историко-философских концепций, так и в плане поэтики¹. В центре нашего внимания мемуарный очерк Ремизова о Шмелеве «Центурион» – единственный развернутый отзыв одного писателя о другом.

Над очерком о Шмелеве Ремизов работал в 1951 году, предполагая напечатать его к первой годовщине смерти писателя, однако к скорбной дате закончить его не успел. 16 августа того же года он написал Н.В. Резниковой: «Я не забываю о тексте, сейчас кончил о Шмелеве» [5, с. 85]. «Центурион» был опубликован в нью-йоркской газете «Новое русское слово» только 5 октября 1952 года, очевидно, к дню рождения Шмелева. При жизни автора состоялись еще две публикации – в 1953 году в мемуарной книге Ремизова о «русском Париже» «Мышкина дудочка» и под редакторским названием «Отрывок из воспоминаний» и со значительными купюрами в 1956 году в мемориальном сборнике «Памяти Ивана Сергеевича Шмелева»².

¹ Павловский А.И. Две России и единая Русь (художественно-философская концепция России – Руси в романах А. Ремизова и И. Шмелева эмигрантского периода) // Русская литература. 1995. № 2. С. 47–71; Карпенко И.Е. Мифопоэтическое пространство автобиографической прозы Ивана Шмелева и Алексея Ремизова // И.С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века: сборник материалов международной научной конференции. Симферополь, 1999. С. 59–61; Блищ Н.Л. А.М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия. Минск: БГУ, 2013. С. 63–72.

² Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж: Оплешник, 1953. С. 151–158; Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. Мюнхен, 1956. С. 61–64.

В композиционном отношении текст «Центуриона» делится на две части: конспективный «очерк жизни и творчества», включающий субъективные оценочные характеристики, и заключительный «анекдот», основанный на реальном эпизоде из послевоенной жизни писателей. В первой части произведения автор последовательно соблюдает параллелизм писательских судеб, заявленный в коротком вступлении: «Вспоминая Шмелева, говорю и о себе, потому что оба мы вышли на свет Божий в литературу, родились и росли на одной земле» [7, с. 128]. Такой «поколенческий» подход требует небольшого уточнения. Ремизов пишет: «Шмелев старше меня на два года, – два года не в счет, смотрю на него как на сверстника» [7, с. 128]. Мемуарист полагает, опираясь на слова самого Шмелева, что писатель родился в 1875 году. (Сам Ремизов родился в 1877 г.) Известно, что Шмелев неоднократно уменьшал свой настоящий возраст. В письме к О.А. Бредиус-Субботиной от 14 октября 1941 года он, например, делает себя моложе сразу на четыре года: «Да, мой возраст. Я родился в 77, как твой папочка, 20 сент.» [10, с. 158]. Такое, как кажется, максимальное расхождение с истинной датой объясняется особенностями эпистолярного романа с молодой женщиной. Ремизову же Шмелев сообщил не такую фантастическую, но тоже не подлинную дату своего рождения. (Невольная ошибка писателя не отмечена современными комментаторами «Мышкиной дудочки».)

Более широкий контекст требуется для правильного понимания другого высказывания Ремизова. В первой части очерка автор выносит резкий и, как кажется, несправедливый приговор своему герою: «Шмелев далек искусству слова» [7, с. 130]. Свой выпад Ремизов пытается смягчить и самоуничижительной формулой, стоящей в начале текста, т.е. в сильной позиции («Я не сравниваю себя со Шмелевым... – имя Шмелева большого круга»), и использованием местоимения «мы» в непосредственно предшествующей суровому вердикту фразе («Мы “такари” и “потомули”, для нас первое смысл, а как написано... не спрашивается»), и лестным сопоставлением Шмелева с Толстым в последующем абзаце («Хороша метель у Толстого, и Шмелевская хороша») [7, с. 128, 130]. Но все было тщетно: большинство читателей и критиков расценили заявление Ремизова как грубость, особенно неуместную по отношению к недавно умершему писателю. Многие в этой непростой ситуации объясняют взгляд Ремизова на генезис русского литературного языка. Писатель искренне считал, что язык русских писателей начиная с XVIII века стал развиваться не по канонам «природного лада русской речи», а по нормам иностранных грамматик, следовательно, все наши писатели писали и пишут «не совсем по-русски». В последние годы жизни Ремизова эти «обличения» стали особенно резки, что немало смущало и раздражало коллег по цеху. В сентябре 1954 года Г. Адамович с нескрываемым злорадством сообщал Вере Буниной: «Зато читал я новую книгу Ремизова, где одна фраза начинается так: “Словесно-бездарный Толстой...” Адамович чуть не получил удара, когда я ему этот пассаж показал» [1, с. 125]. В этом контексте резкость Ремизова становится более понятной.

Параллелизму писательской судьбы Шмелева со своей собственной жизнью в литературе Ремизов находит символическое и, вместе с тем, остроумное выражение. Он обыгрывает адреса домов в Москве и в Париже: «Оба мы замоскворецкие, одной заварки: купеческие дети³. И домами соседи: дом подрядчика Шмелева и дом второй гильдии купца Ремизова, а между нами исторический Аполлона Григорьева (Аполлон Александрович Григорьев, 1822–1866, “органическая” критика, что по-современному “экзистенциальная”»)» [7, с. 128]. «Последние годы мы, как когда-то в Москве, снова сошлись на одной улице – я в № 7 Буало, Шмелев на другом конце – 91-ый. Между нами до оккупации Сирин-Набоков (№ 73)» [7, с. 131]⁴.

Ремизов как бы подчеркивает, что они со Шмелевым на одной улице русской литературы, но не рядом, не в одном стилевом русле. Между ними и существенные различия («экзистенциальная критика»), и новое поколение русских писателей в лице В. Набокова. Эти разделители, быть может, и случайны, но они есть.

Ремизовская добродушная ирония по отношению к Шмелеву появляется уже в первой части очерка. Автор замечает, что его герою было свойственно какое-то «необыкновенное пристрастие» к титулованным и высокопоставленным лицам: «У него голос менялся: “вчера весь вечер читал мой рассказ Великому Князю”. Или “зашел ко мне генерал Деникин”» [7, с. 132]. Ремизов использует эту невинную слабость Шмелева для небольшой мистификации в своем духе: он раздает простым русским женщинам, которые жили неподалеку и вели его хозяйство, различные титулы и в таком качестве представляет их Шмелеву: «И чтобы доставить удовольствие, я всегда в письмах прибавляю титул: “Баронесса Екатерина Даниловна Унбегаун”, Нина Григорьевна Львова – “княжна Львова”, Анна Николаевна Полякова – графиня...». Однажды, когда Анна Николаевна, посланная по какому-то делу к Шмелеву, вернулась от него, между ней и Ремизовым состоялся такой разговор: «“Ну, как, говорю, Иван Сергеевич?” – “Очень любезен. Только неловко: всё меня графиня-графиня. Вы ему что-нибудь написали?” – “Ничего не писал, это он из уважения”» [7, с. 132].

Не должен остаться без внимания комментатора и заключительный почти комический эпизод «Центуриона», давший название очерку. Сюжет его в кратком изложении таков. Жаркий летний день в послевоенном Париже. (Косвенным указанием на 1946 год являются слова: «...тогда еще можно было получать из Америки посылки без пошлины».) В ремизовской

³ В письме к Ю.П. Одарченко от 23 августа 1949 года Ремизов уточняет свое сословное происхождение: «Муфтий [И.А. Бунин] путает меня со Шмелевым, но он не представляет себе, из какой я культурной семьи, да миллионеров, но ничего общего с Островскими традициями» (Письма А.М. Ремизова к Ю.П. Одарченко / публикация А.М. Грачевой // Наше наследие. 1995. № 33. С. 99).

⁴ По-своему эту топографическую близость российских писателей в Париже отмечает Б.К. Зайцев в мемуарном очерке «Возвращаясь от веношной»: «Я довольно давно заметил, что четыре старых русских писателя, все из Москвы, все Россией рожденные и в ней сложившиеся, живут по линии метро Pont de Sevres – Motreuil. Бунин ближе всех к центру, затем Ремизов, Шмелев, дальше всех я». (Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1999. Т. 6 (дополнительный). С. 254.)

квартире на улице Буало обычные посетители из ближайшего окружения писателя. Легкий сюрреалистический налет происходящему придает присутствие странного литератора Владимира Унковского по прозвищу «Африканский доктор», который читает хозяйну дома свои «черные авантюры», воспоминания о жизни в Дагомее: «Как сейчас вижу покойного короля.., я сижу в его экзотическом дворце: так я – так король, друг против друга, и пьем пальмовую водку...» [7, с. 133]. Этому ремизовскому другу и персонажу нескольких книг писателя критик Андрей Седых дал такую характеристику: «Субъект придурковатый, всегда что-то монотонно бубнивший» [9, с. 109]. «Африканскую» идиллию нарушает появление необычайно оживленного Шмелева: «Без пальто и фланелевого шарфа, не жалуясь на подложечку, игриво сосредоточенный, словно апельсин чистя, вошел он в “кукушку” [в комнату с часами-кукушкой] <...> Он только что окончил поэму “Центурион”. – “Вы прочтете?” – Но он и без моего, не присев, остался вдохновенно стоять... Солдаты, проходя мимо храма Весты, решили переночевать. При храме живут весталки. Таинственные рощи окружают храм. Так начинается поэма – ритм стихов в марш. <...> И в эту минуту, когда целомудренные весталки начали, как скажет княжна Львова, гуртом “отдаваться” грубой силе солдат и комната зазвучала на голоса птичника, Шмелев мастер по-птичьему, вошел Вадим Андреев. <...> Шмелев оборвал измученную экстазом перепелку. <...> В память друга и его сына-поэта Шмелев снова начал свой марш Центуриона: солдаты, проходя мимо храма Весты, решили переночевать. <...> Для Андреева Шмелев читал – в ударе. И перебесилась ночь. С какой нечаянной радостью встретили весталки утро. С песнями покинули солдаты храм Весты». В этот момент появляется новый гость – друг и сосед Ремизова востоковед Василий Петрович Никитин. Продолжая игру в титулы, писатель представляет нового гостя как очень важную персону: «...бывший умрийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир обезвельволпала». «И когда я познакомил Шмелева со знатным, большой был соблазн снова начать Центурион. И если бы не африканский доктор – африканский доктор напомнил Шмелеву, что аптеки скоро закроются, и Шмелев вдруг схватился и заспешил: он всегда принимал какое-нибудь лекарство и когда болело и для предупреждения» [7, с. 134]⁵.

Эротическая поэма Шмелева, на исполнении которой автором Ремизов и построил свой анекдот, долгое время была неизвестна исследователям. Ее полный текст был обнаружен в письмах писателя. Поэма называется не «Центурион», как запомнилось Ремизову, а «Петухи». Хотя и центурион в ней фигурирует: «В тот безумный час разгула, / сея топ, и бряк, и звон, / шла когорта с караула, / вел ее центурион» [11, с. 491]. Это произведение, столь нехарактерное для «православного писателя», может быть правильно

понято только в контексте романа в письмах с молодой поклонницей Шмелева Ольгой Бредиус-Субботиной, которой «Петухи» и были посвящены. Историю создания поэмы и свое собственное состояние в эти дни Шмелев достаточно подробно описывает в письме от 17 августа 1946 года, уже после того, как произведение было доставлено адресату: «Не разжигаю я в себе похоть... ты *так* (здесь и далее выделено Шмелевым. – Ю. Р.) владеешь мною, *зовя* меня (так и слышу в себе, в теле, и оно слышит и так отзывается). <...> Толкнувший твоим письмом (от 3-го?) где ты писала, что можешь быть весталкой, я в думах о тебе (я все звал тебя, почему-то, лежа на диване (твоём), стал думать о весталках... об Овидии (его “Метаморфозах”) и – прошептал первые строчки: “Вечер марта, в храм весталок...” и т.д. Меня завлекло, я сел к столу (10-го вечером) – и, все *зовя* тебя, написал все почти. <...> Я горел, сгорал... я *видел* тебя... я *брал* тебя. И всю половину ночи я был с тобой» [11, с. 505]. Впрочем далее Шмелев сообщает, что потом он несколько смягчил «метаморфозу», а то «первый вариант был почти что непристойный». Но и смягченная редакция поэмы напугала возлюбленную писателя. В ответном письме ощущается тревога по этому поводу: «“Петухи” я (не обижайся), не перечтя 2-ой раз, подальше убрала. Я знаю, что они многое погубят» [11, с. 513]. Удивительно, что эту интимную, для двоих предназначенную вещь Шмелев счел возможным прочесть публично. Но такова уж природа художника... Послал писатель «Петухов» и своему другу «православному философу» Ивану Александровичу Ильину. (Причем в том же самом письме от 4 ноября 1946 года, в котором давалась оценка творчества Ремизова.) В сопроводительной записи Шмелев представил поэму простой шалостью, но при этом прозрачно намекнул на истинную причину ее возникновения: «А пока, чая, что Вы, милые в горах и высях, потешу Вас (только Вас: Наталии Николаевне “запрещено цензурой”!). Вы, м.б., и распекете меня, и все же и поулыбнетесь... Но – это передышка моя, разгулка. И почему такое вышло?.. Очевидно, по Фрейду (шулеру, вообще!), “разряжение комплекса”» [2, с. 445–446]. И, хотя в посланном Ильину варианте были убраны все упоминания о Бредиус-Субботиной (сняты оба посвящения), проницательный философ, конечно, догадался обо всем. Ольге Александровне Шмелев по понятным причинам ничего не написал ни о своем чтении у Ремизова, ни о посвящении в «тайну» Ильина.

Эта история, похоже, через полгода косвенно отразилась в переписке Шмелева и Бредиус-Субботиной. Ильин, проживающий в Германии, сообщил Шмелеву, что Ольга Александровна, живущая с мужем в Голландии, просит у него парижский адрес Ремизова: «Зачем это Ольге Александровне адрес Ремизова? Не дам, не пошлю. Он перешел на сторону мучителей, а почему и зачем он это сделал, это мне безразлично» [3, с. 71]. Ремизов в конце 1946 года принял советское гражданство, что испортило его отношения не только с Ильиным и Шмелевым, но и с очень многими представителями русской диаспоры. В дневнике Ремизова появляется горькая запись: «Из 1947 г. Мне памятливы три крепких отзыва: “ретро-

⁵ В.П. Никитин позднее вспоминал, что встречал Шмелева у Ремизова «во время гитлеровской оккупации и с удовольствием слушал его русскую речь». (Никитин В.П. «Кукушкина» (памяти А.М. Ремизова). Воспоминания // Ремизов А.М. Павлиным пером. СПб., 1994. С. 222.)

град”, “подлец”, “советская сволочь» [4, с. 90–91]. Здесь следует указать, что поначалу Шмелев, хорошо зная нетерпимость Ильина ко всему советскому, очень осторожно сообщил ему о «перемене» с Ремизовым. Шмелев так искусно расставил акценты, что Ремизов выглядел скорее жертвой советских спецслужб, чем «предателем и перебежчиком». По сути дела, Шмелев сочинил мелодраматическую историю о коварно обманутом советскими властями писателе-эмигранте, несколько изменив конкретные факты. В письме от 11 ноября 1946 года он рассказал ее Ильину: «Грустное известие... но должен осведомить, чтобы Вам не напереврали. Жалею человека сего. Ремизов взял сов<етский> пачпорт. Ему надо было узнать о дочери в Киеве. Сказали ему, – иначе не узнаете, без пачп<орта>. <...> Запутали человека... Дочь “умерла от разрыва сердца”, в октябре 43 г. – !!? <...> Не они ли и убили-то...?» [2, с. 493–494].

Известие, что его возлюбленная интересуется Ремизовым, вызвало сильный гнев писателя. 20 марта 1947 года Шмелев пишет Ильину: «Теперь о запросе Ольги Александровны. Взорвало меня! Меня она избегла, побоялась, что я “разгадаю” – “зачем”. Не посмела. И вот обходно. <...> Я ей разгонку у-стро-ю!.. Адрес-то она узнает в подсоветской газетчонке, напишет! <...> Я теперь и Ремизова не жалею. М.б. очень невысоким ведом был... – есть такие намечки» [3, с. 79]. На следующий день (21 марта) Шмелев пишет большое письмо возлюбленной, в котором и устраивает обещанную «разгонку». Он обвиняет Ольгу Александровну в нарушении этических норм. Она якобы хотела «выразить восторг» Ремизову по поводу доверенной ей Шмелевым рукописи книги Ильина «О тьме и просветлении» и получении им советского паспорта, а также по поводу предполагаемого возвращения писателя на родину. В связи с последним обстоятельством Шмелев излагает свой новый взгляд на Ремизова: «Я не видал его с 1 декабря – и не увижу; его дело – его, мое – мое. М.б. и из – “юродства”. М.б. и трагедия... – там-то он, вообще, как писатель не нужен, курить [в смысле курить фимиам советской власти] он не может. Да и “загораться”... – он сырой. Я... могу воспламениться...» [11, с. 619]. Признание в собственной возбудимости уже имеет прямое отношение к нашему основному сюжету – к очерку Ремизова «Центурион». Через день (динамика дат здесь имеет значение) Шмелев с удовлетворением сообщает Ильину о проведенной им педагогической работе: «И об “адр<есе> Р<емизова>” – внушение! <...> И – пять предположений! Из них одно – “выразить восхищение”? Всякий, конечно, может, его право. Но... “не ссылаясь на «О тьме и просветлении»”! – это было доверено! “Без согласия автора – нельзя”. Да и остальных предположений коснулся чуть: “сочувствие и одобрение по случаю «смены кожи»”..? и проч., словом, вон-зил!.. Надо же учить» [3, с. 86]. Педантичный писатель называет здесь «пять предположений», т.е. пять причин, по которым он был недоволен возможными отношениями между Бредиус-Субботиной и Ремизовым, но фактически раскрывает обоим своим корреспондентам только две из них. Третья причина и так совершенно очевидна – ревность. А вот четвертая или пятая, вполне вероятно, связаны с опасением

Шмелева, что Ольге Александровне, если у нее завяжется переписка с Ремизовым, станет известно о чтении «Петухов» на улице Буало.

В одном из процитированных здесь писем Шмелева говорится об эмоциональной холодности Ремизова – «он сырой». Действительно, стилизованная «под Овидия» эротика шмелевской поэмы не увлекла мемуариста, что и нашло отражение в тексте ремизовского очерка: «Выражаясь по-ученому, скажу мое впечатление: “драстические сцены – дериват эротического сюжета” мне показались такими скромными и без всякого матросского забора, все было построено не по “Луке”, а смахивало на “Карташева”...» [7, с. 133]. «Лука» здесь – это, конечно, знаменитый «Лука Мудищев» – анонимная поэма первой трети XIX века, написанная в стилистике грубой народной эротики, но в каком смысле следует понимать сравнение с Карташевым?

В эротическом контексте Серебряного века Антон Владимирович Карташев (1875–1960) может быть упомянут только в связи с его принадлежностью к т.н. «младшему гнезду» тайного братства Мережковских⁶. Ремизов мог знать об этой давней истории, поскольку его супруга Серафима Павловна входила в число «посвященных» и время от времени участвовала в собраниях этой группы. Но мог и не знать. Члены группы давали клятву о неразглашении тайны, да и вряд ли в интересах жены было рассказывать мужу подробности этого необычного союза. В пользу последней версии свидетельствует один из черновых текстов Ремизова: «Антон Владимирович Карташев и Василий Васильевич Успенский, пара: Карташев постный “шкилет”, Успенский – налитой “теля”. <...> Они ходили неразлучно – для оттенка. Оба студенты Духовной Академии Александро-Невской Лавры. На собраниях в Религиозно-философском обществе на них показывали пальцем: “непорочные девственники”. Среди передовых всякие “семейные устои” были о ту пору объявлены “буржуазным предрассудком” и всякий старался чем-нибудь отличиться. А вот на тебе: блюдут по заповеди “Домостроя” попа Сильвестра» [8, с. 226]. Раз Карташев для Ремизова своего рода символ «непорочной девственности», значит, сравнение эротической поэмы Шмелева с Карташевым является свидетельством ее неудачности. Целомудрие для эротического жанра – серьезный недостаток. Это в какой-то мере подкрепляется и другим упоминанием Карташева в ремизовских текстах. В книге «Взвиренная Русь» Ремизов рассказывает свой сон: «...мы живем в Зимнем дворце, там же и Иванов-Разумник. У меня в комнате замечательный ковер – красный пушистый бобрик. Карташев читает свою драму о кофе – “карташовский кофе”: первый кофе – настоящий, а когда воды подольют – “карташовский”. Бывшие царские лакеи обносят кофеем. Отхлебнул я – кофе карташовский! Карташев читает драму» [6, с. 152]. Карташевская эротика, как и его кофе, – не

⁶ Подробнее об этом: История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: из «Дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Павловой // Эротизм без берегов: сборник статей и материалов. М., 2004. С. 391–455.

настоящие. Примерно такой смысл можно извлечь из как бы случайного упоминания имени Карташова.

Рассмотренный эпизод иллюстрирует одну методологическую проблему, имеющую отношение к изучению литературы Серебряного века, да и других ярких периодов отечественной культуры. Те писатели, которым в молодости посчастливилось прикоснуться к уходящей великой эпохе, внедрили в общественное сознание идею о чуть ли не принципиальной непознаваемости «русского ренессанса». Тот, кто, по знаменитому выражению В.Ф. Ходасевича, не дышал «воздухом символизма», не может осознать всю глубину этого феномена. Если отвлечься от специфических коннотаций «воздушной метафоры», то станет понятно, что речь идет почти исключительно об информации. Что знали они о своем времени, и что знаем об этом мы? Априори считается, что современники знали больше. Н.А. Богомолов, рассуждая о качестве критических статей В.Я. Брюсова, замечал: «Он знал не только то, что знаем по большей части мы, – лежащие перед глазами тексты, – но и множество закулисных обстоятельств, влияющих на творчество иногда едва ли не сильнее, чем собственно творческие соображения»⁷. Все это так. Но надо учитывать, что за последние несколько десятилетий было опубликовано и введено в научный оборот большое число так называемых «человеческих документов» – писем, дневников, воспоминаний, содержащих часто совершенно закрытую для современников информацию, или же информацию, известную в свое время очень узкому кругу «посвященных». Можно предположить, что современный исследователь культуры прошлого даже более осведомлен о «закулисных обстоятельствах» изучаемой эпохи, чем сами творцы этой культуры. Рус-

ский Серебряный век, продолжившийся какое-то время в эмиграции, с его пристрастиями к «жизнетворчеству», игровым формам культуры, тайным обществам, настоящим и пародийным, в этом смысле особенно показателен.

Литература

1. И.А. Бунин: Новые материалы. – Москва: Русский путь, 2004. – Вып. 1. – 584 с.
2. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1935–1946) / И.А. Ильин. – Москва: Русская книга, 2000. – 576 с.
3. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1947–1950) / И.А. Ильин. – Москва: Русская книга, 2000. – 542 с.
4. Кодрянская, Н.В. Алексей Ремизов / Н.В. Кодрянская. – Париж: [Б.и.], 1959. – 328 с.
5. Резникова, Н.В. А.М. Ремизов. Начало 50-х годов / Н.В. Резникова // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. – Москва: Республика, 1994. – С. 82–87.
6. Ремизов, А.М. Взвихренная Русь / А.М. Ремизов // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Москва: Русская книга, 2000. – Т. 5. – С. 3–420.
7. Ремизов, А.М. Мышкина дудочка / А.М. Ремизов // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Москва: Русская книга, 2003 – Т. 10. – С. 3–176.
8. Ремизов, А.М. О понимании / А.М. Ремизов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1994. – С. 225–230.
9. Седых, А. Далекое, близкое / А. Седых. – Нью-Йорк: Новое русское слово, 1962. – 268 с.
10. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах: в 2 т. – Москва: РОССПЭН, 2003. – Т. 1. 1939–1942. – 760 с.
11. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах: в 2 т. – Москва: РОССПЭН, 2004. – Т. 2. 1942–1950. – 856 с.

Рецензенты: С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ, Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ, Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ.

Yu.V. Rozanov

A.M. REMIZOV'S *CENTURION*: TEXT AND CONTEXT

The article discusses A.M. Remizov's *Centurion* memoir essay, which is dedicated to the memory of I.S. Shmelev in both content and poetics aspects. Particular attention is paid to the context of the essay, which includes specificity of personal relationships between the writers and some little-known realities of the literary life of the Russian emigration in the postwar years.

«First wave» of emigration, cultural and historical context, commentary, irony, Russian literary language.

⁷ Богомолов Н.А. Жизнь среди стихов. Валерий Брюсов – критик современной поэзии // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 260. Подобные суждения встречаются в ряде современных исследований культуры Серебряного века.

Н.С. Дьякова

*Вологодская государственная
молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина*

НОВЫЕ ТОПОНИМЫ НА КАРТЕ ВОЛОГДЫ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01263

В данной статье анализируются структурно-семантические свойства нового ономастического разряда имен собственных – названий жилых домов и жилищных комплексов. Для обозначения данных объектов городской среды предлагается термин инсулоним. Собранный материал анализируется в ономасиологическом аспекте.

Топоним, урбоним, инсулоним, жилищный комплекс, принцип и способ номинации.

В последние несколько лет в нашем городе активно развивается отрасль строительства объектов недвижимости. Согласно статистике, в 2010 году в Вологде было сдано 138 тысяч квадратных метров жилья, в 2011 – 141 тыс., в 2012 – 147 тыс., в 2013 – 164,5 тыс., в 2014 году – более 185 тыс. В 2015 году введено в эксплуатацию 233 тыс. квадратных метров жилья, рекордное количество для города¹. Всего же в Вологодской области в 2015 году появилось 845 тыс. кв. м. новых площадей – по этому показателю наша область занимает девятое место в России и третье на Северо-Западе². Крупные строительные компании возводят не только отдельные дома, торговые центры, административные здания, но и целые жилищные комплексы (ЖК), включающие в себя много- или малоэтажную застройку, благоустроенную территорию: детские игровые и спортивные площадки, места для выгула животных, парковки автомобилей, мусорных контейнеров и др. Строительство ведется в непосредственной близости от городской инфраструктуры (магазины, аптеки, школы, поликлиники, остановки общественного транспорта, набережные рек, парки и др.). Иногда в планы застройщиков входит также сооружение детских садов и школ, создание скверов, парков, искусственных водоемов и др., в таком случае речь идет уже о строительстве целого микрорайона (ср. строящийся микрорайон «Зеленый город» в Вологде).

Строительные компании конкурируют между собой и прибегают к различным способам привлечения покупателей. Одним из них является создание благоприятного образа строящегося дома посредством номинации данного объекта. Например, на сайте Администрации города Вологды в разделе инвестиционных проектов представлен перечень жилищных комплексов с такими названиями, как: «Солнечный остров», «Речной квартал», «Юго-Западный», «Высота», «Звездный», «Твои окна», «Флагман», «Апельсин»,

«Зеленый город», «Три ветра», «Белозерский», «Южный», «Радуга»³.

Номинация городских объектов в настоящее время находится под пристальным наблюдением ученых (А.В. Суперанская, А.В. Беспалова, С.В. Земскова, Б.З. Букчина, И.А. Астафьева, Р.И. Козлов, Н.В. Шимкевич, Р.В. Разумов, Н.В. Носенко и др.) [1; 2; 5; 6; 10; 11; 13; 14; 15]. В связи с изменением характера собственности, возникновением конкуренции и рекламных технологий в сфере жилищного строительства изменился характер номинации данного типа объектов. В начале 2000-х гг. в Москве появились первые ЖК с названиями «Алые паруса» и «Братиславский». В Вологде возведение ЖК активно началось чуть больше 10 лет назад, пр: ЖК «Молодежный» (2003–2014 гг.), ЖК «Прибрежный (2003–2006 гг.), ЖК «Говорово» (2005–2008 гг.), ЖК «Гагаринский (2006–2011 гг.), ЖК «Вега» (2007–2008 гг.), ЖК «Петрозаводский» (2008–2009 гг.). В настоящее время их число растет год от года.

Целью нашей статьи является описание новой группы онимов, обозначающих объекты жилищного строительства внутри городской черты, с позиции ономасиологии. Материалом исследования стали названия жилых домов и жилищных комплексов города Вологды, выявленные путем сплошной выборки из рекламных объявлений по радио и в периодической печати, интернет-сайтов.

Развитию номинации в сфере строительства способствует желание застройщиков привлечь покупателей посредством создания положительного имиджа объекта продажи. Название для ЖК в первую очередь выполняет номинативно-выделительную функцию: называет объект окружающего мира и экстрагирует его из ряда подобных. Это необходимо для того, чтобы сделать объект узнаваемым. Кроме того, названия ЖК осуществляют прагматическую функцию, оказывая воздействие на адресата, что обусловлено осоз-

¹ АСН Инфо (Агентство строительных новостей) [Электронный ресурс]. URL: <http://asninfo.ru/>

² Интерфакс Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/>

³ Инвестиционный портал г. Вологды [Электронный ресурс]. URL: <http://proekt.vologda-portal.ru/zhilye-komplekсы>

нанном подходом к процессу создания данной номинативной единицы. В процессе номинации специалисты выявляют те свойства товара, которые окажутся наиболее привлекательными для покупателей, потому основная цель заключается не столько в аргументированном обозначении объекта, сколько в необходимости его продать.

Названия жилищных комплексов еще не прошли проверку временем. Не исключено, что часть из них будет забыта после прекращения рекламных кампаний и продажи объектов недвижимости. Однако сохранению наименований ЖК в речи будут содействовать постоянство местонахождения, способность выступать в качестве ориентира в пространстве растущего города, статичность (их невозможно изменить) и др. Приведем примеры, иллюстрирующие бытование названий ЖК и после окончания строительства, ср: новостное объявление по радио 10.69: «Самыми продаваемыми и пользующимися спросом по-прежнему являются квартиры в ЖК “Прибрежный”» (заметим, что строительство ЖК было завершено в 2006 году), рекламный баннер-растяжка на ул. Ленинградской приглашает «принять участие в долевом строительстве нового ЖК, рядом с ЖК “Говорово”» (ЖК «Говорово» является хорошо зарекомендовавшим себя объектом элитного жилья в городе), «куплю двухкомнатную квартиру в ЖК “Вега”» (сайт бесплатных объявлений Купи.ру) и др.

Для обозначения названий жилищных комплексов мы предлагаем термин *инсулоним*. При его создании мы использовали не традиционные греческие основы⁴, а латинское слово *insula* букв. «остров» и др.-греческое *ὄνομα* «имя, название» [3; 4]. Данный выбор обусловлен тем, что впервые многоквартирные жилые дома – инсулы – стали строиться в Древнем Риме. Они имели обычно от трех до пяти этажей и составляли массовую застройку крупных древнеримских городов. В инсулах проживали как бедные, так и зажиточные слои римского населения. Первый этаж инсул обычно занимали галереи с небольшими лавками. Оттуда имелся вход в световой дворик, вокруг которого компоновались помещения. Первые этажи инсул обычно занимали состоятельные горожане: в таких квартирах были высокие потолки (до 3,5 м) и широкие окна. Квартиры, начиная с третьего этажа, обычно предназначались для более бедных съемщиков: окна в них были маленькие, а потолки низкие. Инсулы являются примером градостроительного искусства Древнего Рима. В Европе, после разрушения Римской империи, многоквартирные дома начали строить только в эпоху позднего Средневековья [8]. Это описание удивительным образом напоминает планировку современных жилищных комплексов.

⁴ Ономастическая терминология в основном имеет греческое происхождение, где первая часть термина обозначает основной объединяющий признак объектов (пример: термин *годоним* или *одоним* (от др.-греч. ὄδος «улица, дорога»)), а вторая часть – это всегда *ὄνομα* «имя, название» [3]. Греческая основа со значением «жилище, дом» уже используется для термина *ойконим* (от др.-греч. οἶκος) – название населенных пунктов [12], что и побудило нас использовать латинский корень.

Кроме того, термин *инсулоним*, на наш взгляд, органично вписывается и продолжает существующий номенклатурный ономастический ряд (ср. к *урбонимам* – названиям внутригородских объектов – традиционно относятся *агоронимы* (названия площадей), пр.: площадь Революции, площадь Дрыгина, *годонимы* (названия улиц, проспектов, проездов), пр.: улица Маяковского, улица Старое шоссе, Советский проспект, проспект Победы, *городские хоронимы* (названия частей территории города), пр.: Заречье, Бывалово, Пакля в Вологде и др.).

Перейдем к анализу *инсулонимов* с точки зрения принципов и способов номинации.

Под принципом номинации традиционно понимается «путь, направление создания наименований, общее исходное основание, обобщенное правило номинации как процесса отражения связи названия и денотата» [7, с. 43], «основное направление, по которому осуществляется связь слова с называемым объектом» [9, с. 133], а способ номинации – это «непосредственное языковое воплощение связи названия и денотата» [7, с. 43]. Способ номинации показывает, «с помощью каких языковых средств через признак объекта осуществляется определенный принцип номинации» [9, с. 133].

Нами было обнаружено более 40 жилищных комплексов и отдельных домов, имеющих самостоятельное название. Заметим, что для значительного ряда объектов используются номинативные описательные конструкции, например: «Жилой дом на улице Восточная, 1а», «Дом на Козленской, 128», «Жилой комплекс по ул. Челюскинцев № 25, 27, 29 в г. Вологде» и др.

При всем семантическом многообразии *инсулонимов* можно увидеть три основных принципа номинации: по связи объекта с другими объектами, по качествам объекта, по связи объекта с человеком.

Принцип номинации **по связи объекта с другими объектами** применим к 45% *инсулонимов* (19 наименований). Основным признаком выступает расположение ЖК относительно какого-то другого объекта. Таким образом, основой для номинации являются названия таких хорошо известных в городе ориентиров, как:

1) *улица: Гагаринский, На Дворянской, Петрозаводский, На Пригородной, Можайский* (расположены на ул. Гагарина, Дворянская (прежнее название улицы Герцена), Петрозаводская, Пригородная, Можайского), *Белые ночи* (в названии использован сложный ассоциативный ряд, ср. «белые ночи» – природное явление, которым в летнее время славится Санкт-Петербург, ЖК находится в непосредственной близости от улицы Ленинградской);

2) *город, деревня: Белозерский* (строится на выезде из Вологды в направлении г. Белозерска), *Говорово, Чернышово* (даны по названию близлежащей или бывшей на этом месте деревни); *Молочные берега* (расположен строящийся объект в селе Молочном, г. Вологда, а также ассоциируется с образом из русской народной сказки «Гуси-лебеди» – «молочные реки и кисельные берега» – символом беззаботной, полностью обеспеченной жизни);

3) *торговый центр ЖК: Апельсин, Вега* (находятся в непосредственной близости с торгово-развлекательными центрами «Апельсин» и «Вега»);

4) *церковь, храм: Георгиевский* (строится вокруг храма Георгия Победоносца (Георгиевской церкви));

5) *природный объект: Прибрежный, Домик у реки, Речной квартал, У Роци* (находятся соответственно на берегу реки (р. Вологда), роци (имеется в виду старинный парк XVIII века «Осановская роща»));

6) *другие объекты городской инфраструктуры: Бригантина* (в основе лежит название остановочного пункта, получившее свое наименование от магазина «Бригантина»), *Флагман* (расположен рядом с речным портом, в данном случае связь со смежным объектом выражена опосредованно).

Принцип номинации **по качествам объекта** характерен для 43% инсулонимов (18 наименований). Представим ряд признаков, характеризующих жилищный комплекс с разных сторон:

1) *цветовое оформление: Радуга* (внешние стены домов последовательно покрашены во все цвета радуги), *Солнечный остров* (по словам создателей, «замкнутая форма делает его похожим на уединенный тихий островок», а «единый стиль и цветовое решение (бежево-коричневые тона) застройки сделает “Остров” по-настоящему солнечным»); *Музыкант* (жилой дом декорирован изображениями нотной записи);

2) *материал, использованный при строительстве: Керамик* (дома строятся из керамического кирпича, кроме того в названии подчеркивается и расположение объекта, так как возводится он на месте бывшего кирпичного завода), *Классика* (это жилой дом повышенной комфортности, по словам авторов проекта, «при возведении дома использовались классические материалы, проверенные временем, и надежные технологии»⁵);

3) *расположение: Перекресток* (расположен на перекрестке множества городских улиц и улочек), *Юго-Западный, Южный* (расположены в южной и юго-западной части города); *Три ветра* (строительство ведется на окраине города, т.е. новый ЖК с трех сторон открыт ветрам);

4) *свойство новизны: Новый* (ср. качеств. прил. «новый»), *Новый Майский* (ЖК находится в поселке Майский);

5) *высотность: Высота* (представляет собой 16-этажный дом, на сегодня самый высокий Вологде);

6) *количество построек, из которых состоит объект: Дуэт* (два дома);

7) *ассоциативные свойства: Времена года* (компания Стройиндустрия на своем сайте сообщает, что «название жилого комплекса “Времена года” было выбрано не случайно. Четкая смена времен года всегда связывается с упорядоченностью, закономерностью и гармонией (...) В ЖК “Времена года” Вам будет комфортно жить в любое время года. Буквальным отражением названия “Времена года” становится цветовое оформление фасадов зданий (...) дом “Осень” – желто-оранжевый, “Лето” – красный, “Весна” – зеленый, “Зима” – голубой»⁶), *Зеленый город* (название подчеркивает одно из преимуществ нового микрорай-

она: «масштабное озеленение, благоустроенная парковая зона»), *Французский квартал* (представляет собой малоэтажную застройку из 6 домов в исторической части Вологды, по-видимому, преследующей повторить архитектурное величие старинных французских кварталов), *Южная крепость* (подчеркивается не только расположение, но и качество объекта, его внешний вид, по ассоциации с крепостью, крепостными стенами, оградившими средневековые города);

8) *технология строительства: Куб-House* (современная система возведения зданий различного назначения «КУБ 2.5» (каркас унифицированный безригельный).

Принцип номинации **по связи объекта с человеком** менее популярен (7%) и реализуется через ряд признаков, связанных с человеком, имеющим какое-либо отношение к объекту:

1) *социально-возрастная группа: Молодежный* (молодежь – основная категория покупателей);

2) указание на *связь говорящего или слушающего с объектом недвижимости* посредством дейктических свойств местоимений *мы и твои* (*Твои окна, Мы вместе*).

Небольшую группу составляют названия комплексов со слабой мотивацией, сюда мы относим ЖК «Звездный», «Снегири», жилой дом «Автограф». Так, на сайте строительной компании «Фонд строительства жилья» о ЖК «Звездный» сказано, что «наименование жилого комплекса условное в рекламных целях»⁷.

Способ номинации указывает, с помощью каких средств осуществляется определенный принцип номинации, рассмотрим их.

Среди инсулонимов широко представлены как однословные (пр.: *Южный, Радуга, Снегири, Вега* и др.), так и составные номинативные единицы (пр.: *Новый Майский, Зеленый город, Три ветра, Домик у реки* и др.). Все за исключением одного инсулонима (*Куб-House*) имеют русское происхождение.

Большинство однословных инсулонимов образованы посредством **онимизации апеллятивов** и ее разновидностей (38%), пр.: онимизация существительных (*Классика, Высота, Дуэт, Перекресток, Радуга, Музыкант, Флагман, Снегири, Автограф*), онимизация прилагательных (*Южный, Юго-Западный, Молодежный, Новый, Звездный, Прибрежный*), онимизация прилагательного в сочетании с апокой (*Керамик* < ср. сущ. керамика). При помощи трансонимизации на базе различных разрядов онимов созданы около 20% инсулонимов, пр.: трансонимизация на базе эргонимов (*Бригантина, Вега, Апельсин*), трансонимизация на базе ойконимов (*Чернышово, Говорово*); трансонимизация на базе экклезионима (*Георгиевский* < Георгиевский (храм)); трансонимизация в сочетании с конверсией на базе годонимов (*Петрозаводский, Можайский*) < годонимы *Петрозаводская, Можайского*.

⁵ ООО «Городская строительная компания “РЕСПЕКТ”» [Электронный ресурс]. URL: <http://gskrespect.ru/projects/zhiloj-dom-po-ul-chexova/>

⁶ ООО «Стройиндустрия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stroyindustriya.ru/kvartal/zhiloy-kompleks-vremena-goda>

⁷ ООО «Фонд строительства жилья» [Электронный ресурс]. URL: <http://fondstroy.ru/offer-to-sell/housing-under-construction/zvezdny?page=2>

В некоторых случаях мы имеем дело с несколькими процессами, например: инсулонимы *Белозерский* < *белозерский* < г. Белозерск и *Гагаринский* < *гагаринский* < ул. Гагарина (субстантивация и онимизация прилагательного, образованного суффиксальным способом от топонима и годонима соответственно).

Составными являются чуть больше 38% инсулонимов, чаще всего они включают два компонента и построены по нескольким моделям, пр.: **прил. + сущ.** (*Зеленый город, Французский квартал, Речной квартал, Солнечный остров, Южная крепость*). Наименования *Белые ночи* и *Молочные берега* формально также состоят из двух компонентов прил. и сущ., однако здесь мы наблюдаем не прямую, а опосредованную, ассоциативную номинацию.

Остальные модели представлены единичными примерами: **мест. + сущ.:** притяж. мест. 2 л., ед.ч. + конкр. сущ. в В.п., мн.ч. (*Твои окна*); **мест. + нареч.:** личн. мест. 1 л., мн.ч. + нареч. способа и образа действия (*Мы вместе*); **предлог + прил.:** предлог «на» + годоним в форме прил. (*На Пригородной, На Дворянской*); **предлог + сущ.** предлог «у» + конкр. сущ. в Р.п., ед.ч. (*У Роши*); **числ. + сущ.** поряд. числ. + конкр. сущ. в Р.п., ед.ч. (*Три ветра*); **прил. + прил.:** кач. прил. + топоним в форме прил. (*Новый майский*). Единственное имя, состоящее из трех компонентов: **сущ. + предлог + сущ.** (*Домик у реки*). Именование *Времена года* представляет собой результат онимизации устойчивого словосочетания, называющего отдельное временное понятие.

Выполненный анализ позволил рассмотреть структурно-семантические свойства и способы образования вологодских инсулонимов. Как видим, большей представленностью характеризуются имена, возникающие на основе принципа по связи объекта с другими объектами и по качествам самого объекта. По структуре инсулонимы примерно в равной степени представлены как однословными, так и двухсловными единицами. Среди однословных мы наблюдаем активность неморфемных способов образования (ониимизация, трансонимизация и их виды), в составных именованных преобладает модель прил. + сущ., остальные модели хоть и многочисленны, но представлены единичными примерами.

В заключение отметим, что объективную специфику анализируемой группы онимов (инсулонимов), называющих объекты городской среды, в полной мере можно показать лишь при сопоставлении сходных систем различных территорий, а также при социолин-

гвистическом анализе названий ЖК, что и составляет перспективы предпринятого исследования.

Литература

1. Астафьева, И.А. Способы номинаций в речевой ситуации города: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Астафьева И.А. – Москва, 1996. – 19 с.
2. Беспалова, А.В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) / А.В. Беспалова // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991. – С. 158-166.
3. Большой древнегреческий словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovarus.info/grk.php>
4. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php>
5. Букчина, Б.В. Слово на вывеске / Б.В. Букчина, Г.А. Золотова // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 49–56.
6. Земскова, С.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Земскова С.В. – Москва, 1996. – 20 с.
7. Климова, Л.А. Региональная ономастика (Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области): учебное пособие к спецкурсу / Л.А. Климова. – Горький: ГПИ им. А.М. Горького, 1985. – 97 с.
8. Кнабе, Г.С. Теснота и история в Древнем Риме / Г.С. Кнабе // Культура и искусство античного мира: материалы научной конференции (1979). ГМИИ им. Пушкина. – Москва, 1980. – С. 385–405.
9. Ковалева, Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) / Н.Б. Ковалева // Известия УрГУ. – 1971. – Вып. 11. – С. 133–136.
10. Козлов, Р.И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Козлов Р.И. – Екатеринбург, 2000. – 24 с.
11. Носенко, Н.В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Носенко Н.В. – Новосибирск, 2007. – 22 с.
12. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.
13. Разумов, Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX веков (на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Разумов Р.В. – Ярославль, 2003. – 24 с.
14. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; отв. ред. А.П. Непокупный. – 2-е изд. – Москва: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
15. Шимкевич, Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шимкевич Н.В. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.

Рецензент – Е.Н. Варникова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

N.S. Dyakova

NEW TOPONYMS ON THE MAP OF VOLOGDA

The article is focused on structural and semantic peculiarities of the new onomastic category of proper names, viz., names of houses and housing complexes. The *insulonym* term is offered to identify these objects of urban environment. The data is analyzed in the onomasiological aspect.

Toponym, urbonym, insulonym, housing complex, principle and method of nomination.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕВЫХ ГНЁЗД С ВЕРШИНАМИ *PITI И *PĚTI В ПРАСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД

Индоевропейский корень *-pei- в славянских языках обладает большим словообразовательным и семантическим потенциалом. В статье характеризуется лексический состав и словообразовательная структура исторических корневых гнезд с вершинами *piti и *pĕti в праславянский период, дается описание семантической дивергенции лексического состава гнезд, выявляются культурно-исторические факторы, определившие специфику семантических процессов в исследуемых исторических корневых гнездах.

Историческое корневое гнездо (ИКГ), частное словообразовательное гнездо (ЧСГ), лексико-семантическая зона (ЛСЗ), праславянский язык.

В статье дано описание лексического состава и словообразовательной структуры ИКГ с вершинами *piti и *pĕti в праславянский период, определены направления и основные причины эволюционных процессов в ИКГ. Материал для исследования извлекался из этимологических словарей русского языка [ЭССЯ, ЭСРЯ, ИЭСРЯ]. Основным источником для восстановления структуры исследуемого гнезда в праславянский период послужили данные «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачева [ЭССЯ].

Отдельные лексемы, входящие в состав ИКГ, уже подвергались историко-этимологическому изучению (О.Н. Трубачев, Ж.Ж. Варбот, С.Б. Бернштейн). Однако эволюционные процессы, происходящие в структуре ИКГ, до сих пор не являлись предметом комплексного анализа.

1. Морфонологическая реконструкция ИКГ. Декорреляция в ИКГ

Исследуемые ИКГ восходят к индоевропейскому корню *-pei-. Данный корень в чистом виде представлен в глаголе *piti, в связанном виде (с детерминативами, которые являются первой стадией линейного расширения корня) индоевропейская основа обнаруживается в славянских *pitaty, *pitěty [ИЭСРЯ, т. 2, с. 36], *pильнь [4, с. 26] и т. д. Как отмечает Ж.Ж. Варбот, индоевропейский корень *-pei- «объединяет прежде всего лексемы с семантикой 'изобиловать, набухать молоком, наполняться', 'жир, сок, напиток, молоко, пища', 'жирный, толстый, дородный'» [4, с. 25].

Глагол *piti представляет собой общеславянское образование индоевропейского характера, о чем свидетельствуют многочисленные соответствия в языках индоевропейской семьи [ЭСРЯ, т. 3, с. 269]. Происхождение глагола *pĕti долгое время являлось предметом этимологических дискуссий. По мнению О.Н. Трубачева, глагол *pĕti является славянским образованием и представляет собой первичный каузатив от *piti [9, с. 136]. Как отмечает исследователь, *pojoq

'заставляю, даю пить' дало *pojoq 'воспеваю, пою песню'. Переход значений 'поить' → 'петь, воспевать' восходит к языческому обряду жертвенного возлияния и одновременного исполнения гимнов» [9, с. 137].

После монофтонгизации дифтонгов первичный каузатив *pĕti изменил значение и перестал ощущаться как таковой. Глаголы *piti и *pĕti утрачивают семантические и словообразовательные связи и становятся вершинами самостоятельных словообразовательных гнезд. В результате этого появилась необходимость в новом каузативе от *piti, вторичным каузативом становится славянская форма *pojiti. О.Н. Трубачев неоднократно отмечал отыменной характер глагольного каузатива [10, с. 150]. Таким образом, схема развития двух параллельных форм может быть представлена так: 1) *peiti (*poi) → *poi-ti → *pĕti (нѣти); 2) *peiti (*poi) → *poi-iti → *poj-iti → *poiti (поити).

В праславянском языке в случаях глагольного видового противопоставления возникли новые чередования гласных: *pojiti / pajati. Таким образом, в исследуемый период согласно морфонологическим закономерностям индоевропейский корень *-pei- представлен в виде алломорфов *-pĕ-/pi-/poj-/raj-/pij-.

В результате декорреляции в праславянском языке сформировалось два корневых гнезда с вершинами *piti и *pĕti.

2. Словообразовательная реконструкция ИКГ с вершиной *piti

Уже в праславянский период ИКГ с вершиной *piti имело сложную структуру. В гнезде образуется 38 словообразовательных цепочек, количество членов в которых варьируется от двух (*piti → *jъz/piti) до шести (*piti → *pojъ → *poj/i/ti → *na/pojiti → *napaj/a/ti → *napaja/va/ti).

Глагольное словообразование. В исследуемом гнезде продуктивно глагольное префиксальное словообразование: *na/pojiti, *ob/pojiti, *jъz/piti, *na/piti, *ob/piti, *otъ/piti. Глагольная суффиксация являлась основным средством образования видовых корреля-

тов. В ИКГ с вершиной **piti* представлены параллельные имперфективные формы с суффиксом **-a*, который присоединялся к корню при помощи интервокальных элементов **j*, **v*: **otъpi/ja/ti*, **otъpi/va/ti*. Необходимо отметить, что формы типа **otъpijati* могут рассматриваться и как приставочные перфективы от **rijati* [ЭССЯ, т. 38, с. 15]. Образование имперфектива на **j/a* от глаголов с основой на **-oj-* сопровождалось чередованием гласных: **pojiti* → **raj/a/ti*, **na/pojiti* → **nara/ja/ti*. Глагол **nara/jati* мог подвергаться вторичной имперфективации: **nara/ja/va/ti* (**nara/oa/va/ti*).

Именное словообразование. В ИКГ с вершиной **piti* в праславянский период также активно именное словообразование. В исследуемом ИКГ зафиксированы бессуффиксные имена: **obrojъ*, **narojъ*. Однако основным средством образования существительных являлась суффиксация: **pi/r/ъ*, **napit/bj/e*, **napit/ъk/ъ*, **obriv/ъk/y*, **nara/ja/nъj/e*, **nara/ja/dl/o*, **obroj/in/a*, **obroj/ъk/a*, **obroj/ъk/ъ*, **obroj/ъnik/ъ*, **obroj/ъc/a*, **obriv/ъc/ъ*, **rijav/ъk/a*, **rijav/ic/a*.

Отглагольное существительное **pirъ* образовано по модели, продуктивной еще в индоевропейском праязыке, однако, по мнению С.Б. Бернштейна, «девербатив **pirъ* не является общеславянским, он формировался поздно, в период разобщения и обособления праславянских диалектов» [1, с. 140].

Существительное **napitъkъ*, по мнению О.Н. Трубачева, является производным с суффиксом *-ъkъ* от страдательного причастия прошедшего времени **napitъ* [ЭССЯ, т. 22, с. 216]. С точки зрения Ж.Ж. Варбот, «в *-tъkъ* предполагается связь *-t-* с супином и далее – со старыми индоевропейскими отглагольными именами с суффиксом *-teu*» [3, с. 205].

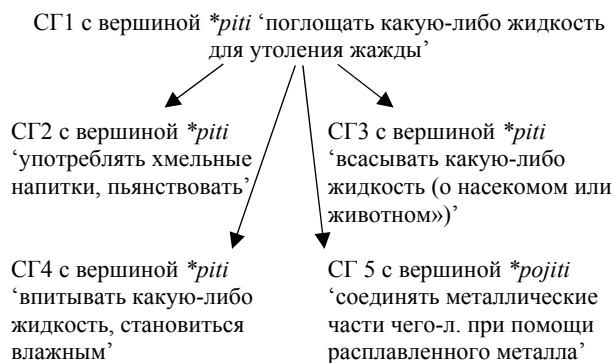
Двойкая словообразовательная соотнесенность характерна и для существительного **obrojъnikъ*: его можно считать как производным с суффиксом **-ikъ* от **obrojъnъ*, так и производным со сложным суффиксом **-ъn-ikъ* от глагола **obrojiti* [ЭССЯ, т. 28, с. 245].

Общеславянское **pivo* обычно рассматривают как суффиксальное производное от **piti*. Однако, по мнению Ж.Ж. Варбот, **v* является интервокальным элементом, характерным для славянских глаголов и производным от них имен [3, с. 205]. Интервокальный элемент **v* также обнаруживается в структуре существительных **obriv/ъk/y*, **rijav/ъk/a*, **rijav/ic/a*.

3. Дивергенция словообразовательных гнезд и формирование лексико-семантических зон в ИКГ с вершиной **piti*

В настоящий момент «Этимологический словарь славянских языков», материалы которого послужили основной базой для восстановления лексического состава исследуемого гнезда в праславянский период, вышел не полностью. В связи с этим семантическая структура данного глагола **piti* восстановлена в результате словообразовательного и семантического анализа производных лексем. В праславянском языке глагол **piti*, вероятно, имел четыре значения: ‘поглощать какую-либо жидкость для утоления жажды’, ‘употреблять хмельные напитки, пьянствовать’, ‘всасывать какую-либо жидкость (о насекомом или животном)’, ‘впитывать какую-либо жидкость, стано-

виться влажным (о земле)’. Лексико-семантический и словообразовательный анализ лексем, производных от глагола **piti*, позволяет выделить в составе данного ИКГ пять частных словообразовательных гнезд. Между ЧСГ, входящими в данное ИКГ, наблюдаются радиальные отношения:

На базе данных ЧСГ формируется шесть лексико-семантических зон. Как отмечает Л.Г. Яцкевич, в ЛСЗ включаются слова с одним этимологическим корнем, «имеющие в содержании своих лексических значений интегральную сему; эта сема может занимать различное положение в семантической структуре слов, объединенных в одну ЛСЗ» [11, с. 77].

Наиболее многочисленно ЧСГ 1, вершиной которого является глагол **piti* ‘поглощать какую-либо жидкость для утоления жажды’. В данном ЧСГ формируется три ЛСЗ: «Питье, поглощение жидкости (о человеке)», «Выкармливание молоком», «Кожевенный промысел».

ЛСЗ «Питье, поглощение жидкости (о человеке)» включает следующие лексемы: **pojiti*, **jъzpititi* ‘выпить’, **obpiti (se)* ‘пить сверх меры’, **nara/pojiti* ‘напоить, дать напиться’, **obrojiti* ‘напоить в большом количестве’, 1. **otъpiti* ‘выпить немного’, 2. **otъpiti* ‘закончить пить’, **rojъ* ‘питье, напиток’, **narojъ* ‘питье, напиток’, **pivo* ‘питье, напиток’, **napitъkъ* ‘питье, напиток’, **napitъje* ‘питье, напиток’, **nara/janъje* ‘поение».

ЛСЗ «Выкармливание молоком» (**obrojъkъ* ‘грудной ребенок’, ‘теленка’, **otъ/rajiti* ‘выкормить молоком’) является одной из самых архаичных в данном ИКГ. Как отмечает Ж.Ж. Варбот, понятие материнского молока входило в семантическую сферу корня **-rei-* еще на индоевропейском уровне [4, с. 25].

ЛСЗ «Кожевенный промысел» составляют три лексемы: **obroj/ъkъ* ‘выделанная кожа молодого теленка’, **obroj/ъka* ‘выделанная кожа молодого теленка’, **obroj/ъnikъ* ‘шкура, из которой делают опоек».

Лексемы, входящие в ЧСГ 2, вершиной которого является лексико-семантический вариант глагола **piti* ‘употреблять хмельные напитки, пьянствовать’, формируют ЛСЗ «Пьянство»: **pojiti* ‘поить хмельными напитками’, **rijanъ* ‘пьяный’, **pirъ* ‘пиршество’, **obrajati* ‘опьянять’, **obrojъkъ* ‘пьяница’, **otъrijati* ‘отвечать тостом на тост при выпивке’, **obrivati* ‘опьянять, одурманивать’, **napiti (se)* ‘напиться допьяна’, **obrojъnъ* ‘опьяняющий, одурманивающий».

На базе ЧСГ 3 с вершиной **piti* ‘впитывать какую-либо жидкость, становиться влажным’ формиру-

ется ЛСЗ «Всасывание жидкости (о насекомом или животном)». Данная ЛСЗ не является многочисленной: **pijati* ‘всасывать какую-либо жидкость (о насекомом или животном)’, **pijavka* ‘пиявка’, **pijavica* ‘пиявка’.

Развитие у глагола **piti* значения ‘впитывать какую-либо жидкость, становится влажным (о земле)’ и формирование самостоятельного ЧСГ 4 связано с особенностями архаического мышления. По мнению исследователей, «самым фундаментальным отличием архаического сознания от современного является его нерасчлененно-слитная природа, или синкретизм» [2, с. 19]. Формирование ЛСЗ «Орошение, увлажнение» (**pojiti* ‘орошать, увлажнять’, **napojiti* ‘оросить’, **napajati* ‘орошать’, **napajanje* ‘орошение’, **obpojiti* ‘оросить’, **obpiti (se)* ‘пропитаться влагой’), вероятно, является отражением языческого культа земли. Как отмечает В.Н. Топоров, «в большинстве наиболее важных контекстов, обнаруживающих глубинные смыслы этого образа, перед нами не просто земля (апеллятив), но именно Земля, имя собственное, относящееся к персонифицированному образу земли» [7, с. 245]. В сознании древних славян земля – всеобщий источник жизни, одна из основных стихий мироздания, связанная со стихией воды [6, с. 192]. Наиболее важная характеристика земли – ее сырость, «влага, как вещество жизни, воплощаемое Землей и на земле живущей, играет настолько важную роль, что входит в традиционное именование Земли – Мать-сыра Земля» [7, с. 251].

Данные «Этимологического словаря славянских языков» свидетельствуют о том, что глаголы, образованные при помощи префиксов **orz-*, **otъ-*, **sъ-* от каузатива **pojiti* или его итеративной формы **rajati*, в праславянский период развивают новые значения: **orzrajati*, **orzpojiti* ‘разделить что-либо соединенное, распаять’, **otъpojiti* ‘отделить что-либо присоединенное, отпаять’, **otъrajati* ‘отделить что-либо спаянное’. Можно предположить, что в праславянский период у глагола **pojiti* формируется терминологическое значение ‘соединять металлические части чего-либо при помощи расплавленного металла’ (ср. церк.-слав. *съпоити* ‘связать, спаять’, с.-хорв. *спојити* ‘соединять, спаивать’, чеш. *pojiti*, *spoјiti* ‘соединять’). По мнению О.Н. Трубачева, формирование на базе значения ‘давать пить’ переносного значения «находит наглядное реальное обоснование в сходстве сваривания двух металлических частей каплями жидкого металла с процессом питья» [8, с. 396].

Интересно отметить, что терминологическое значение ‘изготавливать из расплавленного металла’ в праславянский период присутствует также в лексико-семантической структуре глагола **liti* [5, с. 33]. Оба глагола в своих первичных значениях являются каузативами (**pojiti* ‘давать пить’, **liti* ‘заставлять течь что-то жидкое’) и обозначают действия с водой, жидкостью.

Глагол **pojiti* в значении ‘соединять металлические части чего-либо при помощи расплавленного металла’ становится вершиной ЧСГ 5. Вероятно, уже в праславянском языке **pojiti* ‘давать пить’ и **pojiti* ‘соединять металлические части чего-либо при помощи расплавленного металла’ являлись омонимами.

Семантическая дивергенция стала причиной того, что на базе гнезда с корнем **-pi-* в праславянский период начинается формирование нового словообразовательного гнезда, вершиной которого в последующие периоды развития русского языка становится глагол *паяти*.

Лексемы, входящие в данное ЧСГ, формируют ЛСЗ «Паяние»: *rajati* ‘соединять, паять’, **orzrajati*, **orzpojiti* ‘разделить что-либо соединенное, распаять’, **sъrajati* ‘соединить, спаять’, **otъrajati* ‘отделить что-либо спаянное’, **otъpojiti* ‘отделить что-либо присоединенное, отпаять’, **sъpojiti* ‘соединить, спаять’.

4. Словообразовательная реконструкция ИКГ с вершиной **pěti*

ИКГ с вершиной **pěti* в праславянский период было немногочисленным и состояло из 13 словообразовательных цепочек. В данном ИКГ активно префиксальное глагольное словообразование: **na/pě/va/ti*, **ob/pěti*, **orz/pěti*, **otъ/pěti*, *sъ/pě/va/ti*. В ИКГ с вершиной **pěti* основным средством образования производных глаголов несовершенного вида является суффикс **-va-*: **pěti* → **pě/va/ti*, **ob/pěti* → **obpě/va/ti*, **orz/pěti* → **orzpě/va/ti*, **otъ/pěti* → **otъpě/va/ti*. Отглагольные существительные в ИКГ с вершиной **pěti* единичны: **pě/sn/b*, **napěvъ*, **obpě/l/o*.

5. Дивергенция словообразовательных гнезд и формирование ЛСЗ в ИКГ с вершиной **pěti*

Семантическая структура данного глагола восстановлена в результате словообразовательного и семантического анализа производных лексем. Глагол **pěti* в праславянский период имел два значения: ‘издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальные произведения’, ‘воспевать, прославлять’. В рассматриваемом ИКГ выделяется два ЧСГ, мотивированных лексико-семантическими вариантами глагола **pěti*. На их основе формируется три ЛСЗ: «Пение, звучание», «Обрядовое пение», «Воспевание, прославление». ЛСЗ «Обрядовое пение», «Воспевание, прославление» непосредственно связаны с исходным значением глагола **pěti* ‘совершать возлияния языческим богам, сопровождаемые религиозными песнопениями’.

На базе ЧСГ 1 с вершиной **pěti* ‘издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальные произведения’ складываются ЛСЗ «Пение, звучание»: **pěvati* ‘петь’, **napěvati* ‘петь’, ‘петь тихо’, **pěsnъ* ‘пение, песня’, 1. **otъpěti* ‘окончить пение’, 1. **otъpěvati* ‘заканчивать пение’, 2. **otъpěti* ‘спеть в ответ’, 2. **otъpěvati* ‘петь в ответ’, **sъpěvati* ‘петь’; и ЛСЗ «Обрядовое пение»: **obpěti* ‘воздействовать на кого-либо пением’, ‘отпеть покойника’, **obpěvati* ‘отпевать покойника’, **obpělo* ‘отпевание покойника’. ЧСГ 2 с вершиной **pěti* ‘воспевать, прославлять’ становится базой для формирования ЛСЗ «Воспевание, прославление»: **pěti* ‘воспевать, прославлять’, **pěvati* ‘воспевать, прославлять’, **pěsnъ* ‘песня, пение’, ‘хвалебная песнь’, **obpěti* ‘воспеть, прославить’, **obpěvati* ‘воспевать, прославить’.

Таким образом, в праславянский период ИКГ имеют сложную структуру. В ИКГ преобладает глагольное словообразование. В структуре гнезд находит отражение развитие субъектно-объектных отношений и формирование категории возвратности (**orzpěti (se)*, **napiti (se)*, **obpiti (se)*, **obprivati (se)*). В ИКГ активна глагольная суффиксация, которая является основным средством образования видовых пар, однако уже в праславянский период развивается приставочное глагольное словообразование, семантический анализ производных префиксальных лексем позволяет говорить о начале формирования способов глагольного действия.

В ИКГ развивается полисемия, многозначность характерна не только для вершин гнезд, но и для производных лексем, при этом разные значения производных глаголов мотивируются разными значениями производящих (**piti* ‘поглощать какую-либо жидкость для утоления жажды’ → **otъpiti* ‘выпить немного’; **piti* ‘употреблять хмельные напитки, пьянствовать’ → **otъpiti* ‘ответить тостом на тост при выпивке’). Развитие полисемии создает предпосылки для формирования новых ЧСГ и ЛСЗ.

Процессы, происходящие в данных ИКГ в праславянский период, обусловлены рядом лингвокультурологических факторов. На развитие гнезда существенное влияние оказали существующие ритуалы (питье и пение как части языческого культа). Некоторые особенности словообразовательной и семантической структуры ИКГ (формирование ЧСГ с вершиной **piti* ‘впитывать какую-либо жидкость, становиться влажным (о земле)’ и ЛСЗ «Орошение») объясняются спецификой мифологического мышления.

В праславянский период намечаются основные направления эволюции словообразовательной и семантической структуры ИКГ. Уже в ранний праславянский период произошло морфонологическое и семантическое расхождение вершин **piti* и **pěti*. Декорреляция в ИКГ связана прежде всего с процессом монофтонгизации дифтонгов, результатом которого стала утрата глаголом **pěti* первоначальной внутренней формы. Ослабление мотивационных связей между ЧСГ с вершиной **piti* ‘поглощать какую-либо жидкость для утоления жажды’ и ЧСГ с вершиной **pojiti* ‘соединять металлические части чего-л. при помощи

расплавленного металла’ создало предпосылки для формирования нового словообразовательного гнезда, вершиной которого в последующие периоды развития русского языка стал глагол *паяти*.

Словари

ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Астрель, 2003.

ИЭСРЯ – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – Москва: Русский язык, 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. – Москва: Наука, 1974–2012. – Вып. 1–38.

Литература

1. Бернштейн, С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования и именные основы / С.Б. Бернштейн. – Москва: Наука, 1974. – 376 с.

2. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика / С.Н. Бройтман. – Москва, 2001. – 320 с.

3. Варбот, Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика / Ж.Ж. Варбот. – Москва: Наука, 1969. – 230 с.

4. Варбот, Ж.Ж. Слав. **rǐьpъ (jъ)* / Ж.Ж. Варбот // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. – Москва: Индрик, 2000. – С. 24–27.

5. Колесова, И.Е. Динамика исторических корневых гнезд (процессы конвергенции и дивергенции в ИКГ с вершиной **-lei-*) / И.Е. Колесова. – Вологда, 2012. – 256 с.

6. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / ред. С.М. Толстая. – Москва: Эллис Лак, 1995. – 416 с.

7. Топоров, В.Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери / В.Н. Топоров // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. – Москва: Индрик, 2000. – С. 239–372.

8. Трубачев, О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках / О.Н. Трубачев. – Москва: Наука, 1966. – 416 с.

9. Трубачев, О.Н. Следы язычества в славянской лексике / О.Н. Трубачев // Вопросы славянского языкознания. – Москва: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 4. – С. 135–138.

10. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 2 т. / О.Н. Трубачев. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 800 с.

11. Яцкевич, Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд / Л.Г. Яцкевич // Слово. Семантика. Текст: сборник научных трудов / отв. ред. В.Д. Черняк. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 76–79.

Рецензент – Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

E.N. Ivanova

SEMANTIC AND WORD-FORMATION DEVELOPMENT OF HISTORICAL ROOT CLUSTERS WITH THE ROOTS **PITI* AND **PĚTI* IN THE PROTO-SLAVIC PERIOD

The Indo-European root **-pei-* in Slavic languages has a great word-formation and semantic potential. The author characterizes lexical composition and derivational structure of historical root clusters with the roots **piti* and **pěti* in the Proto-Slavic period. The article describes semantic divergence processes of one-root words, identifies cultural and historical factors which determined the specifics of semantic processes in these historical root clusters.

Historical root cluster, private derivational cluster, lexical and semantic area, the Proto-Slavic language.

Р.И. Мальцева
Кубанский государственный университет

ИТАЛЬЯНСКИЙ СУБСТАНДАРТ: LINGUAGGIO GIOVANILE. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

На материале исследований известных лингвистов представлена картина взаимодействия диалектов, жаргонов и литературных стандартов, объясняются особенности языковой ситуации в Италии.

Языковая ситуация, l'italiano parlato, молодежный субстандарт.

Проблемы стратификации литературного языка, диалектов и промежуточных состояний идиомов обычно связываются с понятием языковой ситуации. В ряде своих работ мы уже касались вопросов стилистических преобразований русского и итальянского языков [8; 9; 10], поэтому в данной статье речь пойдет о характеристике лингвистических статусов диалектов и молодежного жаргона, которые трансформируются под влиянием языка электронных медиа Италии.

Данная тема весьма актуальна, поскольку процессы эндогlossной динамики итальянского языка продолжают и специалисты отмечают усиление их активности. Напомним, что диалекты, региональные идиомы в Италии – это конкурирующие с литературным стандартом вербальные кодовые системы. Русские диалекты, напротив, никогда не конкурировали с литературным языком, сейчас некоторые из них, по разным причинам, исчезли, другие деградировали, третьи превратились в дисперсные точечные реликты, которые трансформировались в устные коммуникативные формы с региональными особенностями фонетического и лексико-грамматического характера.

Благодаря усилиям Е.А. Земской [1; 2], Л.П. Крысина [6], В.В. Химика [15; 16] и многих других авторов в российской социолингвистике представлены иерархические модели русского национального языка, хотя на период нового века точного количества его вариативных разновидностей не установлено: у разных авторов число компонентов подсистем варьируется от четырех до восьми. Если речь идет о четырех неcodифицированных вариантах, то в их состав включаются диалекты, просторечие, жаргоны, арг. Восемь подсистем выделяются в случаях, когда авторы учитывают язык фольклора, неofolkлора, субкультурных или профессиональных идиомов, иногда в качестве отдельного подязыка рассматривают оценочную лексику и фразеологию.

Что касается соотношения литературного языка и его функциональных вариантов, то в условиях активного процесса языковой ситуации (ревизии стилевых вариантов) в России стратификационная модель функционального членения литературного языка позволила создать новую теорию практической и функциональной стилистики [3; 4; 12; 13; 14].

В работе мы используем понятия стандарта и субстандarta, которые встречаются во многих трудах германистов и романистов [5]. В российских исследованиях указанные выше терминологические сочетания обозначают неcodифицированные подсистемы языка [6, с. 55–58], нелитературные формы существования [11, с. 33].

Для итальянского, как и для любого этноязыка, бесспорно выделение стандарта, разговорной кодифицированной и неcodифицированной речи и субстандартов – диалектов и жаргонов, проявляющих признаки системности на всех уровнях.

Интерес к жаргону, языку молодежи у итальянских исследователей обнаружился в конце 80–90-х годов XX века, потому что у них и у нас этот период связывался с пиком активности субстандартов и неcodифицированных. Сейчас исследования возобновились, поскольку информационные технологии, актуальные модели, типы и способы коммуникации требуют реализации упрощенных, но выразительных языковых средств и стилистики, к тому же англоязычные медиа – кино-, видеопродукция, компьютерные игры, песни – демонстрируют образцы облегченной, рекреативной культуры межконтинентального типа. Если еще тридцать лет назад молодежный *неостандарт*, представляющий собой, по определению Раффаэле Симоне [18; 24], смягченную переработку андеграундных сленгизмов, перемешанных с единицами солдатского жаргона, пугал старшее поколение дыханием подземного мира, то сейчас векторы коммуникативного воздействия на жаргон молодых изменились. Пугаться нечего: вся система итальянской национальной речи испытывает громадное культурное воздействие электронных медиа, которые, по справедливому замечанию В.В. Химика, функционируют в культурном пространстве постмодерна – в условиях упрощенной, инфантилизованной массовой культуры и ее молодых носителей [16, с. 32].

Средства массовой информации: телевидение, молодежное радио, видеоклипы, фильмы, компьютерная опосредованная коммуникация – все опирается на новые семиотические коды, выразительные, краткие и мобильные. Глобальная культура и виртуальная коммуникация эксплицируют смайлики для выражения эмоций, аббревиатуры, другие краткие письмен-

ные формулы: *ché* вместо *perché* «что вместо почему», *da dove dgt? Da dove digiti?* «где или откуда набираешь?». При встрече молодые люди любой национальности приветствуют друг друга невербальными знаками: ударами ладоней и формулой «дай пять», итальянские традиционные приветствия *buongiorno* или *buonasera*, *доброе утро* или *добрый вечер*, сменили универсальные *salve, hi!* или *ciao* употребляются в телефонных разговорах и пишутся в SMS.

Те же «бравые», молодежные приветственные формулы на *ты* активно используются российскими рекламистами. Например, реклама на Яндексе: *Привет! Собери всех на селфи! Раскрой свою музыку! Будь на шаг впереди, узнай свое будущее уже сейчас! Дешевле только даром! Цены улет! Торопись! У тебя только 3 дня.*

Молодежный социальный страт в итальянской традиции объединяет три возрастные категории от 11 до 19 лет (*preadolescenti* мальчики и девочки, *adolescenti* подростки и *postadolescenti* юноши и девушки), у которых разный характер речи: младшая категория изъясняется на языке семьи, т.е. на диалекте, средняя, как правило, использует смешанный, диалектно-сленговый идиом, самая старшая категория уже отличается от двух других и в лексиконе, и в выборе тем для разговора. Юношей и девушек отличает лексика, связанная с темами секса, любви, школы, музыки, наркотиков, одежды и моды. Обучаясь в старших классах школы, они уже делают слабые попытки использовать образцовую речь, поскольку подростки изменяются внешне и внутренне и их отношения с миром усложняются. Тем не менее, литературная речь молодежи усваивается крайне медленно.

Стереотип мышления среднестатистического итальянца связан с родным диалектом, поэтому в молодежном жаргоне обязательно присутствуют группы местных сленгизмов, которые варьируются от региона к региону. К примеру, на севере Италии в значении *molto* много используется выражение *un casino*, а в окрестностях Рима ему соответствует *una cifra* сумма. Другие термины заменяются более выразительными, например вместо прежнего *tirare la coca* тянуть коку сейчас употребляется *sniffare la coca* нюхать коку. Вместо нейтрального и общеупотребительного *matusa* старик используют выразительные термины типа *sessantottino* (участник студенческих волнений шестидесятых годов) либо другие гиперболизированные обозначения старых людей: *arterio склеротик*, *fossileo каменелость*, *sapiens* в значении «мудрец или предок». Сравним жаргонизмы нашей молодежи: *черепа*, *птеродактили* в значении «родители» [7].

При анализе речевых вариантов, или субстандартных систем как определенных типов вариаций национального языка, согласно итальянской научной традиции, используются понятия диатопика, диафазика, диастратика [20]. Диатопика означает функциональный вариант речи, используемый в определенной речевой ситуации. К примеру, стандарт – литературный кодифицированный вариант – находит выражение в письменных научных, юридических, дипломатических текстах, в государственных, парламентских постановлениях и сообщениях, узус – разговорный вариант – представляет собой несколько упрощенный (в грамматическом и лексическом отношении) вари-

ант речи, используемый в ситуациях официального, формального общения (публичные выступления, университетские экзамены, учебные тексты). Наряду с литературно-письменным вариантом, диатопика включает региональные, диалектные варианты итальянского языка. Как правило, диатопическое разнообразие отмечается в грамматическом строе речи, в особенности в употреблении разных форм прошедшего времени глагола, в пассивных или безличных конструкциях, например предпочтительность форм *passato remoto* в северных и южных районах Италии [20].

Диастратические варианты – это типы речи, сигнализирующие о социальном классе говорящих, о профессиональном или образовательном уровне, о гендерной и культурной принадлежности, диафазные – относятся к возрастным вариантам.

Вариативность лексики молодежного жаргона определяется причинами хронологического, локального и социального характера. По мнению ряда ученых [17; 18; 19], регионализация молодежного жаргона разрушает диалекты как диафазные формы коммуникации разных возрастных групп. Диафазные варианты – это функциональные варианты, своего рода регистры, формальные или неформальные, на которые говорящие разных поколений переключаются в зависимости от того, кто участвует в коммуникации и каков ее контекст. Речь молодых людей низших социальных классов более маркирована диалектально и социально. Речь говорящих высокого социального ранга приближена к междиалектной, внелокальной, литературно-инвариантной форме.

Несмотря на то что речь молодежи в разных регионах Италии характеризуется рядом диалектных различий, ее язык социально не маркирован. Дифференцированность *linguaggio giovanile* носит констатирующий характер. Переключение на жаргонный код неофициального общения имеет характер языковой игры, которой подвержены все социальные слои. Использование же молодежных словечек в развлекательных медиа стало данью моде.

Существует закономерность: национальный язык, в котором много активно действующих диалектов, не развивает альтернативных кодов коммуникации. И, напротив, те национальные языки, которые демонстрируют стертые следы диалектных различий, развивают другие типы социолектов, в том числе и жаргоны. Итальянский молодежный жаргон – явление относительно недавнее (вторая половина XX века), в прошлом (в XIX веке) ему соответствовал лишь солдатский жаргон, который естественно развивался в условиях временной изоляции говорящих от остального социума. (Кстати сказать, в структуре итальянского национального языка, в отличие от русского, отсутствует также и арго – язык воров и бандитов: в тайном, криптогенном нонстандарте нет необходимости, поскольку диалект любой деревушки Сицилии или Кампании делает речь представителей кланов мафии или каморры непонятной и тайной для всех, кто живет в других регионах страны.)

Исследователь Патриция Манили называет некоторые выразительные лексемы фамильярного или иронического оттенка, которые привнесли в диалект миланской буржуазии XIX века военные: *imbranato* «тюфяк»,

pezzo grosso «важная шишка» [17]. Эти слова впоследствии проникли в разговорную речь и приобрели статус общеупотребительных.

В конце шестидесятых годов прошлого века в Италии наблюдались активные политические выступления студентов. С тех времен в языке сохранились иронические выражения *il ballo dei sapienti* «бал мудрых», политические или профсоюзные термины: *cioè «то есть, а именно», nella misura in cui «в рамкахоторых», a monte di «у истоков чего-н.», a livello di «на уровне»*. В восьмидесятые годы в городской среде, преимущественно в Милане, получили распространение молодежные движения и их субкультуры, которые быстро завоевали популярность среди итальянской элиты (так называемые *paninarese*). Поклонники заимствованной культуры диктовали моду на манеру одеваться, говорить, посредством медиа от «реальных банд» панков в *italiano parlato*, или в разговорную общеупотребительную речь проникли англицизмы *punk, dark, heavy metal*. По выражению Де Мауро, это был снобистский жаргон [19], «разновидность элитарной коммуникации». Тогда же в среде молодежи получили распространение заимствованные из американской культуры новые реалии – жанровые формы, типы текстов, способы изображения и письма: *riviste* «ревю», *fumetti* «комиксы», *graffiti, scritte murali* «настенные надписи» [20].

Молодежные инновации в культуре отразились на лексическом уровне, новые понятия вошли в *l'italianoparlato* и обогатили его тезаурус: более 4000 неологизмов [20; 21; 22; 23], широко пропагандируемых медиа, приобрели статус активной общеупотребительной лексики. Поскольку Италия – мономедийная страна, предпочитающая эфирные каналы медиа, на ее массовую культуру сильное влияние оказывают преимущественно телевидение и продукты видеопромышленности. Американские жанры и форматы передач, имидж, поведенческая и речевая манера теле-, радиоведущих, значительно преобразовали не только электронные, но и печатные средства массовой коммуникации Италии.

Как и в нашей языковой культуре, американские заимствования проникают в общеупотребительный лексический фонд благодаря теле-, радио- и интернет-коммуникации, а также через молодежный жаргон и жаргон элиты. Значительный пласт американских заимствований снижает активность итальянской диалектной речи, молодежный же социолект обогащается и в лексическом отношении, и в способах выражения экспрессии и оценочности.

Тем не менее, диалекты тоже подвергаются влиянию американизмов. Подвижки диафазного характера наблюдаются, например, в реинтерпретации семантики привычных слов, в использовании лексем в новой сочетаемости. Последнее развивает в семемах приращение экспрессивных коннотаций. Помещение лексических единиц в необычное окружение, иностилевой и экспрессивный контекст, приводит к сильной деформации их семантики. Слова приобретают переносные, метафоризованные смыслы, последовательно развиваются процессы омонимизации и, как следствие, рождаются неодиалектизмы, которые утрачивают

сниженный, субстандартный, характер и переходят в пласты общеупотребительной лексики.

Наличие экспрессивных номинаций, эвфемизмов (*ameba, handy*), нарочитое использование научно-технических терминов или терминов сексуального характера в переносном, ироническом, значении усиливает манипулятивные свойства телевидения и свободного радио. Имитация спонтанности и непринужденности, которые проявляются, например, в расширении обращения на «ты» вместо «вы», использование фамильярного приветствия «привет» вместо этикетного «доброе утро», разговорный синтаксис – все это характерные черты итальянских talkshow и deejey. Иными словами, и российские и итальянские жанры массовой коммуникации обладают общими чертами.

Подводя итог, отметим: особенность итальянской языковой ситуации по сравнению с русской такова, что в Италии диалекты, или региональные языки, активно используются наравне с литературным стандартом. В обществе Италии слишком сильны тенденции сохранить речь своих отцов живой. Стандарт испытывает сильное влияние современных медиа. Его тезаурус обогащается заимствованиями из разных языков: английского, французского, немецкого, японского, арабского и др. Глобализация способствует размыванию национальной культуры, трансформации кино- и видеоиндустрии, ломке жанровой системы национального телевидения и перестройке стилистической системы языка массовой коммуникации и массовой литературы. Молодежный жаргон как один из субстандартных идиомов также трансформируется под влиянием медиаречи. Будучи активной коммуникативной системой, успешно конкурирует с диалектами, способствует ослаблению их функции. *Linguaggio giovanile*, молодежный жаргон Италии не противостоит стандартной или диалектной речи, он демонстрирует собой факт языковой игры, веселую и шутивную манеру неформальной коммуникации, хотя пуэрилизированные речевые формулы охотно используются всеми теле- и радиоведущими.

Литература

1. Земская, Е.А. Наблюдения над просторечной морфологией / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская // Городское просторечие. Проблемы изучения. – Москва, 1974. – С. 66–101.
2. Земская, Е.А. Русский литературный разговорный язык и городское просторечие: сходства и различия / Е.А. Земская // *Problemi di Morfosintassi delle Lingue Slave*. – Bologna, 1989. – № 2.
3. Караулов, Ю.Н. О состоянии русского языка современности / Ю.Н. Караулов. – Москва, 1991.
4. Караулов, Ю.Н. О русском языке зарубежья / Ю.Н. Караулов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 5–18.
5. Кестер-Тома, З. Стандарт, субстандарт, нестандарт / З. Кестер-Тома // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15–31.
6. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – Москва, 1989. – С. 55–58.
7. Мальцева, Р.И. Словарь молодежного жаргона / Р.И. Мальцева. – Краснодар, 1998.
8. Мальцева, Р.И. *Italiano parlato* как динамический фактор преобразования газетного идиома / Р.И. Мальцева // Лингвисторическая парадигма: теоретические и приклад-

ные аспекты: межвузовский сборник научных трудов. – Сочи, 2009. – Вып. 12. – С. 113–123.

9. Мальцева, Р.И. Стабилизация языковой ситуации. Формирование универсального языка медиа / Р.И. Мальцева // Журналистика и литература в социокультурном диалоге современности: сборник научных трудов. – Краснодар, 2015. – С. 35–48.

10. Мальцева, Р.И. L'italiano parlato и современная коммуникативная культура / Р.И. Мальцева // Журналистика и литература в социокультурном диалоге современности: сборник научных трудов. – Краснодар, 2015. – С. 48–63.

11. Мечковская, Н.В. Социальная лингвистика / Н.В. Мечковская. – Изд. 2-е. – Москва: Аспект Пресс, 2000.

12. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – Москва, 1999. – С. 245.

13. Рождественский, Ю.В. Общая филология / Ю.В. Рождественский. – Москва, 2012. – С. 240–249.

14. Солганик, Г.Я. Современная языковая ситуация – язык СМИ – литературный язык / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 8–22.

15. Химик, В.В. Сниженная речь в современной языковой коммуникации / В.В. Химик. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009.

16. Химик, В.В. Ментальная инфантильность в русской социокультурной и речевой действительности / В.В. Химик // Мир русского слова. – 2011. – № 11. – С. 31–37.

17. Manili, P. Il linguaggio dei giovani. 2014 [Электронный ресурс] / P. Manili. – Режим доступа: <http://www.altritaliani.net/spip.php?auteur4012> (дата обращения 9.11.15).

18. Simone, R. Il Treccani, Roma, 2003, Istituto della Enciclopedia Italiana [Электронный ресурс] / R. Simone. – Режим доступа: [http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-e-media_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-e-media_(Enciclopedia-dell'Italiano)/) (дата обращения 12.09.2015).

19. De Mauro [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-e-media_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-e-media_(Enciclopedia-dell'Italiano)/) (дата обращения 26.05.2015).

20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blossary.termwiki.com/IT/variazione_diatorica (дата обращения 26.05.2015).

21. Bonomi, I. La lingua italiana e i mass media / I. Bonomi, A. Masini, S. Morgana. – Roma, Carocci, 2003. – Pp. 127–164.

22. Masini, A. L'italiano contemporaneo e la lingua dei media / A. Masini. – Roma, 2003. – Pp. 11–32.

23. Rossi F. Il linguaggio cinematografico / F. Rossi. – Roma, 2006.

24. Simone, R. Specchio delle mie lingue / R. Simone // Italiano e oltre. – 1987. – № 2. – Pp. 53–59.

Рецензент – С.А. Кузичев, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой французского языка ВоГУ.

R.I. Maltseva

ITALIAN SUBSTANDARD: LINGUAGGIO GIOVANILE. AN OVERVIEW OF THE LANGUAGE SITUATION

The article contains an overview of the interaction of dialects, jargons and literary standards and explains the features of the language situation in Italy on the case study of works by famous linguists.

Language situation, l'italiano parlato, youth language substandard.

УДК 811.111

A.S. Rumyantseva

Вологодский государственный университет

О РОЛИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА В ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ И ЕГО ДИНАМИКЕ

В статье рассматривается роль лексического прототипа в процессе коммуникации и формировании актуальных значений языковых единиц. Изучение указанной проблемы выполнено в рамках теории биологии познания. В соответствии с ней коммуникант каждый раз формирует значение слова заново, на основе оценки влияния изменений окружающей среды и состояния его тела. Лексический прототип является содержательным ядром слова, инвариантом, включающим минимальный пучок смыслообразительных признаков. Примером для рассмотрения особенностей функционирования лексического прототипа является современное многозначное прилагательное «tough» и его древнеанглийский вариант «toh». На основе выведенных лексических прототипов указанных единиц в статье делаются выводы о значимости и обоснованности применения теории лексического прототипа в процессе формирования смысла, а также о возможности изменения минимально значимых признаков, входящих в его состав.

Биология познания, язык, лексическое значение, лексический прототип, имя прилагательное.

Вопрос о том, как происходит процесс коммуникации, является многоаспектным, потому что его можно рассматривать с точки зрения разных наук. Однако, несмотря на многогранность данной проблемы, наиболее важной стороной, требующей тщательного и глубокого изучения, является процесс интерпретации индивидом поступающей извне информации и ее дальнейшего понимания.

Обозначенный вопрос всегда интересовал исследователей, начиная со времен античности. В частности, древние египтяне уже интересовались основами понимания людьми друг друга. Древнегреческие философы (например Платон, Сократ) также размышляли о роли человека в мире и пытались объяснить, как передается значение языковых знаков.

Наиболее интенсивное развитие науки о языке начинается в XIX–XX веках, поэтому этот период связан с появлением огромного количества лингвистических теорий. Одним из наиболее заметных ученых того времени стал французский структуралист Ф. де Соссюр. В своих трудах он придерживался мнения о том, что язык является готовым коллективным продуктом, пассивно регистрируемым говорящими в практике речи и позволяющим человеку понимать других и быть ими понятым. Более того, язык не существует полностью в голове ни одного коммуниканта. В полной мере он представлен лишь в коллективе, являясь по своей природе социальным, так как обеспечивает реализацию способности к речевой деятельности, имеющуюся у каждой индивидуальной личности [3]. При этом значение слова представляет собой готовый к употреблению «отпечаток в мозгу» носителя языка о некоем объекте действительности. Данные «отпечатки» «тождественны» у людей, принадлежащих к одному языковому коллективу [3]. Из сказанного можно заключить, что язык, по всей видимости, находит свое полное отражение в речи, а процесс коммуникации представляет собой обмен знаками с заранее готовыми значениями.

В конце XX – начале XXI века многие лингвистические исследования приобретают междисциплинарный характер, поэтому устоявшиеся ранее представления и постулаты получают пересмотр с точки зрения данных смежных наук. В частности, многие теории о языке получают новую интерпретацию, когда чилийский исследователь У. Матурана начинает пересматривать языковые явления и процессы, а также сам процесс коммуникации с точки зрения биологии [7]. Это новое направление получает название «теория биологии познания» и продолжает развиваться и в настоящий момент.

Отправной точкой исследований У. Матураны является человек и его физиологическая сторона. По мнению У. Матураны и его последователей (Й. Златев, М. Редди, С. Каули, И.К. Архипов и др.), только учитывая указанные факторы, можно достоверно объяснить процесс коммуникации и понимания индивидами друг друга [7].

Так, с этой точки зрения, «живые системы», к которым принадлежит человек, – это «когнитивные системы», то есть системы, для которых познание является средством адаптации к окружающему миру [6, р. 13]. Адаптация становится возможной, поскольку

человек обладает нервной системой, позволяющей в процессе эволюции и жизнедеятельности в его ДНК накапливать информацию. При этом каждый индивид постоянно приспосабливается к переменам окружающей среды, так как в течение всей жизни и в процессе общения, в частности, тело человека непрерывно воспринимает сигналы как его внешней, так и внутренней среды [6]. При этом любое изменение (в том числе реакция на поступающие извне звуковые и прочие сигналы) отражается в его нервной системе в виде определенного измененного состояния активности нервных клеток – нейронов, отвечающих за определенный тип чувств. Это обуславливает поведение организма [6].

Стоит отметить еще один важный постулат теории биологии познания: каждый живой организм не создает окружающую действительность сам, но в момент рождения оказывается окруженным этой действительностью. Это значит, что он имеет свою «нишу» среды – область взаимодействий, в которые организм вступает, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность [5]. В описываемой ситуации он представляет собой замкнутую систему, которая существует в уникальных условиях.

Условия ниши по сравнению с условиями среды других подобных организмов и во многом похожи, и различны. При этом не существует ни одного известного способа, обеспечивающего передачу объективной информации о нише и готовых знаний человека об условиях его среды другому [6]. Это – уникальные данные, которые индивидуальная личность должна учитывать, чтобы выжить. Единственным способом обмена информацией между людьми является обмен сигналами, на основе интерпретации которых знание самостоятельно выводится коммуникантами, – язык [8].

Исходя из всего сказанного, для того чтобы вывести значение сообщения, человеку необходимо оценить влияние изменений своей окружающей и/или внутренней среды [4]. Значение выводится в результате воспоминания, какой смысл возникал раньше при появлении данных сигналов в ситуациях, подобных этой, то есть в результате догадки, творческого акта, процесса «самосоздания» или «аутопоэза» смысла. Следовательно, тело человека «натренировано» на запоминание опыта коммуникации в прошлом и создание аналогичного смысла [6, р. 82]. Это позволяет выводить значения поступающих сигналов из совокупности личностных смыслов и реакций организма и эффективно приспосабливаться к среде [5].

Интерпретация поступающих сигналов зависит от разных факторов. Среди наиболее важных выделяются: особенности познающей структуры; знания, уже существующие на основе индивидуального опыта общения; оценка человеком результатов взаимодействия с окружающей средой; оценка степени соответствия языкового поведения отправителя сообщения потребностям организма получателя. Кроме того, при выводе значения коммуникант учитывает мимику, жесты, интонацию, язык тела, темп и тембр звучащей речи. Все это соединяется с контекстом – условиями общения – и способствует выведению соответствующего смысла поступающих извне сигналов [5].

В рамках описанной схемы, по мнению большинства лингвистов, основой для понимания является некоторая ментальная структура, формируемая в голове индивида в процессе накопления его жизненного опыта и опыта коммуникации. Эта ментальная структура, в рамках теории И.К. Архипова, получает название «лексический прототип» (ЛП) [1].

Первым преимуществом обсуждаемого понятия является то, что в основе его формирования лежит наивная картина мира обыденных, типичных носителей языка, принадлежащих к определенному обществу и культуре. Следовательно, в ЛП отражаются наиболее существенные, с точки зрения большинства носителей языка, интегральные и дифференциальные признаки [1], что позволяет отказаться от учета узких и редко встречающихся значений слова в пользу того, что известно в связи с определенной формой любой индивидуальной личности.

Во-вторых, лексический прототип является «наилучшим представителем» семантики слова на уровне лексико-семантической системы языка, то есть инвариант. Он является «минимальным пучком интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета или понятия» [1, с. 115]. При этом признаки, входящие в лексический прототип, примитивны и не могут быть выведены один из другого. Все это дает возможность представить совокупность необходимых для каждой ситуации общения смыслов, которые известны любому носителю языка.

В рамках обозначенной выше концепции рассмотрим роль лексического прототипа в языковых процессах и возможность изменения входящих в него признаков. В качестве объекта рассмотрения возьмем языковые и речевые значения современного и древнеанглийского многозначного прилагательного «tough».

Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо сформулировать и проанализировать лексические прототипы указанных прилагательных, принадлежащих к двум временным отрезкам. Для этого сначала рассмотрим первые словарные дефиниции современного прилагательного «tough» из нескольких толковых словарей с целью анализа интегральных и дифференциальных признаков, выделяемых в дефинициях. Далее на основе этого анализа можно установить «усредненное» номинативно-непроизводное значение (ННЗ), которое, как известно, традиционно считается основой формирования всех актуальных значений слова.

Из всего набора представленных признаков следует прокомментировать один – «tenacious». В соответствии с данными словаря Shorter, этот признак подразумевает прочность и твердость («cohesive, not easily pulled in pieces»), с одной стороны, и клейкость и вязкость («glutinous and sticky») – с другой. Этот спектр значений объясняется существованием соответствующих предметов и веществ, характеризующихся различными агрегатными состояниями: при низких температурах они твердые и прочные («firm and resistant»), а при высоких – вязкие и даже клейкие («glutinous and sticky») [2].

Проанализировав все остальные интегральные и дифференциальные признаки, указанные авторами словарей, можно сформулировать «усредненное» ННЗ при-

лагательного «tough» следующим образом: «tenacious, or resilient when subjected to an external physical force» [2].

Применим выведенное ННЗ для реконструкции механизма построения нескольких актуальных значений прилагательного.

Tough (1): Steak so tough we could hardly cut it (W3) = Steak was so resilient and offered resistance to external force we could hardly cut it.

По всей видимости, носитель языка в рассмотренном случае осознает, что смысл высказывания полностью соответствует реальному положению дел в мире. Поэтому для формирования значения коммуникант непосредственно использует свое знание признаков сущности в ситуации общения. Следовательно, приведенное значение выводится без переноса наименования, то есть является прямым. Кроме того, в приведенном примере показана возможность выбора необходимого признака («resilient» или «tenacious») в зависимости от агрегатного состояния сущности, которая описывается прилагательным.

Tough (2): To tell you how tough it is to break into screenwriting (Shorter) = To break into screenwriting is complicated like to withstand pressure of a tenacious object on the body.

При формировании актуального значения «трудный» говорящий учитывает, что в данном случае речь идет о сложном задании, выполнение которого требует приложения больших усилий. При этом сложившиеся обстоятельства – условия среды – не позволяют индивидуальной личности быстро решить поставленную задачу. По этой причине у человека происходит формирование определенного состояния. Поскольку в высказывании используется прилагательное «tough», коммуникант понимает, что построение адекватного смысла основано на сравнении со свойствами твердого и упругого предмета: «the effect of trying to solve a task is like withstanding the pressure of a tenacious object on the body». Очевидно, при построении значения применяется метафорический перенос.

Tough (3): We have to keep tough law-breaking youngsters (Cobuild) = We have to keep law-breaking youngsters who are difficult to deal with like to withstand pressure of a tenacious object on the body.

Вывод актуального значения «жестокый» происходит, когда коммуникант осознает следующее. В высказывании прилагательным «tough» описывается агрессивный человек. Он характеризуется тем, что обладает отрицательными, с точки зрения большинства окружающих людей, чертами характера и не проявляет сострадания к другим индивидуальным личностям. Кроме того, известно, что он может нанести как физический, так и моральный вред. Если телесные повреждения не наносятся, носитель языка знает о существовании данной угрозы. Это способствует формированию у него особого состояния. Для того чтобы привести смысл сообщения в соответствие с привычным положением дел в мире, говорящий приходит к выводу о необходимости сравнения указанного состояния с тем, которое возникает, когда твердый и упругий предмет оказывает давление на тело: «the behavior of a person can influence others like a pressure of a tenacious object on the body». Следовательно, данное значение строится на основе метафорического переноса.

Определение ННЗ современного прилагательного «tough»

Словарь	Дефиниция первого ЛСВ	Интегральные признаки	Дифференциальные признаки
1. Oxford English Dictionary (OED)	Of close tenacious substance or texture, strongly cohesive, so as to be pliable or ductile; not easily broken, divided or disintegrated; not fragile, brittle or tender.	<i>Tenacious; strongly cohesive; pliable; ductile; not easily broken, divided or disintegrated; not fragile, brittle or tender</i>	<i>Substance or texture</i>
2. Webster's Third New International Dictionary (W3)	Having the quality of being strong or firm in texture but flexible and not brittle: yielding to force without breaking; capable of resisting great strain without coming apart.	<i>Strong or firm in texture; flexible; not brittle; yielding to force without breaking; capable of resisting</i>	<i>When subjected to force or great strain</i>
3. The American Heritage Dictionary	Able to withstand great strain without tearing or breaking; strong and resilient.	<i>Able to withstand; strong; resilient</i>	<i>When subjected to great strain</i>
4. Collins English Dictionary	Strong or resilient, durable.	<i>Strong; resilient; durable</i>	
5. Longman New Universal Dictionary	Strong and flexible; not brittle or liable to cut, break or tear.	<i>Strong; flexible; not brittle; not liable to cut, break or tear</i>	
6. Longman Dictionary of English Language and Culture	Strong, not easily weakened or broken; able to suffer difficult severe conditions.	<i>Strong; not easily weakened or broken</i>	<i>When subjected to difficult severe conditions</i>
7. The Random House Dictionary	Strong and durable, not easily broken or cut.	<i>Strong; durable; not easily broken or cut</i>	

На основе приведенного анализа становится очевидным, что переносные значения прилагательного формируются по механизму переноса наименования («like» «как», «as it were» «как если бы»). Следовательно, учитывая все факторы, лексический прототип многозначного прилагательного «tough» можно сформулировать следующим образом: «tenacious, or resilient when subjected to an external physical force, or as it were» [2].

Основанием для анализа механизмов вывода актуального значения слова на основе теории лексического прототипа в диахронии на основе методики, разработанной для описания современного языка, является гипотеза о том, что природа человека, способности восприятия им окружающего мира и закономерности мышления, свойственные живым существам этого биологического вида, кардинально не менялись в процессе филогенеза. Исходя из этого, логично полагать, что человек, живший много веков назад, подразумевал в качестве ННЗ наборы примерно тех же признаков, что и современные люди. Следовательно, при реконструкции механизмов вывода значений древнеанглийских прилагательных можно использовать логику мышления современного человека, поскольку природа поступков индивидуальной личности, по всей видимости, также не претерпевала кардинальных изменений [2].

Анализ дифференциальных и интегральных признаков словарных дефиниций прилагательного «toh» (историческое написание современного «tough») представлен в таблице 2.

Следует отметить, что составители словаря ASD приводят две дефиниции прилагательного: (1) «tenacious, pliant» («гибкий и прочный») и (2) «sticky,

glutinous, clammy» («вязкий, клейкий»). «Клейкость и вязкость» подразумевают, что вещество, из которого состоит сущность, обладает структурой, в которой связи между его единицами нестрогие и способные растягиваться или обрываться. Тем не менее, в случае их повторного соединения они возвращаются к своей первоначальной форме и состоянию. Следовательно, оба набора признаков необходимы для идентификации твердого и упругого («toh») предмета и определения его ННЗ. Однако составители различают эти два значения. Вероятно, это происходит в связи с необходимостью четкого разграничения агрегатных состояний объекта, описываемого рассматриваемым прилагательным.

Словарь OED под номером два также приводит значение «of viscous consistence, sticky, adhesive, tenacious, glutinous». Это также свидетельствует о том, что объект, описываемый рассматриваемым прилагательным, может иметь разные агрегатные состояния.

Следует напомнить, что признак «tenacious» предполагает, что предмет становится клейким («sticky») при перемене агрегатного состояния. Однако этот признак упоминается всеми составителями древнеанглийских словарей. По этой причине можно заключить, что признак «sticky» при идентификации сущности был более значимым для носителей древнеанглийского языка, чем современного.

Исходя из этого, «усредненное» ННЗ прилагательного «toh» можно сформулировать следующим образом: «tenacious, or resilient, or sticky when subjected to an external physical force» [2].

Рассмотрим процесс построения актуальных значений прилагательного «toh» на основе ННЗ.

Определение ННЗ древнеанглийского прилагательного «toh»

Словарь	Дефиниция первого ЛСВ	Интегральные признаки	Дифференциальные признаки
1. Oxford English Dictionary (OED)	Of close tenacious substance or texture, strongly cohesive, so as to be pliable or ductile; not easily broken, divided or disintegrated; not fragile, brittle or tender.	<i>Tenacious; strongly cohesive; pliable; ductile; not easily broken, divided or disintegrated; not fragile, brittle or tender</i>	<i>Substance or texture</i>
2. Anglo-Saxon Dictionary (ASD)	Tenacious, pliant; sticky, glutinous, clammy.	<i>Tenacious; pliant; sticky; glutinous; clammy</i>	
3. Concise Anglo-Saxon Dictionary	Tenacious, sticky.	<i>Tenacious; sticky</i>	

Toh (1): Если смысл высказывания соответствовал привычному положению дел в мире, актуальное значение выводилось коммуникантом посредством использования признаков ННЗ в ситуации общения:

Tōh gerd, Txts. 75, 1207 (OED) (Гибкий прут) = *A gerd that is resilient when subjected to an external physical force.*

Thei hadden towz cley for syment, Wick. Gen. 11, 3 (OED) (Для строительства у них была вязкая глина) = *As cement they had clay that was pliant and sticky when subjected to an external physical force.*

Очевидно, приведенные примеры показывают, что сущности, описываемые прилагательным «toh», могли иметь разные агрегатные состояния.

Следует отметить, что источники исследования не выделяют отдельных переносных значений этого древнеанглийского прилагательного. В этой ситуации можно предположить, что в речи носитель древнеанглийского языка все-таки использовал значения рассматриваемого слова, выведенные по механизму переноса наименования. Однако эти случаи не были зафиксированы в письменных источниках, поскольку письменность в то время еще не была достаточно развита. По этой причине на основе имеющихся данных рационально полагать, что древнеанглийское прилагательное «toh» имело одно обобщенное значение: «tenacious, or resilient, or sticky when subjected to an external physical force». Именно оно хранилось на уровне системы языка в голове коммуниканта [2].

Итак, на основе приведенных данных можно сделать некоторые выводы. Во-первых, по всей видимости, лексический прототип играет важную роль в процессе интерпретации, формирования и понимания смысла речевых высказываний, то есть во всех языковых процессах. Кроме того, очевидно, функции лексического прототипа в древний период не меняются: он является наиболее компактной единицей ментального лексикона коммуниканта и основой для формирования значения любого речепотребления языковой единицы. Использование знания лексического прототипа обеспечивает возможность максимально быстрого и эффективного формирования значений речевых высказываний в условиях реального времени.

Во-вторых, в древнеанглийский период функционирование лексического прототипа происходило примерно так же, как и в настоящее время, поскольку, согласно сформулированной гипотезе, природа человека не претерпевала кардинальных изменений в про-

цессе развития. Это свидетельствует о том, что индивидуальные личности получали похожий опыт в результате освоения окружающего мира и по этой причине использовали похожие механизмы вывода актуальных значений. При этом наиболее часто используемым механизмом вывода переносных значений был и остается метафорический перенос.

В-третьих, по всей видимости, набор минимальных признаков, входящих в лексический прототип, в процессе филогенеза может изменяться, то есть динамичен. В частности, было показано, что в древнеанглийский период признак «sticky» входил в число минимальных смысловоразличительных сем. В настоящее время он только имплицитно присутствует в признаке «tenacious». Вероятнее всего, эту особенность можно объяснить тенденцией к синкретизму значений, которые позже распадаются на отдельные дефиниции данного слова. Так, в процессе дальнейшего развития языка указанный признак становится отдельным значением, которое приводится составителями, например словаря OED под номером два.

Боле того, в связи с изменением условий жизни, появлением новых реалий и расширением сфер опыта индивидуальной личности увеличивается количество механизмов формирования актуальных значений прилагательных. Например, при использовании древнеанглийского прилагательного «toh» носители языка применяли один механизм (только прямые значения), в то время как в современный период число механизмов увеличивается за счет появления разнообразных переносных речепотреблений.

Таким образом, можно констатировать незначительную динамику в наборе признаков лексического прототипа. Эта динамика обусловлена, прежде всего, условиями жизни и среды, окружающей носителя языка. Очевидно, лексический прототип демонстрирует значительную зависимость от особенностей мышления и непосредственного опыта человека. Указанная динамика наблюдается как в процессе филогенеза, так и онтогенеза, однако в значительно меньшей степени. Это утверждение может быть подтверждено тем фактом, что по мере развития индивида, а также накопления опыта взаимодействия с миром человек научается сначала эффективно работать с прямыми речепотреблениями слова. По мере развития его мозга мыслительные процессы усложняются, и лексические прототипы языковых единиц приобретают компонент «or as it were», позволяющий коммуниканту интерпре-

тировать любое актуальное значение слова. Обозначенные выводы еще раз подтверждают, что язык не является автономным образованием, существующим изолированно; он представлен только в голове человека, который использует его по своему усмотрению.

Литература

1. Архипов, И.К. Язык и языковая личность / И.К. Архипов. – Санкт-Петербург: Книжный Дом, 2008. – 248 с.
2. Румянцева, А.С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Румянцева Анна Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2013. – 182 с.
3. Соссюр, Ф. де Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с.
4. Arkhipov, I.K. Biology of cognition, biosemiotics and second language acquisition / I.K. Arkhipov // Cognitive Dy-

namics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 185–213.

5. Cowley, St.J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity / St.J. Cowley // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 1–33.

6. Maturana, H.R. Autopoiesis and Cognition / H.R. Maturana, F.J. Varela. – Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1980. – 143 p.

7. Maturana, H.R. Biology of Cognition [Электронный ресурс] / H.R. Maturana // Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. – 1970. – Режим доступа: <http://www.enolagaia.com/M70-80BoC.html> (дата обращения: 05.03.16).

8. Reddy, M.J. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict In Our Language About Language / M.J. Reddy // Metaphor and Thought; ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 164-201.

Рецензент – Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

A.S. Rumyantseva

ON THE ISSUE OF THE ROLE OF LEXICAL PROTOTYPE IN LANGUAGE PROCESSING AND ITS DYNAMICS

The article studies the role of lexical prototype in the communication process and in the process of building the relevant meaning of a word. The stated problem is discussed within the framework of the biology of cognition theory. According to it, a communicant forms the meaning every time anew. For it they evaluate the influence of the changes in the environment conditions and the conditions of their body. A lexical prototype is a word content nucleus, an invariant which includes a minimal set of distinctive features. The lexical examples chosen for studying the problem of lexical prototype functioning are the modern English polysemantic adjective «tough» and its Old English variant «toh». In the article, the lexical prototypes of the two adjectives are formulated. According to the results, the conclusions about the relevance of using the lexical prototype theory in the process of forming a word meaning as well as about possible changes in the set of the minimal meaningful features are made.

Biology of cognition, language, lexical meaning, lexical prototype, adjective.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 94:8:502(470.12)

*М.А. Безнин, Е.Ю. Баконов, Л.С. Панов,
В.А. Саблин, Е.А. Скупинова, Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет*

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ «СТАРИННЫЕ ГОРОДА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Статья посвящена двадцатипятилетней (1991–2016) истории проекта краеведческих альманахов «Старинные города Вологодской области». Анализируются количественные и качественные показатели исследовательской и издательской деятельности, научный уровень, характер и разнообразие опубликованных материалов, уникальность накопленного опыта в деле издания материалов исторического, литературного и лингвистического, а также естественнонаучного краеведения. Характеризуется состав и вклад в издание альманахов авторского и редакторского коллективов, в первую очередь Педагогического института ВоГУ, последовательность и особенности выпуска серий альманахов по каждому из городов, становление новых подходов в публикации краеведческих материалов.

Альманах, выпуск, краеведение, город, район, история, археология, источник, документ, язык, литература, природа, география.

В мае 1991 г. началась подготовка 1 выпуска альманаха «Устюжна», увидевшего свет в 1992 г. После его издания появилась идея создания аналогичных выпусков и по другим старинным городам Вологодской области. С этой целью была создана главная редколлегия серии, которую возглавил доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Михаил Алексеевич Безнин. В состав редколлегии вошли ученые Н.И. Баландин, А.Н. Башенькин, Ю.С. Васильев, Н.И. Голикова, А.В. Камкин, П.А. Колесников, Ф.Я. Коновалов, В.А. Кошелев, А.М. Микешин, А.А. Рыбаков, Г.В. Судаков, А.Ф. Чуянов, писатели и литераторы В.И. Белов, В.В. Кудрявцев, В.А. Оботуров, Л.В. Паншев, И.Д. Полуянов, руководители ведущих музеев области Л.Д. Коротаева и Э.П. Риммер, глава архивного отдела администрации области О.А. Наумова, директор областной научной библиотеки Н.Н. Белова, В.В. Новичихин, Е.А. Поромонов, В.В. Смирнов. С самого начала организатором всего дела явился Вологодский государственный педагогический институт, вскоре ставший университетом.

За двадцать пять лет вышли 43 выпуска серии «Старинные города Вологодской области». Не сразу

определилось единообразие их внешнего облика: поэтому два первых выпуска альманаха «Устюжна» были позже переизданы в одном томе стандартного оформления. В конечном счете серия в целом приобрела высокий престиж – ничего подобного не только вологодское, но и российское краеведение еще не знало. Отличает издания и то, что они иллюстрированы ценными прежде не опубликованными или редко публикуемыми фотографиями, репродукциями произведений изобразительного искусства. Особое место среди них занимают авторские фотоальбомы.

В 1994 г. вышли в свет первые выпуски альманахов «Кириллов», «Белозерье», «Вологда», в 1995 – «Великий Устюг» и «Тотьма», в 1996 – «Череповец», в 1997 – «Вытегра». В разных районах книги выходили с разной периодичностью, что зависело от возможностей коллективов и от уровня помощи, оказываемой местными администрациями: больше всего изданий вышло по Устюжне.

По-разному определялось направление альманахов, отраженное в их подзаголовках: первые выпуски характеризовались как «историко-краеведческие» или даже «историко-литературные», что несколько сужало их тематику. Когда окончательно определилась вся

широта спектра публикаций, в подзаголовке значилось «Краеведческий альманах». В дальнейшем дополнением серии «Старинные города Вологодской области» стала серия альманахов «Вологодская область», в которой вышли тома, посвященные городу Харовску, поселкам Вожеге, Чагоде и Кадую.

В состав редколлегий отдельных серий вошли профессор и доценты вузов Вологодской области, руководители музеев, архивов, библиотек, ведущие представители местной творческой интеллигенции. Возглавили редколлегии по городам М.А. Безнин («Вологда», «Устюжна», первый том «Череповца»), В.А. Саблин («Великий Устюг»), Е.А. Скупинова (Вытегра), А.В. Камкин («Тотьма»), С.Г. Карпов (2 и 3 тома «Череповца»), Ф.Я. Коновалов («Кириллов», «Вожега»), Ю.С. Васильев («Белозерье»), Г.В. Судачков («Кадуй»), Н.И. Голикова («Харовск»), А.Н. Башенькин («Чагода»).

Издание альманахов было бы невозможным, если бы вокруг них не сплотился круг авторов, многие из которых уже доказали высокий уровень своей квалификации, в то время как для некоторых публикации в альманахах стали стартом в науку. К работе над серией книг «Старинные города Вологодской области» были привлечены преподаватели вузов, ученые академических учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Киева и ряда других городов, музейные сотрудники, работники библиотек, архивов, искусствоведы, фотографы, журналисты, учителя школ, краеведы, студенты и школьники.

Книги серии формально относятся к территории 12 муниципальных районов Вологодской области.

В результате целенаправленной деятельности Главной редколлегии в отдельных районах области были сформированы творческие коллективы, выполняющие организационную, исследовательскую, поисковую, публикаторскую и иные виды работ. Самые активные группы сформировались в музеях Устюжны, Кириллова, Великого Устюга, Вытегры, Вологды, которые обеспечили высокое качество и разнообразие тематики работ местных авторов. Существенный вклад в публикаторскую деятельность внесли архивные учреждения Вологодской области.

Результаты 25-летней издательской деятельности впечатляют (табл.).

Таким образом, в изданных на сей день 43 выпусках альманахов общим объемом более 1160 учетно-издательских листов было опубликовано 956 различных материалов, принадлежащих перу 557 авторов. Это количество охватывает и авторов материалов, подготовленных для публикации в альманахах, и публикаторов источников, и авторов публикуемых литературных произведений. Тематика многочисленных публикаций группируется в три основные направления: историческое, литературно-лингвистическое, естественнонаучное.

Историческая проблематика

Основное место почти в каждом томе занимают материалы по истории. Среди них выделяются источниковедческие публикации. В подавляющем большинстве в альманахах представлены не публиковавшиеся ранее или не введенные в научный оборот источники. При этом любая публикация документов сопровождается их научной критикой в соответствии с принятыми правилами археографии и источниковедения. Особое место занимают публикации источников XVI–XVII вв., отражающие важные политические и социально-экономические процессы истории края¹. XVIII–XIX вв. в истории региона представлены публикациями путевых заметок, вариантов составления местных летописей, мемуаров, воспоминаний и др.² История края в XX в. нашла отражение в публикации источников, связанных в первую очередь с периодом русских революций 1905–1906 и 1917 гг.³, нэпа⁴, 1930-х гг. и Великой Отечественной войны⁵.

Важным дополнением к текстам явилась публикация фотоматериалов, позволяющая более наглядно представить исторические события в крае⁶.

Историческая тематика опубликованных в томах серии материалов разнообразна и включает в себя следующие рубрики: «Археология», «История», «Исторический архив», «Краеведы и краеведение», «Искусство и культура». В целом же содержание каждого альманаха определялось спецификой территории, ее изученностью, событийным рядом, особенностями истории и культуры.

Древнейшая история края представлена в серии публикаций, как правило, связанных с констатацией и

Таблица

Статистические характеристики серии «Старинные города Вологодской области»

№	Названия альманахов	Количество выпусков	Количество опубликованных материалов	Общий объем (уч.-изд. л.)
1	Устюжна	8	127	210,9
2	Кириллов	7	149	154,5
3	Великий Устюг	5	130	130,0
4	Вытегра	5	98	124,9
5	Вологда	4	146	188,7
6	Белозерье	3	69	66,0
7	Тотьма	3	50	87,9
8	Череповец	3	97	86,1
9	Вожега	2	35	44,9
10	Кадуй	1	20	23,02
11	Харовск	1	21	24,8
12	Чагода	1	14	19

интерпретацией результатов археологических раскопок и разведок. В массе своей опубликованные материалы уточняют общую логику процесса освоения славянами Европейского Севера России и их взаимодействия с автохтонным населением. Часть публикаций посвящена археологическому изучению раннего Средневековья⁷.

Отличительной чертой исторических материалов, опубликованных в серии альманахов, является их хронологическое и тематическое разнообразие. Как правило, статьи на исторические темы занимают основное место в любом альманахе и призваны расширить понимание событий прошлого, восполнить знания об истории, но при этом, учитывая государственнообразующий статус вологодских земель в прошлом, поневоле обогащают и дополняют историю страны, ее политических, экономических и социальных институтов. На страницах альманахов детальной проработке подверглась история края периодов Средневековья и Нового времени. Как правило, это история этносов и сословий, градостроительства, монастырского обихода, развития промыслов и торгово-экономических связей в крае⁸. Отдельный пласт информации содержится в многочисленных статьях, посвященных вологодскому иконописанию, сохранению и реставрации шедевров древнерусской живописи⁹.

XIX – начало XX в. представлены в альманахах серией статей по истории образовательных учреждений, муниципалитетов, различных ведомств, художественной культуры и экономики края¹⁰.

История XX в. предстает со страниц альманахов во всем многообразии общественно-политической и социально-экономической жизни. Особое внимание авторами многочисленных статей уделено периоду революции и Гражданской войны, новой экономической политики, эпохе Великой Отечественной войны, быту горожан и колхозников, послевоенному развитию края¹¹.

В помощь краеведам и всем, кто желает больше знать о своей Родине, в альманахах опубликованы подготовленные сотрудниками областной библиотеки списки литературы по истории Белозерья, Вологды, Тотемского уезда, Великого Устюга.

В итоге анализ опубликованного исторического материала позволяет говорить об уникальности серии альманахов, ее непреходящем значении и необходимости дальнейшего развития.

Литературное и лингвистическое краеведение

Структура альманахов складывалась под влиянием первого образца, которым оказался альманах «Устюжна». Значительное место в первом и последующих выпусках этого сборника стал занимать раздел «Литературная Устюжна». В стартовом, первом выпуске «Устюжны» была опубликована поэтическая подборка «Венок Устюжне», а также стихи Ю.М. Максина, который затем публиковался неоднократно, и большие коллекции стихов А.А. Васильева и Ю.П. Тимофеева. К чести устюжан, в их альманахе никогда не было низкопробной графоманской продукции, здесь печатались настоящие писатели и по-

эты: В.И. Смирнов, В.Н. Смирнов, Г.П. Непоротовская, Т.В. Смирнова, Е.А. Воротынцева.

Альманахи небольших городов и поселков вслед за Устюжной обязательно стремились наполнить этот раздел произведениями самодельных авторов, в то время как крупные центры (Вологда, Череповец, Великий Устюг и др.), где имелись возможности для отдельных литературных изданий, обращали внимание больше на научно-популярные очерки по литературному краеведению и лингвистической тематике. В устюженском сборнике есть такие сочинения: это и творческие работы А.А. Поздеева – исследователя сюжета «Ревизора»¹², и хроника пребывания А.И. Куприна в Даниловском¹³. Для этого альманаха писал В.А. Кошелев, изучавший историю рода Батюшковых¹⁴. Несколько материалов были посвящены творчеству писателей В.Е. Пошехонова, Винцаса Петариса.

Устюжане первыми стали печатать фольклорные записи (частушки 1920–1950-х годов – вып. 3; частушки 1908–1917 гг. и периода Великой Отечественной войны – вып. 4). Несколько статей было посвящено языку родного края: старорусским личным именам и лексикографическим опытам устюжан в начале XIX в.

Современные экономические и социально-культурные особенности того или иного древнего города Вологодчины в значительной степени определяли содержание соответствующего альманаха. Это особенно проявляется в вологодских и череповецких книгах. Так, изыскания вологодских краеведов были обращены в далекое прошлое (статья Г.В. Судакова «И заговорили безмолвные свитки»¹⁵ – вып. 1; работы Г.В. Судакова, Н.А. Гринченко и Е.Л. Демидовой о книжном деле на Вологодчине¹⁶ – вып. 2–3), в историю Вологды XIX – начала XX века (материалы о П.А. Межакове с публикацией его стихов¹⁷; литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX в.¹⁸ – вып. 1). В нескольких выпусках публиковался справочник «Писатели города Вологды», подготовленный В.К. Пудожгорским. Немало материалов в альманахе «Вологда» посвящено писателям – уроженцам земли Вологодской или жившим здесь какое-то время и описывающим впечатления от вологодской действительности. Это имеет отношение, например, к А.М. Ремизову (исследователь Ю.В. Розанов)¹⁹, к К.Н. Батюшкову и А.И. Куприну (авторы Г.В. Судаков и Т.П. Усачева)²⁰, к Василию Сиротину (Л.А. Каленистов)²¹, к Иннокентию Анненскому (Ю.В. Бабичева)²², Федору Сологубу (Н.И. Рублева)²³, Н.А. Клюеву (Л.Г. Яцкевич)²⁴, святителю Игнатию (Г.В. Судаков)²⁵.

Словарь старой Вологды (лексика строений, именования жителей) описывается Ю.И. Чайкиной и ее учениками. В альманахе была опубликована переписка вологодского краеведа П.А. Дилакторского с академиком А.А. Шахматовым²⁶; о диалектном словаре, составленном П.А. Дилакторским, писала в альманахе Е.Н. Шаброва²⁷; творчество знаменитого краеведа М.Б. Едемского анализировала М.А. Вавилова (см. дополнительно статью о вологодской свадьбе в записях Едемского – «Тотьма-3»)²⁸, она же в альманахе

«Вожега» напомнила вологжанам о забытом краеведе-филологе А.А. Шустикове²⁹.

О современных авторах пишет В.Н. Бараков: о поэте В. Калачеве в альманахе «Череповец», о судьбе юного поэта Алексея Шадринова в книге «Белозерье» (Вып. 2)³⁰. В.С. Белков – автор поэтического эссе о Н. Рубцове («Тотьма». Вып. 1)³¹.

В альманахе «Череповец» содержательны разделы «История в лицах», «Культура края», «Документы рассказывают» и «Литературная жизнь». Например, в первом выпуске приведены новые материалы к биографии К.Н. Батюшкова (проф. Р.М. Лазарчук)³², И. Северянина (Н.Т. Документова)³³, о «гоголевском» следе в Череповце (Н.П. Морозова)³⁴, напечатаны художественные тексты пяти авторов. Во втором выпуске альманах напомнил о знаменитых земляках К.Н. Батюшкове, Е.В. Барсове, опубликовал произведения нескольких авторов.

В альманахе «Великий Устюг» тема литературно-краеведения развита слабо, что объясняется ограниченной литературной историей этих мест. Но раздел «Язык родного края» в сборнике представлен: это статьи С.Н. Смольникова и Ю.И. Чайкиной о фамилиях и прозвищах устюжан в XVII в., о лингвистической содержательности таможенной книги 1751–1752 гг.³⁵ В выпуске 4 имеется раздел «Устюг литературный», где продемонстрировано творчество современных авторов.

История древнего Белозерского уезда представлена в двух альманахах: «Белозерье» и «Кириллов». В выпусках «Белозерья» есть и раздел «Устное народное творчество» (частушки, местные слова, обрядовый фольклор), и «Литературное творчество земляков» (стихи С.С. Орлова, С.В. Викулова, Л.А. Беляева, А.Ю. Шадринова). Кирилловских сборников вышло больше, поэтому материала там представлено больше: это и стихи земляков, и цикл статей А.В. Смирновой о книжных собраниях монастырей и церквей, о названиях улиц города Кириллова.

Самобытное словесное искусство тотмичей представлено в выпусках альманаха «Тотьма». Профессор Ю.И. Чайкина³⁶ и учитель-краевед А.В. Кузнецов³⁷ рассматривают топонимы Тотемского края. Публикуются исследования и подборки стихов Ф.П. Савинова и Н.М. Рубцова, прозы С.П. Багрова.

В альманахе «Вытегра» есть разделы «Язык земли – язык народа» и «Литературная жизнь», статьи которых подготовлены не только вологодскими учеными, но и коллегами из Архангельска, Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга и Киева.

Здесь большое внимание уделяется названиям географических объектов, проблемам взаимодействия русского и вепского языков (например в четвертом выпуске помещены две большие, на 112 страниц, статьи А.И. Соболева)³⁸, публикациям и изучению фольклорных текстов. Но на первом месте по числу публикаций стоит творчество самого знаменитого земляка Николая Клюева: в первом выпуске Клюеву посвящены две статьи, во втором – пять, а в третьем публикуется научно-популярный очерк В.В. Дементьева «Олонецкий ведун. Житие Николая Клюева»³⁹. Кроме того, в альманахе представлены лучшие доклады, прочитанные на ежегодных Клюевских чтениях.

Альманахи «Вожега», «Харовск», «Чагода», «Ка-дуй», посвященные небольшим районам, получившим развитие в XX веке, освещают главным образом развитие экономики и социальной сферы. Заметки литературного содержания здесь редки.

Закончим обзор упоминанием о тематических разделах в альманахах, где публикуются источники и произведения писателей-земляков. Публикации документов, в том числе филологического содержания, осуществлялись в книгах «Чагода» (Житие Ефросина Синозерского), «Белозерье» и «Вытегра» (диалектные слова), «Череповец» (опись библиотеки Батюшковых), «Белозерье» и «Кириллов» (летописцы и летописи). Публиковались также литературные произведения С.П. Багрова, Л.А. Беляева, С.В. Викулова, С.Н. Власова, В.Д. Елесина, Н.М. Ивановой-Романовой, К.М. Маткеева, И. Николаева, С.С. Орлова, Е.Н. Попова, Ф.П. Савинова.

Материалы естественнонаучного характера

Первые альманахи серии «Старинные города Вологодской области» позиционировались как литературно-исторические и поэтому материалов, посвященных природе, в них не публиковалось. Появление статей естественнонаучного характера связано с принятием решения о расширении тематики выпусков и превращении их в комплексные краеведческие. Однако включить природную составляющую в содержание всех последующих томов оказалось непросто. В ряде случаев это было связано с позицией заказчиков, предпочитавших исторический аспект публикаций или опиравшихся на собственные издательские традиции, в иных ситуациях – с недостатком научно-популярных материалов, готовых к публикации в жанре альманаха, в третьих – с явным дефицитом углубленных отраслевых исследований территории. Так и оказалось, что совсем нет природоведческих разделов в четырех из семи выпусков альманаха «Кириллов», в двух из четырех вологодских томов, в трех из семи устюженских; лишены таких статей и отдельные выпуски белозерского, великоустюгского и тотемского альманахов.

Если сравнивать проблематику статей естественнонаучного профиля, то тут тоже есть определенные особенности и закономерности. Идеальный вариант первого тома каждого альманаха должен был, по нашему мнению, включать общий популярный очерк природы района (ближних окрестностей исторического города), однако такого рода статьи появились только во втором выпуске «Череповца»⁴⁰, третьем «Кириллова»⁴¹, а также в вожегодских⁴² и чагодощенском⁴³ томах. Компонентные характеристики природы оказались более разнообразны по тематике, если брать всю серию целиком, но каждый отдельный район тоже не получил описания всех особенностей природы.

Статьи о тектоническом развитии территории Белозерского, Вытегорского, Устюженского, Харовского районов, их геологическом строении и обеспеченности полезными ископаемыми опубликованы благодаря популяризаторской деятельности ученых и практиков геологов⁴⁴. О связи современного рельефа и

геологического строения рассказывается в очерках о Великом Андомском водоразделе⁴⁵, об исчезающих реках и озерах Вытегорского района⁴⁶, о грандиозном сухонском амфитеатре урочища Опоки, что в Великоустюгском районе⁴⁷. Объектами внимания авторов становились и геологические памятники природы Тотемского⁴⁸ и Вытегорского⁴⁹ районов. Гидрогеологические особенности территорий чаще всего характеризовались в геологических очерках, но Шелохачским сероводородным источником посвящена отдельная статья в одном из устюженских томов⁵⁰.

Значительное место в альманахах занимают материалы, связанные с разными аспектами изучения внутренних вод области. Обзорные статьи написаны по рекам Кубене и Сухоне⁵¹ и по озерам Белому и Воже⁵². Не избежали внимания авторов и малые озера края: вытегорские, белозерские и вожегодские⁵³. Две малые реки (Ужла и Мегра⁵⁴) охарактеризованы в вытегорском альманахе. Состоянию и проблемам эксплуатации искусственных водных объектов посвящены статьи о Рыбинском водохранилище⁵⁵ и о Волго-Балте⁵⁶. Климатическая неоднородность края нашла отражение в анализе агроклиматических ресурсов Великоустюгского района⁵⁷ и оценке повторяемости опасных и неблагоприятных погодных явлений на территории Вытегорского района⁵⁸. Отдельным блоком следует выделить публикации о фенологических явлениях и наблюдениях за ними, которые активно велись в области во второй половине XX века и дали обильный материал для анализа. Календари природы опубликованы для Белозерского, Вологодского и Харовского районов⁵⁹. В этом же ряду стоят «Заметки фенолога» С.В. Шильниковского⁶⁰, касающиеся Великоустюгского района.

Биотические компоненты природы – почвы, растительность, животный мир – подробнее всего раскрыты для Вожегодского района: второй том альманаха содержит информацию и о почвах⁶¹, и о рыбах⁶², и о насекомых⁶³, и о растениях⁶⁴, но появлялись и отдельные публикации по другим районам⁶⁵. В некоторых альманахах серии лучше отражены особенности растительности, ставшие результатом планомерного изучения области сотрудниками кафедры ботаники ВоГУ. Статьи этого вида касаются и района в целом⁶⁶, и отдельных его частей; они могут быть посвящены и естественной, и синантропной растительности; предметом рассмотрения часто являлись редкие растения и растительные ресурсы⁶⁷ районов и т. п.

О животном населении области в альманахах немало отдельных материалов, но самостоятельное значение приобрели публикации о природно-очаговых заболеваниях, в распространении которых участвуют таежные звери. Содержание таких статей, подготовленных высококвалифицированными специалистами⁶⁸, привлекает внимание не только самим фактом информирования о такого рода заболеваниях, как лептоспироз, туляремия, геморрагическая лихорадка с почечным синдромом, клещевой энцефалит и клещевой боррелиоз, но и описанием мест их проявления и доступных профилактических мер.

Анализ природного разнообразия территории области нашел отражение и в ряде локальных описаний⁶⁹, и в специально посвященных этому

аспекту публикациях по Вытегорскому району, продолженных актуальным анализом освоенности пространства уже на основе данных GOOGLE – PANORAMIO⁷⁰.

В этом же ряду стоит цикл статей о ландшафтно-планировочной (ландшафтно-архитектурной) среде городов Вологды, Великого Устюга и Белозерья⁷¹, раскрывающий законы «вписывания человека в ландшафт». Такого же рода взаимоотношения анализируются для Вологды через оценку восприятия границы города⁷², для Вытегорского района через формирование его экологического каркаса⁷³, для Череповца через историю Соляного парка⁷⁴ и др.

Страноведческий подход к характеристике области в альманахах нашел отражение в серии публикаций, касающихся описания отдельных территорий. Примером такого рода статей являются комплексное описание сухонских островов Дедов, Бабий и Внуков⁷⁵, Орловской корабельной роши⁷⁶, Куштозерья⁷⁷, Подсосенья⁷⁸, Шухтовского края⁷⁹, Чагодощенского Полесья⁸⁰, Судского бора⁸¹ и др. Нередко в альманахах появлялись характеристики особо охраняемых природных территорий⁸².

Завершая обзор природоведческих материалов, размещенных в специализированных разделах каждого тома, следует отметить, что естественнонаучная информация так или иначе содержится и в публикациях иной тематики. Например, в литературной части альманахов обнаруживаются поразительные по красоте и достоверности описания отдельных природных процессов, явлений или событий⁸³. В работах искусствоведческого или исторического плана приводятся описания современных или ретроспективных природных явлений⁸⁴. Топонимические работы⁸⁵ дают представление о классификационных признаках называемых географических объектов. Исторические статьи формируют образные представления о ландшафтах и пейзажах былых времен, разъясняют причины и направленность антропогенных преобразований природы и т. п. Такие взаимосвязи в альманахе «Великий Устюг», например, подчеркиваются самим названием раздела – «Природа и люди».

Природоведческий блок серии альманахов создан людьми разных поколений, профессий и квалификации, в их числе вологжане и жители других регионов страны, но всех авторов объединяют искренняя любовь к вологодской земле и высокий профессионализм, позволившие на протяжении четверти века написать природную летопись Вологодчины.

* * *

В настоящее время в работе находится ряд томов серии. Уже несколько лет в состоянии, близком к завершению подготовки, существуют 5 том альманаха «Вологда» и 4 том «Череповца». Их тематика крайне актуальна с точки зрения завершения краеведческого анализа данных территорий. В альманахе «Вологда» предполагается публикация более тридцати материалов на разные темы. В их числе статья Д.А. Гуторовой «Генеральные планы Вологды: ретроспективный анализ», А.Л. Кузьминых «Военнопленные в Вологде и ее окрестностях (1939–1949)», статьи А.А. Глебовой и Н.А. Кутекиной по истории народ-

ных промыслов и многое другое. В разделе «Исторический архив» планируется публикация статьи историка и политического деятеля В.Н. Трапезникова «События 1905 г. в Вологде».

После выхода в свет третьего выпуска альманаха «Череповец» началась подготовка по сбору материала для четвертого тома. В портфеле редколлегии находится около 30 материалов различного характера общим объемом около 20 печатных листов. Часть материалов подверглась редактированию, был подготовлен проспект альманаха, который включил традиционные для этого альманаха разделы: «Археология», «Историческая панорама», «Исторический архив», «Люди в истории края», «Культура края». Как и ранее, большая часть авторов была представлена череповецкими историками, краеведами, музейными работниками, журналистами.

Планово продолжается процесс подготовки альманахов «Устюжна», выпуск 9-й, и «Великий Устюг», выпуск 6-й. Подготовленный к печати очередной выпуск альманаха «Великий Устюг» во многом продолжает традиции предыдущих изданий, их структуру и содержательное наполнение. Предполагается рубрика «Историческая панорама», в которую будут включены материалы по истории почитания Стефана Пермского и Прокопия Праведного, торговых связей Устюга в XVIII в., Великоустюгского музея в годы Великой Отечественной войны, истории фотографических заведений города, различного рода общественных организаций и муниципальных структур, монастырских общин. Раздел «Имя в истории» познакомит читателя с родословием священнослужителей Детищевых и Поповых, с военным подвигом Н.И. Меркурьева в годы Великой Отечественной войны, с опытом работы С.М. Юркина по озеленению города, с политической деятельностью И.Н. Зиновьева. Раздел «Образование и культура» включает в себя освещение истории Великоустюгского учительского института, лесной школы в Великом Устюге, епархиального училища, истории зарубежных паломнических реликвий и др. Раздел «Язык родного края» предполагает анализ фельетонного жанра на страницах местных газет 1920-х гг. Раздел «Природа и люди» включает в себя статьи по гидрологии рек Сухона и Юг.

В альманахе «Устюжна» предполагается публикация археологической статьи М.Г. Васениной «Поселения раннего железного века Устюженского района». В исторической части будут помещены статьи А.А. Алхимова «Василий Федорович Андреев» и «Новые данные к истории судоверфи им. Желябова», К.А. Зубова «Фотографы и открытки с видами Устюжны» и ряд других. В литературной части публикуется статья Е.А. Воротынцевой «Устюжская барышня» (новые данные к биографии поэта и критика Аполлона Григорьева), готовятся к публикации также материалы по искусству и природе района.

Продолжается работа и по подготовке новых томов для остальных исторических городов области (Кириллов, Белозерск, Вытегра, Тотьма). Представляется, что наше поколение ученых и краеведов может оставить потомкам 50-томник, посвященный истории, словесности, культуре и природе родной земли.

¹ 1556–1557 г. – Сотная с устюжских писцовых книг Ю.И. Александрова Самсонова на вотчину архиепископа Ростовского в Устюжском уезде / публ. Ю.С. Васильева // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 366–378; 1617/18 г. – Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Деметьева / публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 37–75; 1660 г. – Отписная книга Троицкого Устьшехонского монастыря отписчика сына боярского Вологодского архиерейского дома Федора Блинова игумену Иоанну / публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 93–104; 1661 г., мая 31. – Отписная книга Воскресенского Горницкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игумене Марфе Товарищевых / публ. Ю.С. Васильева // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 261–287; 1675 г. марта 25. – Жалованная тарханная грамота Алексея Михайловича архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите на езы в р. Шексне и рыбные ловли в Белом и других озерах Белозерского уезда / публ. З.В. Дмитриевой, И.А. Смирнова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 321–331; Дмитриева, З.В. Вытненные книги села Рукина Слободка с деревнями 1620–1660-х годов / З.В. Дмитриева // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 225–272; Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Софонова. 1616–1617 г. / публ. Ю.С. Васильева // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 333–370; Летописец Троицкого Устьшехонского монастыря / публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 86–92; Летопись Горницкого монастыря / публ. Г.О. Ивановой // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 288–355; Летопись событий Кирилло-Белозерского Успенского монастыря. 1397–1893 гг. / публ. Г.О. Ивановой, А.В. Смирновой // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 273–347; Опись строений и имущества Кирилло-Новозерского монастыря 1657 года / публ. Т.В. Сазоновой // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 139–165; Опись строений и имущества Синозерской пустыни 1769 г. / публ. М.Ю. Хрусталева // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 261–279; Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов / публ. И.В. Пугача // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 82–105; Вып. 2. Вологда, 1993. С. 153–172; Вып. 3. Вологда, 1995. С. 294–345; Вып. 4. Вологда, С. 163–238; Родословие князей Белозерских по Родословной книге XVII века // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 74–76; Родословия князей Белозерских по «Бархатной книге» // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 77–92; Русские летописи о белозерских князьях и крае (до XV века) / публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 47–73 и др.

² Васильев, И.С. Описание города Устюга Великого Вологодской губернии в историческом, статистическом и топографическом отношениях / публ. И.С. Велieveй, коммент. Ю.С. Васильева // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 379–459; Вологда 1780-х годов в описаниях современников. А.А. Засецкий. Историческая и топографическая известия; Экономические примечания к Генеральному межеванию / публ. А.В. Камкина // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 279–301; Дневник и записки А.И. Дружинина / публ. Е.Р. Дружинина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 599–666; Дружинин, Е.Р. Дворяне Вологодской губернии на военной службе в последней трети XVIII–первой половине XIX вв.: биографические материалы / Е.Р. Дружинин // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 371–439; Из путевых заметок Н.А. Лейкина / публ. И.С. Смоленцевой // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 165–187; Формулярный список о службе Череповецкого городского головы И.А. Милотина / публ. Г.М. Серединой // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 146–154; Челищев, П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году (извлечение) / П.И. Челищев // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 113–138; Череповец в начале XX века. Ответы Череповецкой городской управы о социально-экономическом состоянии города Череповца / публ. О.В. Артемовой // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 287–298; Чечулин, С.Д. Ежегодник моей жизни (воспоминания) (1866–1871) / С.Д. Чечулин // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 166–173; Шевырев, С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году / С. Шевы-

рев // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 139–156 и др.

³ Манифест 17 октября 1905 года в Череповце / публ. А.Н. Егорова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 164–175; Гражданская война на Севере (Воспоминания П.П. Сахарова и А.Н. Суворова о шекснинском восстании 1918 года) / публ. Г.Н. Пахний // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 176–223 и др.

⁴ Вологда 1920-х годов в цифрах / публ. В.А. Саблина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 687–704; «Деревня хотя и черепащими шагами, и с трудом, но развивается...» / публ. О.Ю. Солодянкиной // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 92–96; Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы / публ. В.В. Морозова, Н.И. Решетникова // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 245–517; Документы свидетельствуют... (материалы ГАВО о вскрытии мощей преподобного Феодосия) / публикация Л.Н. Мясниковой // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 547–587; Из истории Вожеги 1914–1942 гг. (Документы из фондов ГАВО) / публ. Ю.А. Смирнова // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда, 1995. С. 172–194; Из истории вологодского обновленчества. (Журналы Вологодского епархиального собрания 6–8 июня 1929 года) / публ. И.В. Спасенковой, А.В. Камкина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 705–727; «...К руководству красноармейскими письмами». (Документы о перлюстрации личной переписки в 1920-е годы) / публ. И.А. Кожевниковой // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 359–365; К истории симфонической музыки в Череповце (1910–1922 гг.) / публ. Я.А. Аболина // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 355–363; Нэп в восприятии современников. (Письмо руководителей Грязовецкого уезда...) / публ. С.Г. Карпова // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 522–533; Спецпереселенцы в Вожегодском районе. (1930-е годы) / публ. О.В. Артемовой // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда, 1995. С. 195–220 и др.

⁵ Из истории деятельности Череповецкого Комитета обороны 1941–1944 годов / публ. С.Н. Цветкова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 97–121; К истории репрессий 30-х годов / публ. М.А. Безнина // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 222–229; «Кулак, враждебно настроен к Советской власти...» (Из истории раскулачивания и высылки семьи П.Е. Лысачева из Чарозерского района) / публ. С.Н. Цветкова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 251–258; Лукичева, Э.В. Колхоз «Доброволец» Вочкомского сельсовета (1931–1950-е гг.) / Э.В. Лукичева // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 56–85; Они защищали Родину (из истории боевого пути Оштинского истребительного батальона 1941–1944 гг.) / публ. С.Н. Цветкова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 334–366; Опокстрой / публ. А.Р. Дунаевой, М.Б. Железовой // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 339–358; Память о любви (из собрания писем участника Великой Отечественной войны А.С. Алексеева) / публ. Л.А. Валдаевой // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 140–166; Письма с войны (из архива историко-художественного музея) / публ. Т.В. Залогойной // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 178–193; Резухин, Алексей (протоиерей). Церковная Вологда 1930–1940-х годов / публ. А.В. Камкина, К.О. Козлова, И.В. Спасенковой // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 756–822; Сафонов, А.Е. Солдатские мемуары / А.Е. Сафонов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 404–430 и др.

⁶ Виды Устюжны конца XIX – начала XX века (из фондов Устюженского краеведческого музея). Фотоальбом // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 281–293; Виды Устюжны 1920–1930-х годов. Фотоальбом // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2000. С. 147–162; Вологда в конце XIX – начале XX века (фотоальбом) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 483–502; Изделия железодельного производства из коллекции Устюженского краеведческого музея (XI – первая половина XIX века). Фотоальбом / подборка Ф.Н. Новак // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 148–165; Фотоальбом «Устюжна и устюжане: 1945 – начало 1960-х годов» // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002 и др.

⁷ Башенькин, А.Н. Археологические памятники Чагодощенского района. Каталог / А.Н. Башенькин // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 40–86; Башенькин, А.Н.

Вологодская область в древности и средневековье / А.Н. Башенькин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 5–35; Башенькин, А.Н. Древние металлурги и кузнецы / А.Н. Башенькин // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 91–99; Башенькин, А.Н. Древности земли Устюженской / А.Н. Башенькин // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 18–30; Башенькин, А.Н. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоше / А.Н. Башенькин // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 19–39; Башенькин, А.Н. Женский убор древнего населения Устюженского края (по археологическим материалам) / А.Н. Башенькин, М.Г. Васенина // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 3–15; Башенькин, А.Н. Древняя Вологда / А.Н. Башенькин, И.П. Кукушкин // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 29–45; Васильев, С.Ю. Новые материалы к археологической карте долины реки Юг (по итогам работ Югского археологического отряда НИЦ «Древности Севера») / С.Ю. Васильев, А.В. Суворов // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 5–31; Васильев, С.Ю. Древние стоянки местечка «Борок». Поселение Павшино-2 / С.Ю. Васильев // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 43–56; Ганина, Ю.В. Обувь жителей древней Вологды / Ю.В. Ганина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 78–92; Иванищев, А.М. Древности Вытегория / А.М. Иванищев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 11–42; Иванищев, А.М. Поселение раннего неолита на Кемском озере / А.М. Иванищев, М.В. Иванищева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 7–27; Иванищева, М.В. Древности Тотемского края / М.В. Иванищева // Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 19–34; Иванищева, М.В. Археологические памятники Тотемского района / М.В. Иванищева, Д.В. Спирина // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 17–29; Кудряшов, А.В. Археологические памятники Лозско-Азатской озерной системы / А.В. Кудряшов // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 12–17; Кудряшов, А.В. Средневековая история Череповецкой округи по археологическим данным / А.В. Кудряшов // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 5–22; Кудряшов, А.В. Средневековое поселение Октябрьский мост в Череповце (итоги исследований 1989, 1992, 1993 гг.) / А.В. Кудряшов // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 20–38; Кудряшов, А.В. Череповец–Череповец. К вопросу о происхождении названия города (археологический комментарий к топонимической проблеме) / А.В. Кудряшов // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2002. С. 5–9; Кукушкин, И.П. Вологодское городище / И.П. Кукушкин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 36–46; Кукушкин, И.П. К вопросу о рыболовстве в средневековой Вологде / И.П. Кукушкин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 93–96; Кукушкин, И.П. Печать Феодосия Каменского / И.П. Кукушкин, Е.Н. Кукушкина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 631–633; Недомолкина, Н.Г. Векса – предшественница Вологды / Н.Г. Недомолкина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 47–77 и др.

⁸ Барашкова, В.С. Торговые люди г. Белоозера XVI в. Л. Дмитриев и В. Живляк / В.С. Барашкова // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 24–36; Булгаков, М.Б. Белозерские кузнецы XVII века / М.Б. Булгаков // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 28–41; Булгаков, М.Б. Вологодско-белозерские торговые связи в первой половине XVII века / М.Б. Булгаков // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 76–85; Васильев, Ю.С. Герасим Вологодский и начало города Вологды / Ю.С. Васильев // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 588–600; Васильев, Ю.С. Исторические реалии «Сказания о нашествиях поляков на Устюжну Железопольскую» / Ю.С. Васильев // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 173–181; Велиева, И.С. Архиерейское подворье – страницы истории... / И.С. Велиева // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 294–305; Виденеева, А.Е. О братии Кирилло-Белозерского монастыря в 1732 году / А.Е. Виденеева // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 89–115; Власова, И.В. Вологодская земля и ее население: этническая история XII–XX веков / И.В. Власова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 47–62; Воротынцева, Е.А. Древний устюженский род Безниных / Е.А. Воротынцева // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 87–104; Гневашев, Д.Е. Белозерский род Гневашевых-Стогнинных в XV–XVI веках / Д.Е. Гневашев // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Волог-

да, 2001. С. 52–67; Грязнов, А.Л. Двор Верейско-Белозерских князей в 1389–1486 годах / А.Л. Грязнов // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 24–51; Грязнов, А.Л. Князья Шелешпанские в XV–XVII веках / А.Л. Грязнов // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 93–117; Еремеев, С.Т. Железные промыслы в Череповецком крае (X–XVI вв.) / С.Т. Еремеев // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 10–15; Завойская, Н.Е. Великоустюгский купец И.Я. Курочкин и его железодельные заводы / Н.Е. Завойская // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 166–205; Зама- раев, В.Н. Солеварение в Тотме / В.Н. Замаев // Тотма: Историко- литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 63–71; Захаров, В.Н. Иностранцы купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века / В.Н. Захаров, М.С. Черкасова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 97–132; Захаров, С.Д. Новые данные о Белоозере XIV в. / С.Д. Захаров // Белозерье: Историко- литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 16–23; Ипатова, Т.А. Вытегра и ее окрестности глазами исследователей и путешественников (XVIII–XIX века) / Т.А. Ипатова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 43–54; Колесников, П.А. Город Тотма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории русского поморского города). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / П.А. Колесников // Тотма: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2001. С. 180–277; Колесников, П.А. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX веков / П.А. Колесников // Устюжна: Историко- литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 42–61; Колесников, П.А. Сказы о граде Вологде / П.А. Колесников // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 7–28; Колесников, П.А. Слово об Устюжне и альманахе / П.А. Колесников // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 5–17; Колесников, П.А. Город кузнецов и оружейников / П.А. Колесников, И.В. Пугач // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 100–123; Куликов, С.Б. Некоторые итоги исследований истории возникновения и строительства соборного комплекса Воскресенского девичьего Горницкого монастыря / С.Б. Куликов // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 169–187; Макаров, Н.А. Сельские приходы XV–XVII веков и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности / Н.А. Макаров // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 17–35; Макаров, Н.А. Древности затопленного Белоозера / Н.А. Макаров, С.Д. Захаров // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 7–15; Пугач, И.В. Устюжна Железопольская в XVI–XVII веках / И.В. Пугач // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 5–86; Пугач, И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI – первой половине XVII века / И.В. Пугач // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2000. С. 5–110; Слащев, К.Р. Демографическая ситуация в городе Великом Устюге в конце XVIII века / К.Р. Слащев // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 44–50; Слащев, К.Р. Демографическая ситуация в городе Вологде и Вологодском уезде в конце XVIII века / К.Р. Слащев // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 63–77; Слащев, К.Р. Демографическая ситуация в городе Вологде и Вологодском уезде в 1760 году / К.Р. Слащев // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 320–330; Слащев, К.Р. Демографическая ситуация в городе Тотме в конце XVIII века / К.Р. Слащев // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2001. С. 143–150; Солодкин, Я.Г. «Повесть» об обороне Устюга Великого в 1613 году (к истории создания произведения) / Я.Г. Солодкин // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 36–43; Тимошина, Л.А. Гости Панкратьевы и Великий Устюг в XVII веке / Л.А. Тимошина // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 134–153; Черкасова, М.С. К изучению финансового статуса русских монастырей в XVI–XVII веках (по актовому материалу) / М.С. Черкасова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 65–87; Черкасова, М.С. Сравнительное изучение монастырских архивов: источники и проблемы / М.С. Черкасова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 290–310; Чернов, С.З. Из истории Киснемы последней четверти XIV – начала XV века / С.З. Чернов // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 9–26 и др.

⁹ Белов, С.П. Икона «Единый сын» из Саминского погоста / С.П. Белов // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 240–249; Белов, С.П. Икона «Никола Великорецкий» середины XVI века из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / С.П. Белов // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1.

Вологда, 1994. С. 261–269; Белов, С.П. Храмовая икона «Рождество Богоматери» из Богородицерождественского собора / С.П. Белов // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 117–126; Иванова, Г.О. О храмовой иконе собора Ферапонтова монастыря / Г.О. Иванова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 238–248; Мельник, А.Г. Икона Леонтия Ростовского из Воскресенского Горницкого монастыря / А.Г. Мельник // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 212–218; Мельник, А.Г. Неизвестный шедевр круга Дионисия / А.Г. Мельник // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 186–192; Петрова, Н.В. Собрание иконописи Кирилло-Белозерского музея-заповедника: история формирования, реставрация, изучение / Н.В. Петрова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 170–181; Пуцко, В.Г. Выносной расписной крест в Череповце / В.Г. Пуцко // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 229–242; Пуцко, В.Г. Древняя храмовая икона Успенского собора в Великом Устюге: генезис иконографии / В.Г. Пуцко // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 195–210; Пуцко, В.Г. Икона Богоматери Белозерской: русская иконопись XIII века в европейском художественном контексте / В.Г. Пуцко // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 330–343; Пуцко В.Г. Икона из Воскресенского Горницкого монастыря и северорусские иконографические схемы Покрова XVI века / В.Г. Пуцко // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 219–237; Пуцко, В.Г. Иконописные портреты основателей северных русских монастырей: корни локальной художественной традиции / В.Г. Пуцко // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 207–224; Пуцко В.Г. Иконы в древнем Белозерье / В.Г. Пуцко // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 236–244; Рыбаков, А.А. Иконостас вологодского Софийского собора / А.А. Рыбаков // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 242–260; Рыбаков, А.А. Фрески Казанской церкви в Устюжне / А.А. Рыбаков // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 262–278; Рыбаков, А.А. Художественный ансамбль интерьера Богородицерождественского собора / А.А. Рыбаков // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 106–116; Рыжакова, Е.В. Памятники древнерусской живописи Тотмы, реставрированные во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря / Е.В. Рыжакова // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 597–615; Трифонова, А.Н. Резной иконостас конца XVIII – начала XIX века Спасо-Преображенского собора города Белозерска / А.Н. Трифонова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 344–361; Шелкова, Е.Н. Технология стенописи Дионисия (пояс полотенец) / Е.Н. Шелкова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 182–195 и др.

¹⁰ Артемова, О.В. Из истории Леденгского соляного завода. (По материалам Государственного архива Вологодской области) / О.В. Артемова // Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 298–305; Исторический очерк деревень Алекино, Леонтьевщина, Уткино / О.В. Артемова, М.А. Безнин, А.В. Камкин, В.А. Саблин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 274–392; Бахарев, А.И. Этапы развития народного образования в Череповце / А.И. Бахарев // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 397–424; Белов, С.П. Дмитрий Александрович Григоров и его книга о Тотме / С.П. Белов // Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 287–297; Бобров, А.В. А.И. Куприн в Даниловском. Хроника / А.В. Бобров // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 154–175; Вавилова, М.А. Из истории вологодского краеведения. Михаил Борисович Едемский (1870–1933 гг.) / М.А. Вавилова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 576–591; Воронина, Т.А. Об особенностях питания крестьян Тотмского уезда в конце XIX века / Т.А. Воронина // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 132–164; Воронина, Т.А. Петровская ремесленная школа / Т.А. Воронина // Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 72–104; Воротынцева, Е.А. Социально-экономическое и культурное развитие Устюжны и уезда в конце XIX – начале XX веков / Е.А. Воротынцева // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1992. С. 46–73; Воротынцева, Е.А. История Устюженского земства. 1865–1918 гг. (по материалам краеведческого музея) / Е.А. Воротынцева, Л.А. Шведова // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 223–261; Глызина, Л.И. Кирилловские купцы второй половины XIX – начала XX века / Л.И. Глызина // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 142–158; Долгушина, М.Г.

Музыкальная жизнь Вологды в 40–50-х годах XIX века (по материалам газеты «Вологодские губернские ведомости») / М.Г. Долгушина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 462–472; Зайцев, С.Н. Участие вологжан в строительстве Петербурга (первая половина XIX века) / С.Н. Зайцев // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 86–96; Козина, Г.Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX века) / Г.Н. Козина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 85–148; Коновалов, Ф.Я. Вологодские губернаторы / Ф.Я. Коновалов // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 62–75; Кошелев, В.А. К истории русской усадебной культуры. (Вологодский поэт П.А. Межаков) / В.А. Кошелев // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 195–207; Красавцева, С.А. Из истории Великоустюгской мужской гимназии / С.А. Красавцева // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 51–76; Кузнецова, В.И. История Устюженской женской гимназии (1875–1918 гг.) / В.И. Кузнецова // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 200–220; Михайлов, Б.Г. Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века / Б.Г. Михайлов // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 144–159; Михайлов, Б.Г. Демократическое движение в Череповце в 70-х годах XIX века / Б.Г. Михайлов // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 53–55; Михайлов, Б.Г. Народники в Великом Устюге / Б.Г. Михайлов // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 118–122; Моисеев, С.В. Культурные связи Новгорода и Череповца во второй половине XIX – начале XX века / С.В. Моисеев // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 308–317; Наумова, О.А. Документы органов общественного самоуправления г. Устюжны как источник по истории социально-экономического и культурного развития города конца XVIII – начала XX века. (Обзор фондов ГАВО) / О.А. Наумова // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 346–374; Наумова, О.А. Тотемское купечество в XVIII–XIX веках, его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор документов Государственного архива Вологодской области) / О.А. Наумова // Тотьма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 306–314; Петрова, Л.Л. Ремесла и промыслы крестьян Кирилловского уезда / Л.Л. Петрова // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 118–139; Пец, А.П. История рода Пецов (1774–1996 годы) / А.П. Пец // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 206–220; Риммер, Э.П. И.А. Милютин и проблема так называемого «Русского Оксфорда» / Э.П. Риммер // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 318–324; Рошевская, Л.П. Библиотеки Великоустюгского уезда в XIX – начале XX века / Л.П. Рошевская // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 88–107; Смирнова, А.В. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря в XVIII–XX веках / А.В. Смирнова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 77–86; Стариков, Е.А. Вологда в конце XIX – начале XX века. (Заметки о населении, городском хозяйстве и быте) / Е.А. Стариков // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 121–143; Тяпин, И.Н. Старообрядчество в Вологде (XVIII – начало XX века) / И.Н. Тяпин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 218–231; Хрусталева, М.Ю. По Тихвинской водной системе. Из истории водных коммуникаций и судоходства / М.Ю. Хрусталева // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 158–168; Чайкина, Ю.И. Таможенная книга Устюга Великого 1751–1752 годов как источник для изучения языка и культуры севернорусской провинции XVIII века / Ю.И. Чайкина, С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 293–308; Чебыкина, Г.Н. Великий Устюг во второй половине XIX – начале XX века / Г.Н. Чебыкина // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 57–117; Шулятикова, Е.Е. Архитектурные стили города Череповца XVIII – начала XX века / Е.Е. Шулятикова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 243–261; Шукина, И.Г. Судоходство на Белом озере до и после прорытия Белозерского обводного канала / И.Г. Шукина // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 87–100 и др.

¹¹ Арабков, Л.В. Незвестная война / Л.В. Арабков // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 22–37; Белов, С.П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.) / С.П. Белов // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 518–536; Беляев, Л.А. Устюжна театральная в XX веке / Л.А. Беляев // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 221–290; Бонфельд, М.Ш. Из истории музыкальной жизни Велико Устюга (1919–1921 гг.) /

М.Ш. Бонфельд // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 230–252; Валдаева, Л.А. О чем писала районная газета «Вперед» в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Л.А. Валдаева // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С. 47–67; Вержбицкая, Т.А. «Мы должны немедленно разгромить буржуазию...» / Т.А. Вержбицкая // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 52–69; Димони, Т.М. Землепользование крестьянского двора в Вологодской области во второй половине 1930-х–1940-х годах / Т.М. Димони // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 393–403; Димони, Т.М. Тридцатитысячники в Белозерье / Т.М. Димони // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 194–203; Егоров, А.Н. Либеральная интеллигенция Череповецкого края в первой русской революции / А.Н. Егоров // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 56–63; Зенкова, О.Б. «Мы наш, мы новый мир построим...» (из истории преобразования устюжских монастырей после революции 1917 года) / О.Б. Зенкова // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 108–133; Карпов, С.Г. Материальное положение колхозной семьи в Вологодской области в 1965–1985 годах / С.Г. Карпов, К.А. Гулин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 203–214; Кедров, Н.Г. Власть и верующие Устюженского района в 1930-х годах / Н.Г. Кедров // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 105–139; Кириллова, Э.А. Очерки музыкальной жизни Вологды 1940–1960 годов / Э.А. Кириллова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 473–502; Кожевникова, И.А. Нэп в деревне (Налоговая политика в Череповецкой губернии в 1921–1924 гг.) / И.А. Кожевникова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 71–77; Конасов, В.Б. Военно-санитарные поезда распределительного эвакопункта / В.Б. Конасов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 38–46; Куклин, Ю.Р. Фронтовички / Ю.Р. Куклин // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда, 1995. С. 34–43; Кукушкин, В.Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919–1921 годах / В.Л. Кукушкин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 189–202; Логинова, К.Н. Минеры – русские мадонны / К.Н. Логинова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 112–129; Малахов, Р.А. Чиновничество Череповецкой губернии в начале 1920-х годов / Р.А. Малахов // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 32–43; Мельникова, О.М. Заметки о музыкальной жизни Череповца конца XIX – начала XX века / О.М. Мельникова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 262–268; Панов, Л.С. «Жизнь движется и в Вологде...»: Питирим Сорокин в общественной и культурной жизни Вологды. 1911–1917 / Л.С. Панов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 181–202; Рапакова, Д.И. «Смертию смерть поправ...» (Слово о Герое России С.А. Преминине) / Д.И. Рапакова // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 244–254; Риммер, Э.П. Череповецкое краеведение в 1917–1937 годах / Э.П. Риммер // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 88–98; Саблин, В.А. Сельское хозяйство Вытегорского уезда Олонецкой губернии в 1917–1921 годах / В.А. Саблин // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 33–61; Саблин, В.А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) / В.А. Саблин // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 180–194; Саблин, В.А. Шекснинское восстание 1918 года / В.А. Саблин // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 64–70; Спасенкова, И.В. Церковная жизнь Вологды 1920-х–1930-х годов / И.В. Спасенкова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 250–287; Цветков, С.Н. Ошта в годы войны / С.Н. Цветков // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 70–111; Шалашов, Е.В. Милиция Череповецкой губернии в 1918–1927 годах / Е.В. Шалашов // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2002. С. 23–31 и др.

¹² Из наследия А.А. Поздеева. Поздеев, А.А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» / А.А. Поздеев // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1–2. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: Легия, 2007. С. 160–168.

¹³ Бобров, А.В. А.И. Куприн в Даниловском. Хроника / А.В. Бобров // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1–2. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: Легия, 2007. С. 169–192.

¹⁴ Кошелев, В.А. Батюшковы / В.А. Кошелев // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 1–2. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: Легия, 2007. С. 310–322.

¹⁵ Судаков, Г.В. И заговорили безмолвные свитки / Г.В. Судаков // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 316–325.

- ¹⁶ Судаков, Г.В. Рукописная и старопечатная книга на Вологодчине: проблемы изучения / Г.В. Судаков // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 544–548; Гринченко, Н.А. Книжное дело в Вологодской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов / Н.А. Гринченко // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 549–561; Демидова, Е.Л. Сто лет вологодской книги (1830-е – 1840-е гг.) / Е.Л. Демидова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 375–394.
- ¹⁷ Кошелев, В.А. К истории русской усадебной культуры (Вологодский поэт П.А. Межаков) / В.А. Кошелев // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 195–207; Межаков, П.А. Стихи / П.А. Межаков; подборка Н.Н. Беловой // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 208–214.
- ¹⁸ Розанов, Ю.В. Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века / Ю.В. Розанов // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 215–225.
- ¹⁹ Розанов, Ю.В. «Вологодская» повесть А.М. Ремизова «Часы»: биографический контекст / Ю.В. Розанов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 446–455.
- ²⁰ Судаков, Г.В. «Батюшков – предшественник Пушкина» / Г.В. Судаков // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 354–361; Усачева, Т.П. «Поклон даниловским соснам, людям и зверям...» / Т.П. Усачева // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 456–461.
- ²¹ Каленистов, Л.А. «Забытый у судьбы» / Л.А. Каленистов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 395–405; Сиротин Василий. Стихи и поэма / публ. Л.А. Каленистова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 406–415.
- ²² Бабичева, Ю.В. Вологодский «цикл» Иннокентия Анненского / Ю.В. Бабичева // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 429–433.
- ²³ Рублева, Н.И. Вологодские мотивы Федора Сологуба / Н.И. Рублева // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 434–445.
- ²⁴ Яцкевич, Л.Г. «Сильны не железом...» (Отражение национального самосознания в поэзии Н.А.Клюева) / Л.Г. Яцкевич // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 367–374; Яцкевич, Л.Г. Вологодские топонимы в поэзии Н.А.Клюева / Л.Г. Яцкевич // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 367–382.
- ²⁵ Судаков, Г.В. Святитель Игнатий (Брянчанинов) как проповедник / Г.В. Судаков // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 360–366.
- ²⁶ Письма П.А. Дилакторского академику А.А. Шахматову / публ. Н.А. Гринченко // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 643–679.
- ²⁷ Шаброва, Е.Н. П.А. Дилакторский и его словарь / Е.Н. Шаброва // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 592–598.
- ²⁸ Вавилова, М.А. Из истории вологодского краеведения. Михаил Борисович Едемский (1870–1933 гг.) / М.А. Вавилова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 576–591; Вавилова, М.А. Свадьба в Кошкенье в записи М.Б. Едемского: к проблеме интерпретации фольклорного текста / М.А. Вавилова // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2001. С. 151–179.
- ²⁹ Вавилова, М.А. Из архивного наследия А.А. Шустикова / М.А. Вавилова // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1995. С. 145–148; Шустиков, А.А. По захолустьям Вологодской губернии. (Путевые заметки) / А.А. Шустиков; публ. М.А. Вавиловой // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1995. С. 149–171.
- ³⁰ Бараков, В.Н. Владимир Калачев: стихи и письма / В.Н. Бараков // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1999. С. 493–501; Бараков, В.Н. «Это было со мной, это вновь повторится...». Судьба Алексея Шадринова / В.Н. Бараков // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 362–373.
- ³¹ Белков, В.С. Тихая родина Рубцова / В.С. Белков // Тотьма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995. С. 412–417.
- ³² Лазарчук, Р.М. Родословная Бердяевых. Новые материалы к биографии К.Н. Батюшкова / Р.М. Лазарчук // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1996. С. 139–149.
- ³³ Документова, Н.Т. О генеалогии И. Северянина / Н.Т. Документова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1996. С. 150–156.
- ³⁴ Морозова, Н.П. Н.В. Гоголь и Череповец / Н.П. Морозова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1996. С. 188–192.
- ³⁵ Смольников, С.Н. Фамилии устюжан в памятниках местной устной письменности XVII века / С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 271–292; Смольников, С.Н. Каков Савва, такова ему и слава (прозвища устюжан в первой половине XVII века) / С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2004. С. 344–358; Смольников, С.Н. Пристав Кузя, стрелец Кунавихин муж и другие в «издержечных» книгах XVII века / С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 4. С. 228–240; Чайкина, Ю.И. Таможенная книга Устюга Великого 1751–1752 годов как источник для изучения языка и культуры севернорусской провинции XVIII века / Ю.И. Чайкина, С.Н. Смольников // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 293–308.
- ³⁶ Чайкина, Ю.И. Старая Тотьма: географические названия и именование жителей (на материале Переписной книги Тотьмы 1677–1679 гг.) / Ю.И. Чайкина // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 30–36.
- ³⁷ Кузнецов, А.В. Русские топонимы Тотемского края (Из названий деревень) / А.В. Кузнецов // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 37–83; Кузнецов, А.В. Дославянские топонимы Тотемского края // Тотьма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995. С. 35–51; Кузнецов, А.В. Русские названия рек, ручьев и озер Тотемского района (Топонимический словарь) / А.В. Кузнецов // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2001. С. 62–129.
- ³⁸ Соболев, А.И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах его освоения / А.И. Соболев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 185–252; Соболев, А.И. Лексика прибалтийско-финского происхождения в Андомском говоре / А.И. Соболев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 253–296.
- ³⁹ Дементьев, В.В. Олонский ведун. Житие Николая Клюева / В.В. Дементьев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2005. С. 185–274.
- ⁴⁰ Очерки природы Череповецкого района / Г.А. Воробьев [и др.] // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1999. С. 435–480.
- ⁴¹ Скупинова, Е.А. Очерки природы национального природного парка «Русский Север» / Е.А. Скупинова, Н.К. Максимова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 1998. С. 201–231.
- ⁴² Воробьев, Г.А. К северу от Вологды (Краткий физико-географический очерк Вожегодского района) / Г.А. Воробьев // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1995. С. 44–59; Борисов, М.Я. Природные особенности водосбора озера Воже / М.Я. Борисов, Н.Л. Болотова // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 126–141.
- ⁴³ Черепанова, Т.П. Чагодощенское Полесье / Т.П. Черепанова, В.А. Яковлев // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда: Ардвисура, 1999. С. 280–295.
- ⁴⁴ Семенов, Д.Ф. Геологическое строение и полезные ископаемые Устюженского района / Д.Ф. Семенов // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда: Легия, 2002. С. 339–343; Семенов, Д.Ф. Геология, гидрогеология и полезные ископаемые Харовского района / Д.Ф. Семенов, А.И. Труфанов // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 347–364; Семенов, Д.Ф. Геологическое строение и геологическое развитие территории Белозерского района / Д.Ф. Семенов // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2007. С. 228–232; Чернышов, В.И. Вытегория в геологических эпохах / В.И. Чернышов // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда: ВоГУ, 2015. С. 241–263.
- ⁴⁵ Воробьев, Г.А. Великий Андомский водораздел / Г.А. Воробьев, В.С. Куликов // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 313–328.
- ⁴⁶ Воробьев, Г.А. Памятные озера Вытегорья / Г.А. Воробьев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 325–333; Гаркуша, В.И. Удивительная река Ужла / В.И. Гаркуша // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 295–306; Багулина, Т.Н. В поисках пропавшей реки / Т.Н. Багулина // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 306–312; Воробьев, Г.А. Шимозерье: тридцать лет спустя / Г.А. Воробьев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2005. С. 291–297.
- ⁴⁷ Скупинова, Е.А. Неспешное путешествие в Опоках / Е.А. Скупинова // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 318–326.

- ⁴⁸ Землякова, Т.П. Камни-гиганты / Т.П. Землякова, Г.Д. Елисеев // Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995. С. 373–377.
- ⁴⁹ Шестакова, Л.Г. По страницам «каменной летописи» / Л.Г. Шестакова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 296–305.
- ⁵⁰ Пестерев, В.В. Шелохачские сероводородные источники / В.В. Пестерев, Т.В. Прачкина // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 438–442.
- ⁵¹ Болотова, Н.Л. Сухона: ресурсы и их использование / Н.Л. Болотова // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 588–596; Болотова, Н.Л. Прошлое и настоящее реки Кубены / Н.Л. Болотова // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 387–398.
- ⁵² Жаков, Л.А. Озеро Чарондское (Воже) и его округа / Л.А. Жаков // Вожега: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1995. С. 72–90; Болотова, Н.Л. «Об озере Белом замолвите слово...» / Н.Л. Болотова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 272–283; О судьбе озера Воже / Н.Л. Болотова [и др.] // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 105–125.
- ⁵³ Болотова, Н.Л. Прионежье – водный край / Н.Л. Болотова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 306–324; Воробьев, Г.А. Голубое ожерелье Белоозера / Г.А. Воробьев // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 296–307; Лобуничева, Е.В. Исследуя малые озера Вожегодского района / Е.В. Лобуничева, М.Я. Борисов, Н.В. Думнич // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 149–160.
- ⁵⁴ Харькина, А. Экологическое состояние реки Мегры / А. Харькина // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 329–333.
- ⁵⁵ Болотова, Н.Л. Край рукотворного моря (водные ресурсы Череповецкого района) / Н.Л. Болотова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2002. С. 305–319.
- ⁵⁶ Соколова, Е.Н. Волго-Балт: природное и историко-культурное наследие / Е.Н. Соколова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2005. С. 275–290.
- ⁵⁷ Шестакова, Л.Г. Ресурсы тепла и влаги Великоустюгского района / Л.Г. Шестакова // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2004. С. 379–388.
- ⁵⁸ Потахин, С.Б. Опасные и неблагоприятные природные процессы и явления на территории Вытегорского уезда в XIX – начале XX века / С.Б. Потахин // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 258–294.
- ⁵⁹ Колесова, М.Л. Календарь природы Белозерского района / М.Л. Колесова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 284–295; Колесова, М.Л. Вологодский фенолог [об А.К. Авдошенко] / М.Л. Колесова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 459–467; Колесова, М.Л. Календарь природы Харовского района / М.Л. Колесова, И.Е. Колесова // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 372–386.
- ⁶⁰ Баскакова, Т.С. С.В. Шильниковский – краевед-фенолог / Т.С. Баскакова // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995. С. 306–309; Шильниковский, С.В. Заметки фенолога / С.В. Шильниковский; публ. Т.С. Баскаковой // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995. С. 310–319.
- ⁶¹ Борисов, М.Я. Состояние почвенного покрова Вожегодского района / М.Я. Борисов // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 161–180.
- ⁶² Коновалов, А.Ф. Об акклиматизации судака в озере Воже / А.Ф. Коновалов // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 142–147.
- ⁶³ Балукова, Н.С. Виды шмелей в Вожегодском районе / Н.С. Балукова, О.М. Балукова // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 203–212.
- ⁶⁴ Сулова, Т.А. Редкие растения Вожегодского района в прошлом и настоящем / Т.А. Сулова, А.Б. Чхобадзе // Вожега: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 181–202.
- ⁶⁵ Непоротовский, С.А. Исследование фауны жуков-усачей на территории Устюженского района / С.А. Непоротовский // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 8. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 436–445.
- ⁶⁶ Левашов, А.Н. Зеленый мир в краю голубых озер / А.Н. Левашов // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2005. С. 298–318; Сулова, Т.А. Редкие виды растений Устюженского района / Т.А. Сулова, А.Б. Чхобадзе // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 8. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 317–372.
- ⁶⁷ Кренделев, К.Д. Зеленый наряд Череповца / К.Д. Кренделев // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1996. С. 333–348; Сулова, Т.А. Зеленый наряд Вологды / Т.А. Сулова, Н.Н. Репина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 755–776; Сулова, Т.А. Зеленый наряд Кирилло-Белозерского монастыря / Т.А. Сулова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 7. Вологда: ВГПУ, 2009. С. 257–282; Антонова, В.И. О целебных и редких травах Белозерья / В.И. Антонова, Т.А. Сулова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 308–323; Антонова, В.И. Лекарственные растения Череповецкого района / В.И. Антонова, А.В. Паланов, Т.А. Сулова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2002. С. 278–287; Левашов, А.Н. Флора и растительность долины реки Мологи и примыкающих участков водораздела / А.Н. Левашов, А.Ю. Романовский // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 8. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 317–372; Воробьев, Г.А. Вологда: город и лес / Г.А. Воробьев // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 740–754.
- ⁶⁸ Скупинова, Е.А. Врачующая природа? / Е.А. Скупинова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 728–731; Рыбакова, Н.А. Природно-очаговые болезни в Вологодской области: лептоспироз / Н.А. Рыбакова, Б.В. Вершинский, Г.Г. Кузнецов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 732–739; Природно-очаговые болезни в Вытегорском районе / Н.А. Рыбакова [и др.] // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 334–337; Радченко, Н.М. Дифиллоботриоз в Белозерском крае / Н.М. Радченко // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1998. С. 324–329; Природно-очаговые болезни в Устюженском районе / Г.Г. Кузнецов [и др.] // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 341–344.
- ⁶⁹ Сулова, Т.А. О редких и малоизвестных растениях Череповецкого района / Т.А. Сулова, А.В. Паланов, В.И. Антонова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2002. С. 288–304; Паланов, А.В. Редкие растения Кирилловского района / А.В. Паланов, Т.А. Сулова // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда: Легия, 2003. С. 254–265; Сулова, Т.А. Среднекубенский «оазис» редких видов / Т.А. Сулова, А.В. Паланов // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 399–414.
- ⁷⁰ Природа Вытегорья. Фотоочерк / Н.К. Максимова [и др.] // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. Цв. вклейка после с. 303 (1 п.л.); Лабардина, Е.А. Охрана ландшафтного разнообразия Вытегорья / Е.А. Лабардина // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2005. С. 319–334; Иванничева, Е.А. Экологический каркас Вытегорского района / Е.А. Иванничева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 385–398; Соколова, А.А. Информационная освоенность Вытегорского района по данным GOOGLE-PANORAMIO / А.А. Соколова // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда: ВоГУ, 2015. С. 264–282.
- ⁷¹ Золотова, О.А. Храмы в ландшафтной и планировочной структуре города Вологды / О.А. Золотова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 468–476; Золотова, О.А. Ландшафтно-архитектурная среда Великого Устюга // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2004. С. 359–378; Золотова, О.А. Ландшафтно-архитектурная среда Белозерья / О.А. Золотова, Е.Н. Соколова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: ВГПУ: Русь, 2007. С. 233–264.
- ⁷² Скупинова, Е.А. Границы города Вологды: геоэкологический анализ / Е.А. Скупинова, В.А. Ширкова // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 477–484; Скупинова, Е.А. Приусадебные хозяйства в границах города Вологды: геоэкологический анализ / Е.А. Скупинова, О.В. Сапареева // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 485–494.
- ⁷³ Иванничева, Е.А. Экологический каркас Вытегорского района / Е.А. Иванничева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 385–398.
- ⁷⁴ Шулятникова, Е.Е. История Городского парка (Соляного сада) / Е.Е. Шулятникова // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 1999. С. 481–486.
- ⁷⁵ Кузнецов, А.В. Острова из сказки / А.В. Кузнецов // Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995. С. 378–387.
- ⁷⁶ Бобровский, Р.В. Орловская корабельная роща / Р.В. Бобровский, Г.А. Воробьев // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 481–486.
- ⁷⁷ Исполов, Ф.Н. Из Вытегры в Куштозеро (краеведческий очерк) / Ф.Н. Исполов, С.А. Варламов; публ. Е.А. Скупиновой // Вы-

тегра: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда: ВоГУ, 2015. С. 283–302.

⁷⁸ Зубов, К.А. Урочище Подсосенье: история и современность / К.А. Зубов // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 8. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 423–425.

⁷⁹ Шлейченко, Н.А. Заметки о природе и истории Шухтовского края / Н.А. Шлейченко // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1996. С. 315–332.

⁸⁰ Черепанова, Т.П. Чагодощенское Полесье / Т.П. Черепанова, В.А. Яковлев // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда: Ардвисура, 1999. С. 280–295.

⁸¹ Золотова, О.А. Загадочный Судский бор / О.А. Золотова [и др.] // Кадуй: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2005. С. 308–342.

⁸² Уханов, В.П. Заказники и памятники природы Великоустюгского района / В.П. Уханов // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 309–317; Шестакова, Л.Г. Особо охраняемые природные территории Харовского района / Л.Г. Шестакова, В.П. Уханов // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 365–371; Репина, Н.Н. Усадебные парки Устюжен-

ского района / Н.Н. Репина, А.Б. Чхобадзе // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 419–437.

⁸³ Например: Криничная, Н.А. Вытегорье – корабельная сторона. Дневник собирателей фольклора (июль-август 1971 года) / Н.А. Криничная, В.И. Пулькин // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 206–250.

⁸⁴ Невечеря, В.А. Разработка принципов и создание системы управления режимом функционирования памятников Белозерья (на примере Кирилло-Белозерского монастыря) / В.А. Невечеря, В.О. Подборская // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 188–206; Лучков, Е.М. Мои воспоминания о Волго-Балте / Е.М. Лучков // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда: Русь, 2005. С. 280–299.

⁸⁵ Кузнецов, А.В. Русские названия рек, ручьев и озер Тотемского района (Топонимический словарь) / А.В. Кузнецов // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2001. С. 62–129; Соболев, А.И. Калькирование в топонимии и апеллятивной лексике юго-восточного Обонежья как источник для реконструкции этнической истории / А.И. Соболев // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда: ВоГУ, 2015. С. 175–240.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

M.A. Beznin, E.Yu. Bakonov, L.S. Panov, V.A. Sablin, E.A. Skupinova, G.V. Sudakov

HISTORY OF THE ANCIENT CITIES OF THE VOLOGDA REGION PUBLISHING PROGRAMME

The article is devoted to the 25th anniversary of the *Ancient Cities of the Vologda Region* project of local almanacs (1991–2016). The authors analyze quantitative and qualitative results of research and publishing activities, nature and variety of published materials and their scientific level, uniqueness of the experience gained due to publishing materials of historical, literary, linguistic, and natural scientific studies of the region. The content of almanacs, as well as contribution of the authors and editorial groups, most notably these of the Pedagogical Institute of Vologda State University, the sequence and series of almanacs which include the particular issue for each of the cities, the development of new approaches to publication of local history materials are examined.

Almanac, issue, local history, city, district, history, archeology, source, document, language, literature, nature, geography.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л.В. Егорова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КРАСИЛЬНИКОВ Р.Л. ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ВВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКУЮ ТАНАТОЛОГИЮ). М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2015. 488 с.

Книга привлекает сразу, но это не быстрое и не легкое чтение. Эпиграф справедлив: «Даже высоко дисциплинированный разум может споткнуться при встрече (прямой или опосредованной) со смертью. Никакие ученые и профессиональные сертификаты в мире не гарантируют, что мы сможем размышлять о смерти открыто, тактично и бесстрашно» (Kastenbaum R., Aisenberg R. *The psychology of Death*. New York: Springer, 1972. P. IX). Монография полезна всем, в наибольшей степени – интересующимся вопросами литературоведения и гуманитарной танатологии.

Р. Красильников пишет настолько информативно насыщенно и ясно, что овладение терминологическим аппаратом танатологии становится увлекательным процессом (монография прекрасно вписана в процесс эвфемизации табуированной танатологической сферы): «Танатос», «влечение к смерти» (В. Штекель, З. Фрейд), «смерть прирученная», «смерть своя», «смерть твоя» (В. Янкелевич, Ф. Арьес), «смерть извне», «смерть изнутри» (М. Бахтин), «танатопозитика» (А. Hansen-Löve), «художественная танатология» (Ю. Семикина), «танатэротика» (П. Высевок), «танатография» и др. (с. 44).

Исследователь обращает внимание на детали, которые могли бы остаться незамеченными; так, в сноске отмечает лингвистические причуды русского языка: «...слово “танатологические” выглядит избыточным: точнее было бы сказать “танатические”, ведь относительно антипода Танатоса – Эроса – свободно образуется прилагательное “эротический”», и далее сопоставляет с лексемами «психический» и «психологический» (с. 10).

Читая, многое пересматриваешь, открываешь для себя упущенное. Например, классификация типов самоубийств К. Меннингера (из книги «Человек против себя» 1938 года) позволяет посмотреть под иным углом зрения, скажем, на соматическое заболевание. Кроме собственно самоубийства последователь Фрейда выделял самоубийство «хроническое (аскезизм, мученичество, неврастения, алкоголизм, анти-социальное поведение, психозы), локальное (членовредительство, симуляция, преднамеренные несчастные случаи, импотенция, фригидность) и органическое (соматические заболевания)» (с. 46).

Три главы по четыре-шесть параграфов (и резюме к каждой из них) постепенно освещают целые области знания.

Первая глава определяет место танатологии в контексте гуманитарного знания. Когда зафиксировано первое употребление слова «танатология» в мире и в России, кто стоял у истоков танатологии и геронтологии, кто создал типологию смерти, специфическую методологию танатологии, предсказал ее междисциплинарный характер – на эти и многие другие вопросы мы находим ответы в первом параграфе «Становление гуманитарной танатологии». Здесь прослежена «стихийная» и научная разработка проблемы. Познавательны экскурсы в историю развития западной и отечественной танатологии. Особо привлекателен американский опыт: в Штатах принципиален прикладной характер знаний, там состоялась институционализация танатологии.

Второй параграф посвящен специфике литературоведческой танатологии: ее становлению (начиная со «страдания» («страсти») как третьей части фабульной структуры трагедии у Аристотеля), существующим в этой области теоретическим трудам зарубежных и отечественных авторов, использованным в них методологическим приемам, подходам.

Танатологические исследования связаны с интереснейшими вопросами: «Как можно говорить о молчании?», «Как можно изучать молчание?». На редуцирование танатопозитики и, как следствие, абсолютизацию смертельного ужаса и смертельной пустоты обращал внимание А. Ханзен-Леве (см. с. 66), и усвоение подобного рода наблюдений обогащает читателя.

Четко формулируя задачи литературоведческой танатологии, исследователь подчеркивает, что дело «не в очередном витке дифференциации гуманитарной науки», а в новых возможностях, которые обнаруживаются при сосредоточении на том или ином образе-мотиве, ключевом для мировой литературы, «в новом взгляде на системный подход, который позволяет изучить функционирование этого феномена относительно различных аспектов литературного произведения, творчества отдельного автора или художественного направления в целом» (с. 69).

Третий параграф рассматривает танатологические мотивы как объект изучения, выявляет специфику. Автор обнажает продуктивное противостояние: в то время как специфической чертой данных мотивов является «интенция к завершению» (сюжетопрывающая функция), присущее человеку стремление к осмыслению феномена смерти придает им смыслообразующий, сюжетообразующий, жанрообразующий потенциал, причем и «антитанатологического» характера (с. 106).

Четвертый параграф представляет типологию танатологических мотивов. Она позволяет не только упорядочить все многообразие элементов, но и увидеть возможные направления их анализа.

«Танатологический мотив как знак можно охарактеризовать с трех сторон: семантической, синтаксической (поэтической), прагматической» (с. 247). Вторая глава рассматривает семантику и поэтику мотивов.

В первом параграфе описан семантический подход к танатологическим мотивам, эпистемологические и терминологические установки такого рода анализа. В каждом параграфе после теоретических выкладок идет поиск методологических установок, которые помогли бы в анализе того или иного материала с определенной точки зрения. Выявленные здесь методологические принципы реализованы в ходе анализа «Рассказа о семи повешенных». При его создании Л. Андреев, опираясь на реальные события 1908 года, от публицистики (памфлета) первого варианта приходит в финале к предоставлению слова самим персонажам. Р. Красильников демонстрирует, как рефлексия каждого из них создает «танатологическую полифонию» «Рассказа» (с. 141).

Второй параграф посвящен танатологической архетипике и мифопоэтике. Отмечая, что «кроме эксплицитно выраженного содержания, в произведении присутствует и так называемая латентная семантика» (с. 141), автор книги показывает, что «скрытые», «непрозрачные» смыслы «связаны с психоаналитическими комплексами, архетипами и мифологемами, бессознательно или сознательно воплощенными в тексте» (с. 148). Мифопоэтический, архетипический и психоаналитический анализ сделан на примере баллады «Морская царевна» М. Лермонтова.

Далее вопросы семантики отходят на второй план, на первый выступают проблемы формы, плана выражения. В третьем параграфе изучаются функции танатологических мотивов в нарративе литературного произведения, исследуется их роль в трансформации фабулы в сюжет, особенности их функционального расположения (в начале, середине, конце текста). Танатологические финалы как реализация сильной позиции мотивов разбираются на примере рассказов Ф. Сологуба.

В мотив как семантико-структурный элемент входят предикат, описывающий действие, актанты, обо-

значающие участников события, и сирконстанты, указывающие на обстоятельства происшествия. Им, их участию в организации структур более высокого уровня посвящены следующие параграфы.

В третьей главе рассмотрена проблема эстетического воздействия танатологических мотивов на читателя: «Мотив в контексте эстетических понятий», «Модальность танатологических мотивов», «Танатологические мотивы и возвышенное», «Танатологические мотивы и низменное», «Танатологические мотивы и другие модусы». Р. Красильников убедительно показывает актуализацию разных сторон танатологического знака: «он включается в исторические, художественные и другие дискурсы (коннотативно-семантический аспект) и ищет адекватные формы выражения своих коннотативных значений (синтаксический, поэтический аспект)» (с. 401). При этом происходит реализация прагматического потенциала – способность танатологических элементов вызывать определенные эмоционально-волевые реакции (катарсическую, «слезную», смеховую)» (с. 401).

Резюме, обобщая основные идеи, изложенные в главах, позволяет увидеть их уже чуть иначе – панорамнее: цельно, обобщенно, масштабное.

Монография очень хорошо написана, и когда исследователь подводит промежуточный итог о вполне гармоничном сочетании прекрасного и танатологических мотивов («Именно художественная литература и искусство в целом реализуют этот оксюморон – «прекрасная смерть» – как особый способ осмысления танатологической тайны и адаптации индивида к ней» с. 375), удовлетворенно улыбаешься, потому что неоднократно ловишь себя на мысли, что исследование – наряду с интеллектуальным – доставляет эстетическое удовольствие. Через несколько страниц улыбаешься снова. Срабатывает мысль о четкой связи «феномена безобразного (и низменного в целом) с семантической нагрузкой танатологических мотивов: *чтобы изобразить смерть некрасивой (комической или ничтожной), необходимо лишить ее глубокого осмысления*» (с. 383). В исследовании Р. Красильникова – глубокое осмысление, отсюда – многогранность и объем.

Краса и сила... Слова, созвучные фамилии автора. Это действительно красивое и сильное монографическое высказывание. Закрывая книгу, испытываешь благодарность за полученный опыт: из коллективного и неосознанного он перерастает в индивидуальный осознанный.

С фотографии улыбается совсем молодой автор. Лауреат премии Европейской Академии для молодых ученых. Автор более семидесяти научных работ. Докторская диссертация защищена в марте 2011 года в МГУ им. Ломоносова по специальности 10.01.08 – Теория литературы, текстология.

Е.В. Киселёва
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления персоналом
филиала СЗАГС в г. Вологде

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КЕВЛЯ Ф.И. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСИЛИУМ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ОПЫТ. М., 2014. 78 с.**

Значение слова «консилиум», по С.И. Ожегову, – совещание врачей для определения тяжелого заболевания и изыскание способов его лечения. А в педагогике – это возможность оказать своевременную помощь и поддержку нестандартному ребенку, «трудному подростку».

Взять в руки книгу Фаины Ильиничны «Психолого-педагогический консилиум: история, теория, опыт» одно удовольствие! Сначала книга была издана в Вологде небольшим тиражом: быстро разошлась. Автор рискнула издать ее в Москве тиражом в 1000 экземпляров. Состоялась презентация в областной библиотеке, в городском Центре повышения квалификации, в Вологодском институте развития образования. Появилась рецензия в московском журнале «Методическая работа». Книжку приобретают студенты, магистранты, аспиранты, практические работники школ. Чем же она так привлекательна?

Автор учебного пособия на теоретической основе описывает свой многолетний опыт практической подготовки и проведения психолого-педагогических консилиумов. Их проведено более 40. Когда еще в школе не было должности педагога-психолога, она по зада-

нию методического кабинета Института усовершенствования учителей организовывала выездные заседания консилиума, сначала в городских, а потом и в сельских школах Вологодской области.

Идея проведения педагогического совета в форме консилиума принадлежит Василию Александровичу Сухомлинскому. Далее ее подхватил и развил Юрий Константинович Бабанский. В Вологде более 20 лет эту проблему успешно разрабатывает Фаина Ильинична Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ.

В рецензированной книге вы найдете много интересных сведений из истории становления опережающей педагогической поддержки ребенка, алгоритм определения компетентности педагога, классификацию причин отставания детей в развитии, обучении, воспитании, поэтапную технологию подготовки и проведения психолого-педагогического консилиума на конкретных примерах. Богатство педагогической инструментальной не оставит равнодушным и опытного и молодого воспитателя.

Желаю приятного прочтения и серьезного осмысления достойной психолого-педагогической книги!

О.В. Никитин
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный областной университет

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАЗЫЛЕВ В.Н. НАУКА О ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА:
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК. М.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА, 2013. 136 с.**

XXI век в гуманитарном знании – особое время «потрясений», когда были свергнуты с пьедестала науки традиционные отрасли, служившие ориентиром не одному поколению ученых и утверждавшие свои теории и истины в период «застоя слова». Но не все так однозначно: взять, например, такие области языкознания, как грамматику, лексикологию, стилистику русского языка, лингвистическое источниковедение, славистику, которые во второй половине XX столетия находились на пике своего развития и имели в багаже существенные результаты и большую действительно научную школу со своей *традицией* и ценностями.

Причем эта связь времен была прервана искусственно ненадолго в 1920–1950-е гг. и даже в условиях цензуры и всевозможных согласований и планов показала живительную силу научной традиции прошлого XIX в., когда закладывались основы языкознания в России. Да, во многом страна находилась на периферии «глобализации», и новейшие разработки ученых Западной Европы и Америки были за пределами официальной науки (хотя, заметим, все же обсуждались).

Тем не менее социокультурные, экономические перемены начали постепенно перестраивать лингвистическое сознание современников, вовлекать нас в

процесс «всеобщей» лингвистики, имеющей во многом сходные экстралингвистические посылы. Со второй половины 1980-х гг. количество таких «новаторских» (пишем в кавычках, так как часто не всегда за новым термином и «сюжетом» стояло действительно гениальное прозрение...) идей, публикаций стало возрастать, и официальные издания пестрили трудночитаемым новоязом, сверхмодными теориями, «ключевыми словами» и т.д. И часто, между прочим, отодвигали на второстепенный план достижения отечественного языкознания. Все это в той или иной мере вопросы большой политики в науке. Они были и имеют место и сейчас. Но одно несомненно: за последние десятилетия наука подверглась не только количественным, но и качественным изменениям, вошла в другую систему координат, получила более современное, адекватное вызовам времени звучание, показала свою уникальность в решении новых задач техногенного века, приобрела более практический характер. Эти и некоторые другие черты современной науки не могли не отразиться и на структуре лингвистики, буквально выпрыгнувшей из старых мехов и устремившейся в безбрежное море мега- и квазилингвистик. И их число постоянно растет.

В этом смысле давно назвали необходимость систематизации новых течений и направлений современного языкознания, их анализ и характеристика, определение функциональной принадлежности, обозначение терминологии и т.д. Словарь-справочник В.Н. Базылева «Наука о языке XXI века» во многом решает эту задачу и позволяет проникнуть в генезис каждой поднауки, оценить ее проблемное поле и основные теоретические положения, цели и задачи, инструментарий и в данном отношении помочь прежде всего молодым читателям сформировать свой взгляд на развитие современной науки и получить компетентный обзор парадигм лингвистики XXI в.

В книге IV раздела: I. Справочные издания универсального типа. II. Словарь-справочник перспективных направлений XX века в исследовании языка. III. Словарь-справочник перспективных направлений в исследовании языка начала XXI века. IV. Библиография по проблеме будущего отечественной лингвистики.

В «Предисловии» автор рассуждает о проблемах развития языкознания в наше время и тех трудностях, с которыми сталкивают лингвисты. Одна из них заключается в том, что «лингвистика постепенно теряет суверенность» (с. 4), становится междисциплинарной, или, как говорят, *полипарадигмальной*, наукой. С одной стороны, это отражение общих тенденций цивилизационного среза в данный исторический период, и происходит такое же не только с гуманитарным знанием. С другой – лингвистика, как и на рубеже XIX–XX вв., снова в кризисе: она отказывается от прежней устоявшейся линии, во многом подпитывавшейся идеями Ф. де Соссюра, и устремляет свой взор в более абстрактные категории, превращается, так сказать, в «лингвистику ощущений», становится частью когнитологии, но все же не теряет при этом, по крайней мере отечественное языкознание в его лучших образцах, сопричастность традиционной фортунатовской модели языка. В силу этих обстоятельств, как верно

подметил В.Н. Базылев, в науке о языке XXI века много нерешенных проблем, обсуждаемых в той или иной мере, но не имеющих однозначного убедительного толкования. Вот лишь некоторые из них, по мысли автора этой книги: «Есть ли универсальное определение слова? Есть ли универсальное определение предложения? Как разграничить языки и диалекты? Как появилась грамматика?» (с. 4–5) и др. А еще – вечные проблемы происхождения языка, нерасшифрованных письменностей и неклассифицированных языков и т. п.

Другая тенденция современной лингвистики также отчетливо выступила на первый план в последние десятилетия: «Отечественная лингвистика сегодня приближается к возможностям соединения синхронного описания с диахроническим, напоминая то, что происходит в таких естественных науках, как астрофизика и молекулярная биология» (с. 5).

Очередной переходный этап языкознания свидетельствует и о неустойчивости этой науки, которая «надломилась» под прицелом информационной волны «нано-наук» и ищет свое место в изменившейся парадигме ценностей. А потому современное языкознание очень рефлексивно и парадоксально. Может быть, в этом и есть ростки нового *движения*? Может быть, в такой «неразберихе» и появится новый остов лингвистики. Так или иначе все те новые направления, которые существуют, и есть некая перспектива, мостик в будущее, пока еще не очень осязаемое, но все же в чем-то поддающееся анализу.

Показательно, что в I раздел В.Н. Базылев включил наиболее известные универсальные словари и энциклопедии по языкознанию и знаменитую серию «Новое в зарубежной лингвистике» (1960–1989), которая в свое время была прорывом в иную парадигму научного мышления и сыграла исключительную роль в формировании другого лица современной лингвистики.

II раздел раскрывает палитру направлений лингвистического поиска XX века, в которых усматривается «старое в новом», т. е. «использование в понимании языка апробированных методов по отношению к новому языковому материалу» (с. 9). Можно согласиться с автором книги, что «у исследований этого типа... всегда бывают выдающиеся предшественники... Этот тип исследований составляет основной массив современной лингвистической академической науки» (там же). К числу таких направлений В.Н. Базылев отнес следующие:

Генеративная лингвистика – Документная лингвистика – Интерлингвистика – Интерпретационная лингвистика – Историческая лингвистика – Категориальная лингвистика – Классификационная лингвистика – Когнитивная лингвистика – Коммуникативная лингвистика – Компьютерная лингвистика – Кондициональная лингвистика – Контрастная лингвистика – Криптолингвистика – Лингвистика измененных состояний сознания – Лингвистика и преподавание родного языка – Лингвистика и преподавание неродного языка – Лингвистика дискурса – Лингвистика катастроф – Лингвистика нарратива – Лингвистика речевого действия – Лингвистика текста – Лингвистика устной речи – Лингвистика языковой игры – Линг-

лингвистическая апологетика – Лингвистическая генетика – Лингвистическая гносеология – Лингвистическая идентификация личности – Лингвистическая комбинаторика – Лингвистическая компаративистика – Лингвистическая семантика – Лингвистическая советология – Лингвистическая терапия – Лингвистическая типология – Лингвистическая экспертиза текста – Лингвистическое искусствоведение – Лингвистическое консультирование – Лингвистическое науковедение – Лингвистическое представление знаний – Лингвокультурология – Лингвоираксеология – Лингвориторика – Лингвосемиотика – Лингвотехника – Лингвофизика – Лингвофольклористика – Лингвоэпистемология – Лингвоэтика – Математическая лингвистика – Ностратическая лингвистика – Онтогенетическая лингвистика – Описание лингвистической реальности – Палеолингвистика – Палеонтология языка – Персонажная лингвистика – Полевая лингвистика – Политическая лингвистика – Прагмалингвистика – Практическая лингвистика – Прескриптивная лингвистика – Прикладная лингвистика – Психиатрическая лингвистика – Психоллингвистика – Семиосоциопсихология – Системная лингвистика – Современная отечественная и зарубежная русистика – Современная отечественная и зарубежная славистика – Социоллингвистика – Теория речевых жанров – Филогенетическая лингвистика – Фоносемантика – Функциональная лингвистика – Эволюционная лингвистика – Эколингвистика – Эмотивная лингвистика – Этнолингвистика.

Описание направления изучения языка в этом разделе сопровождается краткой, но достаточной библиографией основных работ в конкретной отрасли. Правда, мы могли бы внести в этот список и другие имена, например, дополнили бы статью «Современная отечественная и зарубежная славистика» не ссылкой на беглый обзор А.М. Молдована, а на капитальные труды проф. А.Д. Дуличенко. Статья «Социоллингвистика» также, на наш взгляд, нуждается в более свежем освещении и представлении новой литературы. Библиографию статьи «Эколингвистика» украсила бы ссылка на новую книгу А.Т. Хроленко «Основы современной филологии» (М., 2013), где целый раздел посвящен анализу этой актуальной проблематики. И т. д. Но в конечном счете для начального опыта ознакомления с таким лингвистическим калейдоскопом указанная литература дает верные ориентиры. Важно, что автор приводит не только публикации в центральных журналах и издательствах крупных научных центров, но и представляет региональную лингвистику и ее достижения, что компенсирует некоторый перекокс в официальной лингвистической прессе.

В III раздел вошли новые перспективные направления в изучении языка начала XXI века, однако не стоит отвергать их связь с предшествующими этапами. Автор точно подметил, что «к этому типу исследований принадлежат те, в которых формируется новый взгляд на нечто вроде бы уже давным-давно известное. Они ставят своей задачей под другим углом зрения посмотреть на ставшие хрестоматийными факты. Новый подход возникает путем своеобразного прорыва, близкого к озарению. Подход этот требует

непредвзятости в оценках и личностной внутренней свободы, в том числе и независимости от авторитетных мнений» (с. 34). Такими направлениями являются:

Альтернативная историческая лингвистика – Аксиологическая лингвистика – Антропологическая лингвистика – Биоллингвистика – Вариационная лингвистика – Гендерная лингвистика – Дискурсология – Квантитативная лингвистика – Корпусная лингвистика – Креативная лингвистика – Критическая лингвистика – Лакунология – Лингвистика виртуальной реальности – Лингвистика Интернета – Лингвистика метаязыкового сознания – Лингвистика одновременного говорения – Лингвистика языкового существования – Лингвистическая контактология – Лингвистическая прогностика – Лингвистическая спектрология и спектроскопия – Лингвистическая топология – Лингвистическая философия – Лингвистическая экспертиза – Лингвистическое конструирование – Лингвоконфликтология – Лингвоконцептология – Лингвосемиотика – Лингвосенсорика – Лингвосинергетика – Лингвистический анализ – Логический анализ языка (проблемная группа Н.Д. Арутюновой) – Логическое направление в лингвистике – Металингвистика – Моделирование языка – Наноллингвистика – Нанолингвистическая хроматология – Наивная лингвистика – Нейролингвистика – Нейролингвистическое программирование – Неолексикология – Описание лингвистического ландшафта – Организационная лингвистика – Педагогическая лингвистика – Системный анализ языка – Стереоллингвистика – Сублогический анализ языка – Суггестивная лингвистика – Теологическая лингвистика – Школа языкового существования – Этносемиотика – Юридическая лингвистика.

В этом разделе многие словарные статьи имеют более обширное содержание и включают новую литературу (по преимуществу отечественную). Статьи четко выстроены, в методологическом отношении продуманы и дают ясное представление о тенденциях и направлениях в современной лингвистике.

Было бы полезно, на наш взгляд, снабдить такое пособие ссылками не только на «Библиографию по проблеме будущего отечественной лингвистики» (с. 133–134), что очень ценно, но и дать перечень российских и зарубежных журналов, ориентированных преимущественно на развитие новых профильных направлений в лингвистике XXI века.

Считаем целесообразным в более расширенной версии переиздать этот словарь-справочник, который в настоящее время является единственным квалифицированным изданием такого типа и имеет большую практическую ценность.

И в заключение несколько ремарок личного характера, возникших почти спонтанно под влиянием прочтения этого интересного труда.

Безусловно, такой краткий перечень направлений современного языкознания уже дает ясное представление о металингвистике XXI века, черты которой рельефно выступают уже и за пределы конкретной узкой специализации. К таким свойствам лингвистики нашего времени мы бы отнесли:

- *глобализацию* как в концептуальном плане, так и в методологическом;

- *технизацию* этой науки, в чем усматриваем и положительный эффект, заключающийся, между прочим, и в том, что «нанолингвистика» при всей пока еще объективной слабости своего инструментария устремлена в будущее и способна его предугадать и разгадать;

- *прагматический характер* многих направлений, решающих конкретные практические задачи (консультирование, описание, идентификация, верификация новых идей и задач);

- *психологизация* лингвистики, т. е. стремление почти в каждой проблеме видеть внешнее влияние или воздействие человека, общества, духа;

- *парадоксальность* ряда направлений, которые возникли как «культурный взрыв», «шок», в оппозиции к сложившемуся традиционному полю онтолингвистики.

Этот перечень, конечно же, не является окончательным, он будет трансформироваться и упорядочи-

ваться вместе с конструированием новой лингвистики. Уже сейчас ясно, что время лингвистического плюрализма начинает тормозить развитие науки о языке. Как долго это продлится? Может быть, десятилетия. И если в XXI веке языкознание проходит период экспансии, нарабатывает и нащупывает механизмы работы в новых условиях, которые часто довлеют над внутренней стратегией науки о языке, ее высоким предназначением, и примеряет на себя во многом нетипичный для нее облик, то позже скорее всего на смену экспансивности придет другой этап – конкретизации и утверждения знания, которое должно иметь более четкие рамки, предмет и объект исследования, а главное – опираться на *языковедческие* теории и факты. Лингвистика вновь будет смотреть *внутрь* себя, а не поверх идеи. И в этом смысле поворот в сторону «чистой лингвистики» не кажется уже таким фантастическим.

И.Е. Колесова

кандидат филологических наук,
начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ О ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ ПО ГРАНТАМ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА В 2015 ГОДУ

Программа грантовой поддержки исследований по основным отраслям гуманитарного знания Российским гуманитарным научным фондом действует с 1994 года. Преподаватели и сотрудники нашего университета неоднократно становились победителями различных конкурсов на соискание этих грантов. В течение 2015 года в университете выполнялось семь проектов, финансируемых по грантам РГНФ. Далее представлены краткие отчеты о работе над каждым из этих проектов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1930–1980-х гг. И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В УРОВНЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор М.А. Безнин)

В 2015 г. работа по изучению различных уровней общественного сознания о социальных отношениях в российской деревне 1930–1980-х гг. в рамках данного гранта проводилась в нескольких направлениях.

Так, М.А. Безнин и Т.М. Димони, изучив государственное осмысление роли сельской подсистемы и сельского сообщества в социально-экономической жизни страны, пришли к выводу о двух основных этапах развития взглядов государственных деятелей на российскую деревню. На этапе 1930–1950-х гг. в государственной политике превалировали довольно архаичные механизмы отношений с деревней, сельскими укладами, сельскохозяйственными классами, в

1960–1980-е же годы государство кардинальным образом изменило принципы отношений с селом, «втянув» его в систему полномасштабного товарного взаимодействия, рыночных и зарплатных рычагов воздействия.

Вторая проблема, над которой работали М.А. Безнин и Т.М. Димони – формирование представлений об оценках социально-экономического устройства российской деревни 1930–1980-х гг. в разных уровнях общественного сознания (в частности идеологическом и научном). В подготовленных по этому вопросу двух опубликованных статьях они рассмотрели возможности определения процессов конца 1920

– начала 1930-х гг. как аграрной революции, а также последовавшей за ней революционной трансформации социально-экономической ткани российской деревни 1930–1980-х гг., рассмотрев ее основные направления, этапы и итоги.

Третье направление работы М.А. Безнина и Т.М. Димони касалось отражения социальных отношений в российской деревне 1930–1980-х годов в народном уровне общественного сознания. По данной проблеме была составлена база данных частушек (размещена в сети Интернет), извлеченных из архивных и опубликованных источников. Особый интерес представляют частушки из личного фонда писателя В.И. Белова (Государственный архив Вологодской области). Авторы пришли к выводу о том, что фольклор являлся отражением всех социально-экономических изменений в стране, давая свои, отличные от официальных, оценки экономическому развитию, государственной политике, социальным слоям деревни. В выступлении на конференции Т.М. Димони также было отражено восприятие демографических потерь в Ве-

ликой Отечественной войне вологодскими колхозниками.

Четвертое направление изучения темы касалось осмысления художественного уровня общественного сознания. Прежде всего, здесь работа была проделана А.С. Столетовой, которая обратилась к изучению роли писателей-деревенщиков в формировании представлений о российской деревне 1950–1960-х гг. По ее мнению, деятельность писателей, в том числе через писательские организации, библиотеки, встречи с читателями, оказывала огромное воздействие на население, побуждая его рассуждать о роли русской деревни в истории России.

Всего по проекту в 2015 г. опубликованы 5 статей (из них 2 в журналах, входящих в список ВАК), подготовлены и приняты к публикации в 2016 г. 4 статьи. В 2015 г. подготовлены 2 доклада на конференциях различного уровня и проведен методологический семинар на базе Вологодского государственного университета. В мае 2015 г. по тематике проекта защищена кандидатская диссертация А.С. Столетовой.

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина)

Исследовательский коллектив успешно завершил первый этап работы над проектом «Вологодский текст в русской словесности», проблематика которого вводит в научный оборот феномен вологодского текста и рассматривает его в системе прецедентных знаков русской словесной культуры. Все направления проекта: теоретико-методологическое осмысление изучаемого явления, его лексикографическая репрезентация в словаре «Писатели Вологодского края», а также репрезентация отдельных составляющих вологодского текста – нашли свое отражение в результатах 2015 года.

Теоретико-методологическое осмысление феномена вологодского текста состоялось в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Вологодский текст в русской культуре», а также в научной статье руководителя проекта С.Н. Смольникова «Семантика имени прилагательного “вологодский” и проблемы региональной идентичности» (Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 3. С. 86–91). Репрезентация особенностей вологодского текста состоялась также в хрестоматии по литературе Вологодского края «Время ставит метки», составленной и подготовленной к печати С.Ю. Барановым.

В течение года неоднократно состоялись обсуждения концепции словаря «Писатели Вологодского края» (науч. ред. С.Ю. Баранов). Были определены принципы отбора материала и структура словарной статьи. Между всеми участниками проекта были распределены персоналии для подготовки пробных словарных статей. Состоялись библиотечно-архивные разыскания участников проекта. Предметом изучения

в 2015 году стало творчество К.Н. Батюшкова (Ю.В. Розанов), В.И. Белова (Т.Н. Воронина), И.В. Евдокимова (Т.Н. Воронина), Н.А. Иваницкого (С.Ю. Баранов), Н.А. Клюева (С.Х. Головкина), Н. Мелехиной (А.В. Федорова), А.М. Ремизова (Ю.В. Розанов), А.Я. Яшина (Е.Н. Ильина).

Материалы исследования были вовлечены в научный оборот в процессе докладов на всероссийских и международных научных конференциях. Состоялось участие С.Н. Патапенко и Ю.В. Розанова во всероссийских Гоголевских чтениях (март, Москва). В международных Рябининских чтениях (сентябрь, Петрозаводск) приняли участие Т.Н. Воронина, С.Х. Головкина, Ю.В. Розанов, А.В. Федорова. Участник проекта Е.Н. Ильина приняла очное участие в Международной научно-практической конференции «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике» (Ереван, Армения) и заочно участвовала в Международной конференции «Сравнительные исследования языка и культуры: традиция и инновация» (Познань, Польша). Все участники проекта приняли активное участие в подготовке и проведении Всероссийской научно-практической конференции «Вологодский текст в русской культуре», организованной на базе Вологодского государственного университета 29–30 сентября 2015 года.

Проблематику проекта отразили научные публикации 2015 года. Это статьи в рецензируемом научном журнале «Вестник Череповецкого государственного университета» (2015, № 3 и № 5). Это публикации в сборнике научных статей «Вологодский текст в

русской культуре» (Вологда, 2015). Это раздел в коллективной монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» (Вологда, 2015), посвященный лингвоперсоналогическому анализу творчества А.Я. Яшина. Это тезисы доклада научной конференции «Сравнительные исследования языка и культуры: традиция и инновация» (Познань, 2015), репрезентирующие динамику образа Вологды в русскоязычных текстах массмедиа.

Реализация плана проекта омрачилась смертью его руководителя – доктора филологических наук С.Н. Смольникова. В связи с этим не состоялось его участие в международном конгрессе МАПРЯЛ (сентябрь, Гранада, Испания) и во всероссийских

Клюевских чтениях (ноябрь, Вытегра, Россия). Начиная с III квартала руководителем проекта стала доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина.

В реализации проекта, помимо его основных исполнителей, принимали участие два молодых исследователя (до 39 лет). Это доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ, канд. филол. наук Ю.Н. Драчёва, а также магистрант 2 курса филологического факультета ВоГУ Н.Н. Карачева (Зубова), в настоящее время являющаяся соискателем данной кафедры. Диссертации на соискание ученой степени кандидата (Н.Н. Зубова) и доктора (Ю.Н. Драчёва) филологических наук выполняются под руководством проф. Е.Н. Ильиной.

**РЕЖА И РЕЖАКИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
СЕВЕРНОРУССКОГО ИДИОМА**
(научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л.Ю. Зорина)

Данный исследовательский проект нацелен на комплексную характеристику материалов, собранных в период с 1983 по 2015 гг. в Режском сельском поселении Сямженского района Вологодской области.

В коллектив исполнителей работ по гранту вошли доцент Е.П. Андреева, студентка Д.В. Глебова, доцент Е.Н. Иванова, профессор Е.Н. Ильина, доцент Н.В. Комлева. Возглавила коллектив инициатор проекта доцент Л.Ю. Зорина. За истекший 2015 год коллективом исполнителей гранта проведена серьезная многоаспектная работа.

В ходе исследования установлено, что Режа (это неофициальное название группы деревень, расположенных в бассейне малой северной реки Режи, притока Ваги) – это уникальное поселение со свойственной ему самобытной народной культурой, заметно отличающимся от других вологодских говоров колоритным диалектом, или, по-местному, говорей.

В 2015 г. были оцифрованы материалы режских диалектологических экспедиций (аудиозаписи общим объемом свыше 30 часов звучания; многочисленные фотографии; дневники студенческих диалектологических экспедиций и др.). Также проведено усовершенствование картотеки режского говора (свыше 12 тыс. карточек), проведена лексико-семантическая и грамматическая систематизация материала, осуществлено моделирование пробных словарных статей, значительная часть картотеки переведена в электронный вариант.

Коллектив проекта установил контакты с жителями Режи и выходцами из режских деревень (группа «Режа» ВКонтакте), провел диалектологическую экспедицию в деревню Монастырская (в рамках экспедиции собран материал по Программе Лексического атласа русских народных говоров по теме «животноводство»), а также начал составление словаря диалектных слов режского говора (подготовлено свыше 400 страниц в компьютерном наборе).

К реализации проекта подключились и преподаватели ВоГУ, официально не входящие в состав коллектива. Так, по проблематике гранта написаны статьи Т.Г. Овсянниковой, Т.В. Парменовой, Л.Г. Яцкевич, опубликованные в монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим». Активно привлекались к работе и молодые исследователи, которыми подготовлены 12 докладов на внутривузовских научно-практических конференциях.

В итоге описаны система микротопонимов изучаемой местности, система неофициальных именований жителей, фразеологическая и паремиологическая системы говора, система ономастопов в режском говоре, группа слов, обозначающих детей, группа наименований выпечных изделий, слова с архаическими корнями в народном говоре, частично опубликованы дневниковые заметки режской диалектологической экспедиции и др. Из фонда заработной платы выделены средства (20 тыс. руб.) на восстановление Режского храма.

Проект «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» вызвал в регионе большой интерес, о чем свидетельствует неоднократное размещение информации о нем в местных средствах массовой информации (http://vologda-oblast.ru/novosti/novosti_territoriy/letnyaya_ekspeditsiya_prodolzhit_izucheniye_govorov_zhiteley_syamzhenskogo; <https://vk.com/club1701738> и др.).

По итогам работы в 2015 г. опубликовано 30 статей, из них семь в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК, подготовлены 16 докладов на научных конференциях разного уровня. Исследователям в дальнейшем видятся широкие перспективы описания режского говора, поскольку этнолингвистическая специфика его проявляется также и в особенностях наименования жилища, одежды, пищи, коммуникативного поведения населения.

СЕВЕРНАЯ РУСЬ В XIII–XVII вв.: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ
(научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор М.С. Черкасова)

На основе научной и краеведческой литературы, опубликованных и архивных источников был собран и систематизирован материал по четырем основным разделам научно-популярной работы: 1) «Земля и Власть (формы экономического и социально-политического освоения пространства)»; 2) «Земля и люди в городе и деревне»; 3) «Человек во времени» и 4) «Культурное измерение социального». Было написано введение и заключение, десять очерков, в приложении к некоторым даны подборки нововывявленных в архивах документов, составлено несколько обобщающих таблиц и обширный библиографический список. Объем рукописи составил 15 п. л.

Труд представляет научно-популярное изложение основных проблем исторического развития Русского

Севера на протяжении XIII–XVII вв. Работа включает десять очерков, сформированных в четыре тематических раздела: о формах экономического и социально-политического развития севера, его исторической демографии, судьбах отдельных людей и семей, социокультурных коммуникациях. Территориальную основу работы составляют три крупных «Земли» и города – Белоозеро, Вологда, Устюг. По необходимости привлекаются данные и о других городах – Устюжне Железопольской, Тотьме, Сольвычегодске, Холмогорах, Архангельске, Каргополе. Некоторые очерки дополнены документальными приложениями. Работа имеет введение и заключение, снабжена таблицами и обширным библиографическим списком.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС ВОЛОГОДСКИХ ТЕКСТОВ «ЖИЗНЕННЫЙ КРУГ»
(научный руководитель – кандидат филологических наук Ю.Н. Драчёва)

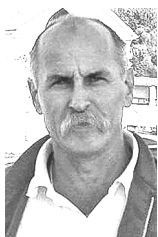
По проекту «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» в 2015 году работа продолжалась в трех основных направлениях: 1) сбор и обработка материалов для электронной базы; 2) создание оболочки электронного корпуса; 3) научные исследования на основе собранного материала.

Получены следующие результаты:

1. В течение 2015 года были проведены две экспедиции по сбору материалов: в Кирилловский (7 дней) и Никольский (7 дней) районы Вологодской области, а также опросы информантов в Вологде. Проводится техническая обработка аудио- и видеофайлов, их расшифровка и анализ. Продолжается работа по сбору материалов для текстовой части корпуса: литературной (фрагменты произведений вологодских поэтов и писателей) и медийной (тематически близкие статьи районных газет).

2. Апробируется и дорабатывается оболочка электронного мультимедийного корпуса на базе свободно распространяемого программного обеспечения. Структура корпуса проанализирована в статье (в соавторстве с программистом И.В. Морозовой) в журнале, входящем в реестр ВАК.

3. Материалы мультимедийного корпуса вологодских текстов «Жизненный круг» послужили источником фактических данных для научных исследований, результаты которых были представлены в докладах на пяти международных и трех всероссийских конференциях, а также на научных конференциях и семинарах регионального уровня. Результаты исследований изложены в 16 публикациях (в том числе 5 статей в журналах списка ВАК, одна коллективная монография «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» (Вологда, 2015, 16 п.л.), одна методическая разработка). Тематика научных исследований, как и в прошлом году, включает в себя изучение регионально ориентированных текстов коллекционных изданий (партворков), тексты которых были впервые исследованы в рамках данного гранта. В публикациях анализируется структура мультимедийного корпуса и принципы описания включенных в него текстов, исследуются особенности динамики значимых концептов (<труд> и <игра>) в наивной языковой картине мира, показана попытка описания особенностей представления диалектного дискурса в локальных медийных текстах и в регионально ориентированных текстах высокотиражных коллекционных изданий.

ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЯ
«ОПИСАНИЕ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ 1771–1773 гг.»
(научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.В. Пугач)

Данный проект предполагает комплексную историко-этнографическую, археографическую и лингвистическую подготовку к публикации описи Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг. Это последнее и наиболее полное из сохранившихся описаний одного из крупнейших монастырей России. Оно состоит из трех отдельных книг, которые хранятся в Государственном архиве Вологодской области (фонд 496 – Вологодская духовная консистория). Общий объем текста – 1693 листа (3386 страниц), формат книг – в лист. Первая книга – 1302 страницы – содержит описание всех строений монастыря, как их внешнего вида (архитектурный облик и размеры храмов, крепостных сооружений, административных и хозяйственных зданий и помещений и др.), так и внутреннего интерьера и имущества (алтари, царские врата, иконостасы, иконы, книги, церковные сосуды и утварь, мебель и многое др.). Вторая книга – 1340 страниц – содержит описание Малой и Большой монастырских ризниц: ризничных палат, сундуков и ларцов, икон, киотов, крестов, ковчегов, складней, церковных сосудов (дискосы, потиры, блюда и др.), настоятельских облачений (митры, ризы, стихари, епитрахили и т. д.), плащаниц, напрестольных покровов и др. Особое внимание уделяется описанию не только общего внешнего вида, материала, из которого изготовлены вещи, и их размера, но и подробному описанию отдельных деталей, особенно украшений из драгоценных металлов и камней (форма, вес, размер и др.). Третья книга – 744 страницы – описывает монастыр-

ское книжное собрание (около 2500 книг), настоятельские и казначейские кельи, их интерьер (иконы, шкафы, столы, стулья и др.), оружейную палату (знамена, карабины, мушкеты, пистолеты, пушки, порох), монастырские кладовые и погреба и их содержание, конюшенный двор (кареты, коляски, телеги) и многое др. Полнота и степень детализации данного описания такова, что позволяет провести полную и точную реконструкцию не только внешнего облика и внутреннего интерьера всех монастырских строений, но и абсолютно большей части описываемых церковных вещей. Итогом реализации проекта, который заканчивается в 2017 году, станет готовая для передачи в издательство рукопись «Описание Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг.». Она будет содержать полный текст описи монастыря с соответствующим синхронным и максимально возможным количеством иллюстративного материала, дающим визуальное представление как о внешнем и внутреннем виде отдельных историко-архитектурных объектов монастыря, так и богатстве монастырской ризницы, книжного собрания, монастырского арсенала, бытовых предметов и хозяйственного инвентаря и т. д. Кроме этого рукопись будет содержать историко-археографическое введение, посвященное истории описаний монастыря на протяжении XVI–XVIII вв., и обширный научно-справочный аппарат: именной, географический, иконографический указатели, указатель книг, предметно-терминологический словарь и др.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА
(научный руководитель – кандидат исторических наук Н.Г. Кедров)

В первом полугодии 2015 г. акцент был сделан на теоретическую проработку темы. В частности, были проанализированы исследования, посвященные историографии «великого перелома». Особое внимание было сосредоточено на формировании концептуальных и методологических принципов освоения темы. В поисках подхода, репрезентативного для решения задач проекта, были изучены труды, относящиеся к различным дискурсам. Одновременно с этим шла работа над понятийным аппаратом исследования. Со второй половины 2015 года велись систематический поиск и аналитическая обработка материалов по теме проекта в библиотеках различных российских горо-

дов: Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (г. Москва), Вологодской областной научной универсальной библиотеке (г. Вологда). Особенно важное значение имела работа с каталогом диссертаций РГБ. С целью накопления эмпирических материалов были осуществлены две, запланированные в проекте, командировки в Санкт-Петербург и Москву. В соответствии с поставленными в заявке задачами было начато более детальное, точечное изучение вклада отдельных персоналий в процесс исследования коллективизации. В частности, были проанализированы многочисленные официальные тексты И.В. Сталина. Эти

материалы легли в основу нашего доклада на Международной научной конференции «Сталинизм: идеология и практика» (Пермь, 24–25 сентября 2015 г.), а также статьи «Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства», которая принята к печати «Петербургским историческим журналом» (предварительно в № 1 за 2016 г.). В ходе поездки в Москву было записано интервью с известным историком-аграрником Ю.А. Мошковым. Предполагается написание о нем биографического очерка.

Для сборника трудов кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета

была подготовлена статья «Коллективизация в контексте изучения проблем советского политического режима». В ней рассмотрена связь между оценками коллективизации, присутствующими в современной историографии, и общим пониманием историками проблемы сущности и природы сталинизма. Таким образом, в 2015 г. был завершен этап теоретического и методологического освоения темы, определены концептуальные подходы и понятийный аппарат исследования. Автором было подготовлено 2 научных статьи и 3 доклада, представленных на научных мероприятиях различного уровня.

К сожалению, в 2016 г. РГНФ был реорганизован и присоединен к Российскому фонду фундаментальных исследований. Несмотря на это, работа по проектам под руководством М.А. Безнина, Е.Н. Ильиной, Л.Ю. Зориной, И.В. Пугача, Ю.Н. Драчёвой и Н.Г. Кедрова продолжается.

На конкурсы грантов 2016 года сотрудниками нашего университета было подано около сорока заявок, но финансовую поддержку получила только одна из них: проект под руководством доцента кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникаций С.А. Громыко. Поздравляем Сергея Александровича с этим успехом!

На правах рекламы

Л.А. Берсенёва

*кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора Педагогического института
по учебно-воспитательной работе ВоГУ*

МАГИСТРАТУРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВоГУ – ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАУКУ

В переводе с латинского языка слово *магистр* означает «наставник, учитель, руководитель». В Средние века, когда появились первые университеты, степень магистра присуждалась только преподавателям «семи свободных искусств» (*Magister artium liberalium*). Сегодня магистр в англо-американской и европейской системе высшего образования занимает промежуточное положение между бакалавром и доктором наук (PhD), а в нашей стране с недавнего времени магистратура стала одним из уровней высшего образования.

Ученая степень магистра была введена в России императорским указом в 1803 году. Лица, получившие эту степень, имели право заведовать кафедрой. Магистерскую степень имели, например, писатель Н.Г. Чернышевский, историк Н.И. Костомаров, физик А.Ф. Иоффе. После 1917 г. подготовка магистров была отменена вплоть до начала 90-х годов XX века.

В соответствии с Постановлением Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ от 13.03.1992 «О введении многоуровневой структуры высшего образования Российской Федерации» наряду с подготовкой дипломированных специалистов стала осуществляться подготовка бакалавров и магистров. Целью этого нововведения было расширение возможностей вузов в удовлетворении многообразных культурно-образовательных запросов личности, обеспечения получения студентами фундаментального образования в определенной области знаний, повышения на-

учной и профессиональной углубленной подготовки специалистов, в том числе для научно-исследовательской и педагогической деятельности. В своей работе по открытию магистратуры университеты руководствовались Положением о магистерской подготовке (магистратуре) в системе многоуровневого высшего образования Российской Федерации, утвержденном Постановлением Государственного комитета РФ по высшему образованию № 42 от 10.09.93 г.

Именно в 1993 г. в Вологде впервые был осуществлен набор в магистратуру. Инициировала открытие магистерской подготовки декан филологического факультета Вологодского государственного педагогического института Маргарита Александровна Вавилова. Учитывая тот факт, что магистерская подготовка в то время была довольно смелым экспериментом, финансирование программы взял на себя вуз. Учебный план, рассчитанный на 1 год обучения, предполагал 24 аудиторных часа в неделю и включал базовую часть (философия, педагогика высшей школы, естественно-научная картина мира), а также дисциплины, направленные на углубление филологического образования: лингвопоэтика, иностранный язык (повышенный уровень), мифологизм в литературе, литература Серебряного века, стихосложение. Итоговая аттестация представляла собой защиту индивидуального творческого проекта по методологии преподавания литературы. На курсе обучалось 8 выпускников 1993 г., все они получили степень магистра филологии

и документ государственного образца об окончании магистратуры. Четверо из них стали кандидатами филологических наук, двое (О.А. Маркевич, доцент кафедры социальной работы, и А.В. Фёдорова, доцент кафедры литературы) в настоящее время работают в ВоГУ. Остальные выпускники-магистры трудятся в системе образования г. Вологды и Вологодской области.

Выпускники первой магистратуры отмечают, что несомненным плюсом обучения была возможность выстраивать индивидуальные траектории обучения, продолжать активное участие в жизни факультета: посещать научные мероприятия, встречи с выдающимися отечественными учеными-филологами, защиты кандидатских диссертаций.

Опыт организации первой магистерской программы был очень полезен при лицензировании и открытии магистратуры по направлению «Педагогическое образование» в 2009 г. На филологическом факультете шла подготовка по двум магистерским программам: «Языковое образование» и «Литературное образование». С 2009 по 2015 гг. диплом магистра получили 50 выпускников. Семь из них продолжили обучение в аспирантуре, шесть магистров работают в различных подразделениях университета. 90% выпускников магистратуры филологического факультета трудоустраиваются в учреждениях образования и культуры: школах, библиотеках, музеях, центрах дополнительного образования.

Особенности организации процесса обучения на второй ступени высшего образования, специфика учебного плана позволяют студентам совмещать учебу с научными исследованиями, участвовать во всероссийских и международных конференциях, выступать соисполнителями работ по научным грантам, совершенствовать профессиональные качества педагога в ходе практик и при освоении практикоориентированных дисциплин.

Студенты магистратуры филологического факультета ежегодно показывают высокие результаты в учебной и научной деятельности: например, Н.Н. Карачева (год поступления – 2013) была стипендиатом Правительства Российской Федерации, М.И. Черняева (год поступления – 2014) является стипендиатом Президента Российской Федерации, Т.Г. Комиссарова (год поступления – 2015) – победитель областного конкурса инновационных проектов «Моя стратегия – мое будущее» (2015), участник ряда всероссийских и международных конференций.

В 2016 г. факультет объявляет набор на образовательную программу магистратуры «Филологическое образование». В учебном плане сделан акцент на дисциплины, расширяющие общую филологическую подготовку бакалавра (специалиста), обеспечивающие формирование качеств, необходимых для педагога – преподавателя словесности. Обучение магистрантов по заявленному профилю наиболее приближено к потребностям современной школы, дает выпускникам углубленные знания в сфере лингвистики и литературоведения, а также формирует прочную методологическую основу для образовательной деятельности.

Филологический факультет Вологодского государственного университета приглашает продолжить обучение в магистратуре по направлению подготовки 44.04.01, направленность (профиль) «Филологическое образование» выпускников бакалавриата и специалитета, преподавателей общеобразовательных, средних специальных учебных заведений, а также педагогов сферы дополнительного образования, сотрудников учреждений культуры Вологодской области. Информацию о сроках и формах вступительных испытаний можно уточнить по адресу: г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, к. 231, 232, телефон 72-50-73, а также на сайте приемной комиссии: <http://priem.vogu35.ru/>.

Первый выпуск магистров филологического факультета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баконов Евгений Юрьевич

лаборант кафедры отечественной истории ВоГУ
evgeny.bakonoff@yandex.ru

Баксанский Олег Евгеньевич

доктор философских наук, профессор Института философии РАН
obucks@mail.ru

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, зам. директора по научной работе Педагогического института ВоГУ, зав. кафедрой отечественной истории ВоГУ
beznin@uni-vologda.ac.ru

Берсенёва Лилия Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, зам. директора по учебно-воспитательной работе Педагогического института ВоГУ, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
tigamisu@bk.ru

Голубчикова Марина Геннадьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Иркутского государственного университета
mg2@bk.ru

Драчёва Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
yulia.dracheva@mail.ru

Дьякова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина
lebedevanatali@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ
lveg@yandex.ru

Золотова Ольга Акиндиновна

кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии ВоГУ
zolga_vologda@mail.ru

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
lyudmila.zorina@gmail.com

Иванова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
el-ivan@mail.ru

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
filfak@list.ru

Касаткина Светлана Сергеевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета
svetlanach5@rambler.ru

Кедров Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник при кафедре отечественной истории ВоГУ
nk149@yandex.ru

Киселёва Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления персоналом филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в г. Вологде
socped@vologda-uni.ru

Киселёва Ольга Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и исторических дисциплин ВоГУ
olgakiseleva03@mail.ru

Козлова Галина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
kozlovagu@yandex.ru

Колесова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
mika-vologda@mail.ru

Коробейникова Людмила Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор (г. Вологда)
lebedeva.elena@inbox.ru

Ларионова Анна Николаевна

аспирант, ведущий специалист отдела аспирантуры и докторантуры Череповецкого государственного университета, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы ЧГУ
larionova.ann@bk.ru

Мальцева Раиса Ивановна

доктор филологических наук, профессор кафедры электронных СМИ и новых медиа Кубанского государственного университета
evamalts@mail.ru

Нестеров Александр Юрьевич

доктор философских наук, зав. кафедрой философии и истории Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)
phil@ssau.ru

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета
olnikitin@yandex.ru

Панов Леонид Сергеевич

старший преподаватель кафедры отечественной истории ВоГУ
l_panov@rambler.ru

Пугач Иван Васильевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ
kafticie@mh.vstu.edu.ru

Розанов Юрий Владимирович

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ВоГУ
rosanov007@gmail.com

Румянцева Анна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ
smile_like_annie@yahoo.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ВоГУ, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплин ВоГУ
sablin@inbox.ru

Савина Анна Викторовна

старший преподаватель кафедры всеобщей истории и исторических дисциплин ВоГУ
avsavina@yandex.ru

Синицын Антон Александрович

кандидат технических наук, доцент, проректор по научной работе и инновационному развитию ВоГУ
ratinfo@mail.ru

Скупинова Елена Алексеевна

кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии ВоГУ
scupin@mail.ru

Соколова Татьяна Леонидовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ
ist@vologda-uni.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
gvs035@rambler.ru

Тяпин Игорь Никифорович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ВоГУ
tyapinigor@mail.ru

Филиппова Елена Владимировна

директор АНО ДПО «Сибирское агентство развития квалификаций»
anopark@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ
mscherkasova@mail.ru

Шишигина Татьяна Леонидовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры литературы ВоГУ
shishigina.tat@yandex.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Подписано в печать 23.05.2016. Формат 60 x 84/8.
Усл. п. л. 14,25. Тираж 1000 экз. (Первый оттиск 100 экз.) Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ.
Отпечатано: ИП Киселев А.В.
160000, г. Вологда, Пошехонское шоссе, д. 18, корпус Н.